

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук
Уральский институт управления — филиал Федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

**УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1923–1934 гг.:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ
(исторические очерки)**

Екатеринбург
2025

УДК 94 (470.5) “1923/1934”
ББК 63.3 (235.55) 61
У 68

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент Е. Ю. Баранов
(Институт истории и археологии УрО РАН)
доктор исторических наук, профессор В. Л. Берсенева
(Институт экономики УрО РАН)

Редакционная коллегия:

Е. Т. Артемов, А. Э. Беделев, А. В. Жарков (секретарь),
Г. Е. Корнилов (ред.), И. В. Побережников, М. А. Фельдман (ред.)

Уральская область в 1923–1934 гг.: взгляд через 100 лет :
У 68 [Электронный ресурс] : монография / Ред.: Г. Е. Корнилов, М. А.
Фельдман; ИИиА УрО РАН; Уральский институт управления —
филиал РАНХиГС. — Екатеринбург, 2025. — 170 с. — Режим
доступа : <http://www.ihist.uran.ru/2025Uralskaya>

ISBN 978-5-8056-0471-4

© Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, 2025
© ИИиА УрО РАН, 2025
© Авторы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>Г. Е. Корнилов</i>)	4
Глава 1. Уральская область — место в советской истории (<i>М. А. Фельдман</i>)	12
Глава 2. Эволюция модели многоукладной экономики в границах Уральской области (<i>А. П. Килин</i>)	24
Глава 3. Город и завод: Пермь и Мотовилиха в Уральской области (<i>О. Л. Лейбович</i>)	35
Глава 4. Итоги реализации индустриального проекта за годы существования Уральской области (<i>И. В. Зыкин</i>)	57
Глава 5. Население Уральской области: особенности формирования (<i>Г. Е. Корнилов</i>)	69
Глава 6. Развитие культуры и науки в Уральской области (<i>К. Д. Бугров</i>)	104
Глава 7. Формирование системы советского образования в Уральской области (<i>А. В. Жарков</i>)	126
Список сокращений	145
Список источников	147
Список литературы	155
Информация об авторах	169

ВВЕДЕНИЕ

При проектировании областей и краев как относительно самодовлеющих в хозяйственном отношении образований, главное внимание уделялось наличию топливно-энергетических ресурсов как базы развертывания производительных сил и формирования современной индустриальной структуры хозяйства, а также сокращение нерациональных транспортных перевозок, учитывался при этом и военно-стратегический аспект хозяйственного развития. В соответствии с главными политическими и экономическими задачами НЭПа новое внутриобластное (внутрирайонное) АД было также пронизано преимущественно социально-экономическими подходами.

Сессия ВЦИК 3 ноября 1923 г. утвердила Положение об Уральской области, а 12 ноября — проект границ отдельных округов Уральской области. Вместо четырех губерний — Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской — были образованы 15 округов в составе обширной Уральской области. С появлением 16-го Коми-Пермяцкого национального округа территория Уралобласти в 1925 г. составила 1450 тыс. кв. км, население — 6208 тыс. человек¹.

Районы должны были слагаться из однородных в хозяйственном отношении волостей со сходными природными и культурно-бытовыми условиями, по возможности (как показала практика районирования в Уральской области) с учетом однородности национального состава населения. На основе экономического тяготения сельских территорий к естественно сложившимся центрам и небольшим городам, выделялись административные центры районов. Масштаб района был непосредственно призван осуществлять нэповский лозунг укрепления связи деревни с городом в политическом, экономическом и культурном отношении. При выделении низовых районов в значительной части учитывался фактор оптимально допустимых при тогдашних средствах передвижения расстояний от самых дальних сельсоветов до районного центра.

Замена прежнего строения АД (губерния—уезд—волость), в целом вообще слабо связанного с организацией экономики, новым (область—округ—район) представляла собой общее укрепление масштаба

¹ Ножкин В. В. Положение об Уральской области и его историческое значение // Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1974. С. 128–134; Районирование Урала. Свердловск, 1924. С. 10; Фертауп П. Итоги административного районирования Урала // Экономика. 1925. № 8–9. С. 2–9.

управления, как показали дальнейшие события, стало непосредственно связываться с индустриальными перспективами развития общества и соответствующими им масштабами экономического взаимодействия.

Достаточно проблематично происходило в 1920-е гг. и выделение окружного звена АТД. Слагавшиеся из районов округа вообще были наименее определенными по своим функциям, масштабу и задачам элементами АТД. В процессе практического районирования округа представляли, во-первых, хозяйственно однородные объединения районов, построенные по принципу укрупненной хозяйственной специализации в рамках производственно-экономического комбината области; во-вторых, как основное звено связи местных промышленных городских центров с сельскохозяйственными районами. Опыт создания 15 округов Уральской области показал, что не во всех случаях «нарезка» округов происходила удачно. Часть округов создавалась механически, без изменения границ. В Уральской области 5 округов были составлены из 10 уездов без существенного изменения старых границ; в состав остальных 10 округов были включены почти без изменения 13 уездов, но с незначительными прирезками.

В феврале-апреле 1925 г. ВЦИК совместно с руководством Уральской области осуществили один из первых экспериментов по созданию национального автономного образования в составе области — Коми-Пермяцкого национального округа. В 1926 г. округ получил первые атрибуты национальной автономии — отдельное представительство во ВЦИК с правом совещательного голоса.

В русле национальной политики в составе Уральской области в 1920-е гг. стали создаваться национальные районы и национальные сельские советы. В 1928 г. в составе области насчитывались 1 национальный округ, 14 национальных районов, 228 национальных сельсоветов с преобладающим нерусским населением и 226 — со смешанным, которые в совокупности охватывали 65 % численности населения национальных меньшинств, проживавших в сельской местности¹. Направленность этих мер была очевидна: показать возможность удовлетворения национальных чаяний народов в составе более крупных промышленно-территориальных образований, выделяемых на экономической основе, то есть вне полномасштабной национальной автономии.

Создание Уральской области (как первый в СССР опыт районирования крупной промышленной области) в дальнейшем послужило примерным образцом для территориально-административного

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 47. Л. 321–324.

оформления других областей и краев. Новые областные и краевые объединения проектировались и в соответствии с перспективами намечаемого масштабного индустриального развития. На общий сдвиг территории Уральской области в восточном направлении оказывали влияние перспективы создания второй угольно-металлургической базы страны Урало-Кузбасса. Присоединение к Уральской области обширного Тобольского Севера открывало перспективу вовлечения в оборот огромных лесных богатств и за счет этого возможность сохранения в регионе крупных мощностей древесно-угольной металлургии. Считалось, что Уральский промышленный район мог способствовать более быстрому хозяйственному прогрессу и культурному просвещению туземных народов Севера¹. Дальний Север в составе 5 районов Тобольского округа занимал 56,7% территории области, а население составляло менее 1%. Подавляющая часть населения (99%) проживала в юго-западной части области, которая по площади занимала 43,7%. При такой заселенности Урал таил в себе определенные колонизационные возможности. В качестве мест, намеченных к отводу для переселенцев, в середине 1920-х гг. были выделены северные районы Верхне-Камского, Тагильского, Тобольского, Троицкого и юг Курганского округов. Земельный простор на Урале был велик, но для заселения требовались большие средства.

Положенный в основу районирования Уральской области принцип экономической целесообразности оказался в целом успешным. Он позволил реализовать в условиях НЭПа эффективную планово-рыночную модель регионального развития. Эффективность этой модели обеспечивалась тем, что руководящие органы области получили круг прав и полномочий в сфере хозяйственного управления. В ведении Уралоблисполкома и Уральского областного Совнархоза (как его хозяйственного отдела) находилась не только местная, но и вся государственная промышленность союзного и республиканского подчинения. Эта схема районирования была сориентирована на ускоренное движение промышленности к новым, перспективным районам сосредоточения сырья и на усиление влияния индустриальных центров на развитие аграрной периферии.

Структура и состав Уральской области несколько раз корректировались, изменялось число округов. С начала 1930-х гг. сталинским руководством проводится новая серия административно-территориальных изменений, они подчинялись стратегической линии на всеобъемлющую экономическую и социальную реконструкцию общества, превратились

¹ Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 169.

в прямое орудие реализации политических целей режима. В новых условиях фундаментально разработанная, рациональная идея совмещения экономических, политических и административных принципов районирования оказалась ненужной. К тому же создание крупных административно-территориальных образований могло усилить региональную элиту, что было нежелательно в условиях складывающейся в СССР суперцентрализации. Во-вторых, в условиях полного отсутствия рынка, экономический фактор не мог стать ведущим в административно-территориальном делении. В-третьих, укрупнение административных единиц не отвечало имеющимся возможностям аппарата управления. Созданные в 1923–1929 гг. огромные по площади и населению административно-территориальные единицы были плохо управляемы. Ликвидация округов была непосредственно связана и с развернувшейся те годы в СССР коллективизацией сельского хозяйства. В её ходе основная нагрузка по сельскому хозяйству ложилась на районные структуры, округ в этих условиях становился лишним управленческим звеном. В результате в 1930–1939 гг. в СССР была проведена вторая советская реформа административно-территориального деления страны, что официально мотивировалось расширением и усложнением задач социалистического строительства. 8 августа 1930 г. округа (кроме национальных), были ликвидированы, основной административной единицей областей и краёв стал район. В конце 1933 года площадь Уральской области составляла 1896 тыс. кв. км, область состояла из 3 национальных округов, 116 районов, 15 городов и 1 рабочего посёлка областного значения, 3129 сельсоветов, 41 города и 100 рабочих поселков районного значения. Постановлением Президиума ВЦИК от 17 января 1934 г. в связи с невозможностью управления столь обширной территорией была ликвидирована просуществовавшая полных 10 лет Уральская область. Постановлением Президиума ВЦИК 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обь-Иртышскую (с центром в Тюмени).

Образованная в 1923 г. Уральская область включила в свой состав основные промышленные предприятия края. Однако вне объединения были оставлены Башкирия, Удмуртия и Оренбургская губерния. Возникшие Башкирская АССР, Удмуртская (Вотская) область должны были способствовать быстрому росту национальных отрядов рабочего класса. Оренбургская губерния сначала рассматривалась как опорное звено Советской России в Казахстане, а затем (с 1925 по 1934 гг.) входила в состав Средне-Волжского края. Такой ход районирования не

способствовал становлению единого уральского хозяйственного и социально-культурного комплекса. Как и к 1914 г., можно говорить о существенных успехах процесса промышленного переворота в ведущих отраслях индустрии к середине 20-х гг., но не о его завершении в рамках всей промышленности. Урал оставался преимущественно сырьевым регионом — поставщиком сырья, а также металла и оружия.

Выход из такого положения уральское руководство видело в комплексном развитии края. Формой решения проблемы стал Генеральный план развития Урала на 1927–1941 гг. Теоретический каркас — идея о вертикальных и горизонтальных производственно-технологических связях региона. Многообразие природных богатств Урала открывало для него широкие перспективы развитию высокорентабельного комбинированного производства. Это — первый опыт экономического и социального регионального развития. Социальная сторона включала: строительство комплексных жилых районов со всеми коммунальными удобствами и зелеными насаждениями, учреждениями культуры и образования. Предусматривалось создание сети высших и средне-специальных учебных заведений.

Специфика Среднего Урала как единого промышленного комплекса понималась так: кооперация двух сфер: по вертикали — добыча сырья и переработка в готовый продукт; по горизонтали — технологическое использование побочных продуктов основного производства. Единую инфраструктуру создавали первые в СССР региональные общеуральская энергосистема и единый железнодорожный комплекс. Общеуральская энергосистема становилась ядром, вокруг которого должны были концентрироваться промышленные комбинаты. Процесс формирования промышленного комплекса Урала должен был протекать на различных подуровнях: создание конкретных комбинатов; создание промышленных узлов, охватывающих ряд комбинатов; формирование промышленных районов из группы узлов; территориальных промышленных комплексов крупного промышленного района. В этой схеме заключалось спасение: в каждом городе или поселке должен был действовать завод, замкнутый либо на конкретный комбинат, либо на производство специализированной продукции союзного значения.

Особенностью экономического районирования в СССР в данный период было сохранение понимания Уральского региона как единого целого: особого крупного экономического района (района с целостной производственной специализацией и прочными внутренними экономическими связями). Более того, была исправлена ошибка

1920-х гг.: центральными органами к Уральскому экономическому району была добавлена Удмуртия и Оренбургская область. Кроме того, при расформировании Уральской области, ликвидации общеуральских плановых, исполнительных, статистических органов были оставлены многие производственные тресты, охватывающие регион: Уралуголь, Главуралмет, Уралмедь и др.

Из 13 крупных экономических районов СССР к 1941 г. промышленный потенциал Урала уступал только Центральному, Северо-Западному экономическому районам и Украине. Пятилетние планы утверждались как по отраслям, так и по экономическим районам. В третьей пятилетке Урал рассматривался крупнейшим центром на востоке по производству черных и цветных металлов, продукции химической, тяжелого машиностроения, горнодобывающих отраслей. Удельный вес Урала должен был вырасти с 6 до 10 % общесоюзного производства. Сама задача — превращения края в самостоятельный индустриальный комплекс вытекала не только из прогнозируемой модели регионального развития, но и из понимания геополитического положения Урала, края, удаленного от границ. Урал должен был сохранить свое положение ведущего центра оборонной промышленности. К традиционным уральским видам вооружений: союзному центру по производству стрелкового оружия (Ижевск), боеприпасов (12 механических заводов), артиллерии (Пермь) добавлялись производство танков (ЧТЗ), гаубиц (Уралмаш и Уралвагонзавод), авиамоторов (Пермь). К началу Отечественной войны на Урале был создан территориально-производственный комплекс, который, в частности, смог преодолеть раздробленность региональной экономики по замкнутым горнозаводским округам. Новое явление — создание группы промышленных гигантов двойного назначения, расположенных непосредственно в административных центрах. Заводы-гиганты обладали высокой степенью механизации по меркам 1930-х гг. Малые города Урала обретали военное производство (механические заводы) и оживали. Степень развития ВПК Урала вдвое превышала союзный показатель: так, предприятия военного сектора, произвели 36 % промышленного производства Уральского региона, а по СССР — 18 %. В 1940 г. Уральский экономический район (включая Башкирию и Удмуртию) произвел 6,83 % промышленной продукции СССР. Между тем удельный вес Урала в общесоюзном военном производстве в 1940 г. составил 12,4 %¹. В апреле 1941 г. в крае размещались

¹ Подсчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 2, 131.

Введение

12 из 75 предприятий Наркомата боеприпасов. Приведенные факты свидетельствуют, что Урал стабильно оставался опорным звеном военно-промышленного потенциала державы на протяжении XVIII–XX вв. Треть промышленного производства Урала давала Свердловская область. Таким образом, вместо “островов” индустриализации во второй половине 1920–1930-е годы оформились две зоны: преимущественно промышленная и сельская.

В монографии предлагаются очерки по истории феноменального образования — Уральской области, которая просуществовала всего 10 лет. Основное внимание авторы уделили проблемам модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности. В определенной степени эти планы оказались выполненными по таким направлениям, как: территориальное размещение промышленности; кооперация и специализация предприятий; возможность самостоятельного регулирования экономических проблем.

Г. Е. Корнилов

ГЛАВА 1

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ — МЕСТО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

М. А. Фельдман

Для советской экономической науки 1920-х гг. было очевидно, что пространственное размещение промышленности (в рамках районной теории) предполагает не только вертикальное и горизонтальное комбинирование, но говорит о пространственном сочетании производительных сил. За центральными органами управления закреплялись руководство межрайонными отношениями через структуры планирования; руководство транспортом и связью; разработку нормативной базы; контрольно-надзорные функции. Период нэпа оставил методологические разработки, позволяющие на основе научных принципов выстраивать планы пространственного размещения промышленности.

Например, по мнению Н. Н. Колосовского, связующими элементами районного комбинирования являются электрификация и внутренний транспорт. Электрификация позволяет преодолевать пространства для объединения электроснабжения. Внутренний транспорт дает возможность организовать взаимный обмен сырьем, топливом, полуфабрикатами. За центральными органами управления должны остаться руководство межрайонными отношениями через структуры планирования, руководство транспорта, том, связью; разработка нормативной базы; контрольно-надзорные функции. При этом управленческий аспект проблемы пространственного размещения промышленности понимался в формате сочетания централизованного управления и широкой экономической автономии на местах¹.

Отталкиваясь от этих принципов, реформа административно-территориального деления в СССР в 1923–1930 гг. представляла собой попытку найти оптимальное соотношение властных полномочий между регионами и центральной властью. Укрупнение регионов, прежде всего, в формате **Областей**, близких по своим административным границам к *крупным экономическим районам*, привело к укреплению региональных (областных) элит и росту их влияния на положение дел в стране. Это было необходимо для проведения масштабных политических, экономических и социальных преобразований в стране,

¹ Колосовский Н. Н. Проблема порайонной организации хозяйства // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 20–31.

связанных с нэпом. В рамках административно-территориальной реформы в качестве первых двух областей были использованы промышленный Урал и сельскохозяйственный Северный Кавказ. В 1923 г. была создана **Уральская область**, разделенная на округа и районы, а в 1925 г. образован Северо-Кавказский край с таким же внутренним делением. Вскоре были созданы Сибирский (1925) и Дальневосточный (1926) края, Ленинградская (1927), Московская (1929) и Ивановская (1929) области. В 1928 г. закончилась реорганизация Центрально-Черноземной, Средне-Волжской и Нижне-Волжской областей, затем были созданы еще четыре области (Западная, Нижегородская, Центрально-Промышленная, Ивановская) и Северный край.

Период Нэпа стал временем разработки и начала реализации вариантов Первого пятилетнего плана, позволяющих решить многие задачи раннеиндустриальной модернизации на основе сохранения многоукладной экономики; взаимодействия плана и рынка.

Десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 — январь 1934 гг.) стал временем эксперимента по модернизации экономики в формате планомерного пространственного размещения промышленности. В какой степени эти планы оказались выполненными по таким направлениям, как: территориальное размещение промышленности; степень кооперации и специализации предприятий; возможности самостоятельного регулирования экономических проблем; качества социальной сферы; изменение места Уральской области в общесоюзном экономическом потенциале? Ответы на поставленные вопросы составляют основу научной задачи.

«Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.»¹ представлял собой уникальный вариант экономического развития, поскольку, во-первых, продолжал традицию управления горнозаводскими округами (ГЗО) на протяжении двухсот лет в дореволюционный период. Центр Уральской области — город Свердловск — наследовал опыт планирования, многостороннего контроля; штат опытных управляющих ГЗО и крупных предприятий; сбора статистических данных Главным управлением горных заводов Урала в городе Екатеринбурге (с 1723 г.)².

Во-вторых, подобный опыт был скорректирован в годы Первой мировой войны созданием Уральского экономического района (под эгидой

¹ Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927.

² Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 129–130.

Уральского заводского совещания во главе с Уполномоченным Особого Совещания); накоплением планов модернизации путей сообщения и индустриальных объектов. В-третьих, на Урале, в годы Гражданской войны и в первые годы НЭПа, была использована практика регулирования горнозаводских трестов в рамках всего региона¹. В-четвертых, необходимость масштабной реконструкции диктовалась глубиной отставания уральских заводов от уровня технического оснащения предприятий Юга России; интересами обороны страны. Все перечисленное подталкивало местную школу экономистов и технических специалистов к оперативному созданию плана модернизации экономики региона.

Уникальность «Генерального плана» заключалась и в том, что он сочетал черты централизованного (отраслевого) управления и возможности самостоятельного решения ряда региональных проблем, прежде всего в сфере внутрирегиональной и внутрирайонной кооперации предприятий, и, как следствие, создание единого промышленного комплекса.

Наконец, Генеральный план предполагал развитие региона в рамках многоукладной экономики, что с учетом высокоразвитого ремесленного сектора в уральских рабочих поселках и городах²; отходничества в деревне, позволяло бы использовать опыт и традиции, накопленные за столетия существования горнозаводского Урала. Многие задачи Генерального плана были сохранены в «Пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР» в разделе, касающемся Уральской области. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала и Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность затрат общественного труда»³.

Другим вектором пространственного размещения промышленности стало целенаправленное приоритетное размещение производственных мощностей в Восточных регионах СССР. Показательно, что на 1 октября 1928 г. в трех старых промышленных районах (Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде) были сосредоточены 65,3 % всех основных производственных фондов государственной промышленности, тогда как к концу Первой пятилетки их доля должна была

¹ Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923 гг.). М., 1975.

² Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Свердловск, 1964.

³ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М., 1930. С. 16.

существенно сократиться до 54,7 %. В частности, по наметкам Первого пятилетнего плана, доля Уральской области в *общесоюзном промышленном производстве* стремительно возрастала с 4,27 до 10,36 %. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6 % всех всесоюзных капиталовложений¹.

Однако утверждение леворадикального курса в ходе «Великого перелома» привело к отказу от принятых и утвержденных ранее планов. Становление командно-административной системы в экономике привело к тому, что планы конца 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей, были дезавуированы. Так, Постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета» предлагало ВСНХ и Госплану в кратчайшие сроки разработать и представить в СНК единый жестко централизованный план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны. Показательно, что и в научных трудах к началу 1930-х гг. проблема управленческого функционала в регионах постепенно сужается до узкого круга задач².

Фактически промышленный комплекс Урала в годы Первой пятилетки создавался под диктовку отраслевых наркоматов, формируя унифицированную управленческую вертикаль, характерную для всех регионов СССР. Облплан и Совет народного хозяйства Уральской области превратились в контролеров за исполнением директивных заданий московских центральных учреждений. Инициативы местных органов, направленные на более рациональное осуществление промышленного развития региона, решительно пресекались политическим руководством страны³. В тоже время, попытки наладить внутрирегиональную кооперацию, например, путем создания института уполномоченных Госплана СССР, носили несистемный характер, и не приносили успеха.

Подобное явление, как препятствующее осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования, получило критическую оценку специалистов уже в самом начале 1930-х гг. По мнению учёных, объективные экономические процессы специализации и кооперирования должны были проходить на основе «минимизации затрат на основе хозрасчёта, а основным критерием для размещения предприятия или комбината должны являться наличие рынка сбыта,

¹ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР... С. 38–40, 554–555, 562–563.

² Колосовский Н. Н. Будущее Урало-Кузбасского комбината. М.: Л., 1932.

³ Бедель А. Э., Воробьев С. В., Постников С. П. Сталинская индустриализация (30–40-е годы) // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 168.

хозрасчётное обоснование места; энергетическая достаточность». Авторы подчеркивали: «...развитие кооперирования должно происходить на основе укрепления хозрасчёта; договорной дисциплины; механизма контроля рублем — неустоек штрафов»¹.

Для начала 1930-х гг. весьма смелым утверждением звучали слова о недопустимости расширения административного вмешательства в руководство предприятиями, а также о необходимости разукрупнения громоздких предприятий; сокращения радиусов кооперирования, специализации небольших предприятий.

Необоснованный отказ от научных принципов планирования, от совмещения административно-территориальных единиц (областей) с границами крупных экономических районов, включая разделение Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области в январе 1934 г.; затруднил реализацию пятилетних планов. Сам факт такого решения свидетельствовал о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы первой пятилетки, хотя это был частный случай глобального невыполнения заданий Первой пятилетки в экономике. В наибольшей степени это касалось замысла о равномерном и рациональном принципе пространственного размещения промышленности. В результате ликвидации Уральской области были деформировано складывающееся отраслевое кооперирование и технологические связи между отраслями хозяйства; острее стали ощущаться недостатки в материально-техническом снабжении и квалифицированных кадрах².

Исследователи отмечают тот факт, что раздел Уральской области в начале 1934 г. стал средством борьбы Сталина и его окружения с провинциальными элитами, чтобы нейтрализовать потенциал власти региональных лидеров³. Масштаб сталинского недоверия к представителям уральского руководства характеризует такой факт: за короткий восьмилетний период (декабрь 1923 — январь 1932 гг.) состав ядра элиты Уральской области — Бюро Уралобкома ВКП(б) — поменялся кардинально: *выходцы с Урала в нем являлись абсолютным меньшинством* — пятеро из 25 человек. Из пяти секретарей Уралобкома — четверо оказались присланными из ЦК ВКП(б) назначенцами,

¹ Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке: Сборник тезисов к I конференции по размещению производительных сил. М., 1932. С. 10, 12, 32, 33.

² Бедель А. Э., Воробьев С. В., Постников С. П. Сталинская индустриализация (30–40-е годы) ... С. 169.

³ Там же. С. 168–169.

и только один — В. Ф. Головин — происходил из уральской рабочей среды¹.

Между тем, за годы Первой пятилетки, промышленность региона получила 7,8 % всех всесоюзных капиталовложений в индустрию, т.е. в полтора раза меньше запланированного². Замысел — рывком увеличить долю основного индустриального бастиона Восточных районов — Уральской области — в производстве промышленной продукции СССР за годы Первой пятилетки с 4,27 % до 10,36 % не увенчался успехом. В брошюре председателя Уралплана Г. И. Крумина, подводящей итоги Первой пятилетки, говорилось о создании «современнейшего промышленного комплекса на Урале», в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного»³. Однако в брошюре фиксировалось: «в период 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 % до 5,4 %», но не уточнялось, что такой результат — почти вдвое меньше запланированного⁴. Непредвзятый анализ статистических данных брошюры показывал: диспропорции в развитии группы «А» и «Б» в уральской промышленности за пятилетку только возросли — с восьмикратно-го разрыва в 1927/28 хоз. г. до десятикратного в 1932 г.

Неслучайно, раздел в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» ограничивался информацией о росте доли Восточных районов только в традиционных для горно-металлургического края отраслях — добыче угля (с 19 % до 25,8 %) и производстве чугуна (с 21 % до 25 %)⁵. Препятствием для модернизации Урала стало отставание энергетического потенциала (удельный вес Урала в выработке общесоюзной электроэнергии в 1932 г. не превышал 7,3 %), а также недостаточное развитие собственного машиностроения (удельный вес продукции всех машиностроительных заводов Урала (и Западной Сибири) составлял 6,5 %)⁶.

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 16. Л. 1.

² Рассчитано по: Капитальное строительство в СССР. М., 1961. С. 60; Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. (1926–1932 гг.). М., 1971. С. 258.

³ Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и Обл. КК КП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск; М., 1933. С. 3.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 226–228.

⁶ Взято из: Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1939. С. 45.

Формирование обширной группы машиностроительных и металлургических предприятий, включенных в годы Первой пятилетки в оборонно-промышленный комплекс, имело чётко выраженный пространственный аспект: мобилизационные заказы чаще получали заводы с уже устоявшимся производством в западной части страны, а значит, с меньшими рисками при выполнении плановых заданий. Территориальное размещение оборонных предприятий на Урале в годы первой пятилетки включало в себя либо традиционное производство винтовок и орудий (Ижевск и Пермь), холодного оружия (Златоуст); либо расконсервирование мощностей по выпуску боеприпасов, налаженному в годы Первой мировой войны¹.

Однако само себе возобновление производства военной продукции на уральских заводах проходило с большим трудом. Так, в аналитическом обзоре Госплана СССР отмечалась низкая квалификация набранных рабочих, а также тяжелейшие жилищные условия: военная промышленность могла «обслужить этой площадью только четверть всех работающих, при совершенно недопустимой норме площади — около 3,5 м² на человека»². Как отмечалось в Докладной записке начальника Сектора обороны Госплана СССР С.О. Ботнера руководству Госплана СССР, остройшей проблемой являлась обеспеченность военной промышленности кадрами³. Как видно, на пути запланированного советским руководством сдвига промышленности на Восток отчетливо встал «человеческий фактор».

Производство наиболее сложных машин и аппаратуры гражданского и особенно военного назначения по-прежнему концентрировалось в столичных регионах и на крупных предприятиях Украины. Обратим внимание и на следующее обстоятельство: капиталовложения в промышленность Украины почти в 1,5 раза превышали вложения в промышленность ЦПР, обладающую большим производственным потенциалом. Стоимость производственных промышленных фондов Украины за пятилетку должна была вырасти в 3,1 раза при аналогичном

¹ Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М., 2012. С. 171, 179.

² Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке // История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 1 (1927–1932). М., 2008. С. 750–755.

³ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 2 (1933–1937). М., 2011. С. 140–142.

показателе по промышленности СССР в 2,9 раза¹. С точки зрения генерального курса государства — сдвига промышленности на Восток — такая ситуация была труднообъяснима, и на подобное противоречие обратили внимание специалисты Госплана².

Капиталовложения в промышленность Украины имели следующую особенность: $\frac{1}{3}$ вложений направлялась на новое строительство, а $\frac{2}{3}$ — на реконструкцию. Для сравнения отметим: на Урале более $\frac{9}{10}$ вложений шли в новое строительство. Разительны были контрасты в распределении средств на лёгкую промышленность: Украина получала 13,7 % общесоюзных капиталовложений в группу отраслей «Б»; Уральская область — только 2,9 % — вдвое меньше, чем Ленинградская область³. Драматизм ситуации определялся тем, что на Украину — район, расположенный у границы с капиталистическими странами, — в 1928 г. приходилось $\frac{4}{5}$ добываемого в СССР угля, 70 % — железной руды, $\frac{3}{5}$ выплавки черных металлов. В то же время вся Сибирь давала 0,9 %, Дальний Восток — 0,5 % промышленной продукции СССР⁴.

Чем же можно объяснить такой перекося в распределении капиталовложений? Судя по реакции специалистов Госплана⁵ — инерцией планирования. Более совершенные в техническом отношении заводы Донбасса, Запорожья и Криворожья могли дать более быструю и эффективную отдачу, чем предприятия Востока страны. Реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась в силу инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; возможности лоббирования интересов центральных регионов со стороны массива москвичей, ленинградцев, киевлян в составе союзного руководства. Таким образом, исходя из соотношения различных источников инициации решений, государство использовало разные форматы активности и приоритетов.

Итоги реализации Индустриального проекта за время существования Уральской области освещены в научной литературе, прежде всего, в отраслевом разрезе⁶. Превращение горно-металлургического

¹ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 2 ... С. 594.

² Ковалевский Н. А. Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 62.

³ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР... С. 554, 563.

⁴ Там же. С. 119, 563.

⁵ Ковалевский Н. А. Районный разрез в пятилетнем плане ... С. 62–65.

⁶ Бакунин А. В., Бедель А. Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994; Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса ... С. 129–144.

края в многоотраслевой промышленный комплекс — факт, не вызывающий сомнений. Однако, внимательное прочтение трудов предшественников, позволяет сделать ряд замечаний.

Идея вертикального и горизонтального комбинирования промышленных предприятий — доминанта планирования 1920-х гг. — была реализована преимущественно в формате ряда **промышленных узлов** (комбинированных межотраслевых комплексов)⁷. Однако и на этом уровне, взаимосвязь предприятий в совместном использовании сырья, трудовых ресурсов, транспортных и инженерных коммуникаций носила, зачастую, стихийный, «договорной» характер⁸. Жизнь успешных директоров советских заводов и фабрик в годы первых пятилеток включала умение договариваться с работниками наркоматов о сроках, объемах и параметрах качества выпускаемой продукции⁹; умение использовать квазирыночные взаимосвязи, ограниченные товарно-денежные отношения¹⁰.

Диапазон «директорских стратегий управления» — вариантов поведения представителей директорского корпуса и способов приспособления к зачастую нереальным планам, поступающим сверху, включал: манипулирование докладывавшейся «наверх» информации, чтобы получить «выполнимые» плановые задания; накопление предприятием необходимых ресурсов без передачи информации об этом «наверх»; использование «черного» рынка, когда предприятия добывали необходимые ресурсы, прибегая к услугам «толкачей», получая часть товаров «в обмен» или после специального заказа на их изготовление. Эти стратегии объединяло одно: *все они находились в противоречии с официальными нормативными требованиями системы*¹¹.

И к началу второй пятилетки, и даже к концу 1930-х гг., возможности кооперации промышленных предприятий Урала использовались незначительно, например, низким был уровень переработки многокомпонентных руд¹². Сказывались личная незаинтересованность работников заводов и фабрик в максимально полном использовании

⁷ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1: 1917–1945. Свердловск, 1988. С. 156–157.

⁸ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016–17. С. 303–349.

⁹ Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник. 2004. Т. 2003. С. 20–54.

¹⁰ Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 75.

¹¹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки ... С. 316–317.

¹² Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 37.

сырья и материалов; отсутствие взаимодействия промышленных наркоматов, даже при том, что их ведомственный эгоизм наносил огромный ущерб стране¹.

Говорить о «комбинированном характере уральской промышленности основанной на энергетическом единстве»² применительно к периоду существования Уральской области представляется возможным, только как о потенциальной тенденции, поскольку, единая энергетическая система Урала, возникшая только к концу 1930-х гг., характеризовалась «слабыми электрическими связями»³, а ее эффективность — в реальности оказалась достаточно низкой, поскольку «строительство системы шло в ущерб качеству», представляя «единую сеть с очень высокой аварийностью и потерями при перетоках»⁴.

Если вертикальные технологические связи между предприятиями, получая поддержку наркоматов, прослеживались в работе заводов-комбинатов и промышленных узлов⁵, то горизонтальные технологические связи оказывались sporadическими, даже на уровне промышленных узлов, не говоря уже о промышленных районах и территориально-промышленных комплексах. Причиной такого явления служило подавление легальных взаимовыгодных экономических отношений между предприятиями и ограниченный круг возможностей провинциальных элит.

Показателен в этом плане случай с кооперацией Уральского и Кузбасского промышленных районов. В конечном счете, ни один вариантов создания единого Урало-Кузнецкого угольно-металлургического комплекса, так и не был осуществлен в чистом виде⁶. Ставка на цель — создание системы сложного межрегионального сотрудничества и комбинирования, кооперации и специализации множества предприятий — была заменена концентрацией усилий на отдельные сегменты системы: сооружение заводов-гигантов, управляемых из союзного центра. Результативность вне экономической и социальной эффективности оборачивалась неоправданной растратой государственных средств.

¹ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне ... С. 60

² Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса ... С. 136.

³ Ермаков А. В. Развитие электроэнергетической базы Уральского региона в первой трети XX века // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 345.

⁴ Просвет: история становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. Екатеринбург, 2017. С. 57.

⁵ Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса ... С. 143.

⁶ Ламин В. А., Тимошенко А. И. Проекты транспортного обеспечения реализации программы Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 205.

Волонтаристские подходы к планированию (в частности, возведение многих промышленных объектов начиналось без генеральных проектов) — привели к растянутым срокам и замораживанию средств при строительстве заводов¹; низким качеством выпускаемой продукции².

При таком положительном явлении, как удвоение за годы Первой пятилетки доли машиностроения в структуре производства продукции промышленности Урала, очевидно непропорциональное и несбалансированное развитие подотраслей машиностроения; разрыв в динамике роста черной металлургии и рудной и коксовой баз³. Новые заводы сдавались в эксплуатацию частями; с массой недоделок, что вело к диспропорциям, возникновению «узких мест»⁴.

Состояние исторических исследований не позволяет сделать вывод об **эффективности работы** промышленных узлов; о степени рациональности кооперирования деятельности предприятий, например, в создании единого энергетического и транспортного хозяйства, технологических связей и системы вспомогательных цехов между отдельными предприятиями.

Наконец, очевидно невыполнение одного из важнейших условий создания промышленных узлов — ориентированность на удовлетворение нужд населения. Финансирование социально-культурных и бытовых учреждений шло по остаточному принципу. Становление индустриальных узлов шло без соблюдения элементарных экологических норм⁵. Уральские города, как правило, превратились в совокупность отдельных заводских поселков.

Специфика индустриализации Урала заключалась в гипертрофированном развитии тех черт технической реконструкции промышленности, которые были присущи всем районам СССР, прежде всего, в масштабе неравномерности развития тяжелой и легкой промышленности. Урал не имел себе равных по остроте жилищной проблемы, что порождало высокую текучесть рабочих кадров.

Вместе с тем, Первая пятилетка для Уральской области стала временем начала строительства большого числа заводов-гигантов, потенциально меняющих лицо края. Завершение строительства и освоение производственных мощностей пришлось уже на долю производственных коллективов индустрии Свердловской, Челябинской и Обско-

¹ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1 ... С. 167.

² XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенограф. отчет. М., 1932. С. 73.

³ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1 ... С. 155, 168–169, 175.

⁴ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне ... С 4.

⁵ Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса ... С. 141.

Иртышской с декабря 1934 г. — Омской) областей. Если базовые отрасли индустрии края представляли собой единый производственный цикл, то ведомственный характер подчиненности предприятий обуславливал разобщенность усилий по координации действий, направленных на освоение новых производств.

Десятилетний период существования Уральской области (декабрь 1923 — январь 1934 гг.) пришелся на время формирования индустриального технологического уклада и складывание региональной хозяйственной системы зрелого индустриализма¹. Годы Первой пятилетки следует рассматривать как начальный период указанного процесса, включивший, наряду со стандартами индустриального технологического способа производства, массовое использование ручного труда.

Отмеченные выше процессы протекали в рамках утвердившегося в СССР авторитарно-бюрократического режима управления. Это означало, что главным инструментом реализации управленческих воздействий служили административные рычаги. По мере утверждения в стране режима тоталитарной власти, в Уральском регионе все меньшую роль играли местные органы власти. В то же время, реализация производственных и социальных управленческих задач, судьба городских поселений во все большей степени зависела от руководителей промышленных предприятий.

Отдавая должное тем, кто смог создать и укрепить индустриальный потенциал опорного края державы, отметим и иное: потенциал Уральской области, Урала в рассматриваемый период был использован только частично.

¹ Бедель А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса ... С. 132.

ГЛАВА 2

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ В ГРАНИЦАХ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

А. П. Килин

Административно-территориальные реформы необходимо рассматривать как форму реализации государственной региональной политики, как преобразования, которые имеют под собой фундаментальные предпосылки. Эти мероприятия требуют значительного ресурсного потенциала (управленческого, финансового, политического, идеологического), а их эффективность может быть оценена продолжительностью существования или устойчивостью новой конфигурации пространственной организации общества. Отечественная история имеет богатый опыт такого рода трансформаций¹.

Переход от политики «военного коммунизма» к нэпу, внедрение ретроинноваций для восстановления хозяйства страны, которые предполагали использование элементов рыночного хозяйства, позволили сформулировать стратегическую цель нового административно-территориального деления — локализации управленческих единиц в границах экономических регионов, сопряжение территориального и экономического деления страны, т.е. «экономические районы получили управленческие функции»². Эта идея была оформлена в плане ГОЭЛРО, а впоследствии в проектах экономического районирования Государственной плановой комиссии.

По мнению В. Н. Круглова на разработчиков нового административно-территориального деления существенное влияние оказали экономический детерминизм; технологический подход, в основу которого положен образ страны как фабрики, а регионов как цехов (продолжая аналогию — «человек как винтик»); абсолютизация научного здания как инструмента рационального построения общества и прогнозирования его развития³.

В целом поддерживая выводы автора, следует подчеркнуть, что научный подход предполагает осмысление и анализ ограничений,

¹ Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: СПб., 2020.

² Круглов В. Н. Экономическое районирование как фактор административно-территориального деления России в XX–XXI вв. // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2. С. 80.

³ Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг. ... С. 86–87.

который имеет тот или иной метод исследования. В теоретическом и методологическом плане актуальна дискуссия по проблемам районирования, пропорции централизованного и местного управления, проходившая в 1921–1922 гг. в Госплане республики и опубликованная в Протоколах президиума Госплана¹.

Дискуссии велись и в структурах Наркомата финансов СССР. В материалах Комиссии по изучению районирования Института экономических исследований Финансово-экономического бюро говорилось, что необходимо учитывать различные принципы регионообразования и не сводить все к наличию на территории промышленных предприятий. Отмечалось, что районирование — это не столько констатация сложившегося положения вещей, сколько определение перспектив развития территории с учетом объективных предпосылок и роли региона в национальной экономике.

Помимо сформировавшейся системы многоукладного хозяйства, предлагалось учитывать социальные и культурные аспекты. Отмечалось, что границы экономических, социальных и культурных ареалов не совпадают друг с другом, и любое административное деление приведет не только к консолидации, но и к разобщению, к разрыву экономического, социального и культурного пространств. При этом речь шла об административных границах, которые по своей функции являлись контактными и не должны были препятствовать функционированию единого экономического пространства страны.

«В основу образования, например, Уральской области Госплан и Уралэконосо положили соображения о состоянии и перспективах уральской промышленности» (Отчет Уральского Облэконосо за 1921–1922 гг.). Народный комиссариат финансов находил тогда, что крупная промышленность как основа районирования Урала — слишком узкая основа². «Она не охватывает целого ряда других моментов, чрезвычайно важных для районирования. Преобладающим элементом населения Урала является население сельское, составляющее, по данным переписи 1920 г., 82 %. Основные показатели сельского хозяйства, даже в настоящий момент его сильнейшего упадка, говорят о значении его для Урала <...> Точно так же недостаточен признак, положенный в основу районирования Урала (“тяжелая промышленность”) и с точки зрения состояния и задач государственного хозяйства

¹ Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. В 3-х тт. Москва, 1979. // «Милитера» («Военная литература»): сайт. URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/gosplan1921-22/index.html> (дата обращения: 24.02.2024).

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10.

на Урале. Ибо если частью этой последний может зависеть от состояния промышленности, то частью (и притом, быть может, большей) он зависит от характера нужд сельскохозяйственного населения»¹.

Признаком системного мышления и использования научных методов анализа является следующее заключение членов Комиссии: «Экономическая география — не совсем еще точная наука, и образование на основе данных этой науки областей деления не носит совершенно бесспорного характера. Не бесспорен, следовательно, и положенный в основу районирования метод. “Выделение экономического района” — дело трудное. Здесь нет ничего бесспорного, наоборот, все спорно. В конечном счете решение вопроса зависит от того какие предполагать интересы: промышленности или сельского хозяйства, промышленности крупной или промышленности средней или мелкой, интересы сибиряков или интересы уральцев <...> Основная трудность заключается, как мы видели в том, что самая возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени *утопической* [выделено нами — А. К.]»². Авторы доклада отмечают, что трудно будет совместить в одном центре и административные, и экономические управленческие функции, особенно в аграрных регионах.

Обращает на себя внимание и традиционный прием, когда новация выдается за традицию, с целью облегчить ее восприятие, снизить сопротивление при ее внедрении. «Конечно, старое деление страны на губернии и др[угие] территориальные единицы — А. К.] едва ли может приводить кого-бы то ни было в особенное восхищение. Мы не знаем, однако, насколько новое, проектируемое Госпланом, деление окажется способным стать универсальным в той мере, чтобы охватить собой все части управления и хозяйства. Такое деление вероятно, вообще невозможно, как с административной точки зрения (в силу различия задач, возлагаемых на разные отрасли управления и в силу различия их организационной структуры), так и в хозяйственном отношении. Все разнообразие хозяйственной деятельности не может быть укладываемо в строгие рамки, очерченные исходя из той или иной экономической схемы. Если для цели развития промышленности пригодно одно деление, то для цели кооперации и торговли или сельского хозяйства оказывается пригодным другое [выделено нами — А. К.]. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что наше старое административное деление было создано центральной властью ради ее интересов

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 10.

² Там же. Л. 10, 12.

и целей. Мы имеем перед собой деление, созданное усилиями двух долгих столетий, и оказывается пригодным для цели сохранения государственного единства столь обширной страны, как Россия. И никакая центральная власть в России не может разрушить его без риска получить вместо него нечто такое, что лишит ее возможности проводить на всем этом огромном пространстве поставленные себе задачи и цели»¹.

Мнение «глубинного народа» приводится в сводках ОГПУ: «Население к районированию относится удовлетворительно, но среди крестьянского населения Верхотурского района заметно недоверие к районированию и слышны разговоры, что “пушай товарищи переустраивают, пока до старого не дойдут, а лучше старого им не сделать”»². Это высказывание согласуется с нашим представлением о нэпе как чередовании новаций и ретроинноваций.

Очевидно, что экономическое районирование формируется на основе сложившихся хозяйственных связей, что с неизбежностью требует, помимо модели хозяйствования, учитывать региональную специфику.

Специфика «регионального варианта» нэпа была предопределена совокупностью факторов:

— *Географическое положение*: природно-климатические условия, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение.

— *Ресурсный потенциал*, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы.

— *Отраслевая структура экономики региона*: отрасли специализации; уровень комплексного развития; потенциал диверсификации секторов хозяйства; степень развития многоукладности, т.е. наличие различных укладов и характер связей между ними (рыночные, плановые начала); зачастую степень «рыночности»; степень экономической автономии, в т. ч. связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона; интенсивность товарообменных операций как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

— *Социально-демографическая ситуация*: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этнический и конфессиональный состав; степень зрелости, уровень развития региональной идентичности населения.

— *Политические факторы*: степень зрелости и уровень консолидации региональных элит (партийной, хозяйственной, культурной);

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 17.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 28.

политический спектр (степень влияния партий и движений, в т. ч. региональных); сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской власти; субъектность / акторность, влияние региональных органов управления / лоббизм в центре и степень авторитета на местах уровень; лояльность центру, стремление к карьерному росту в республиканских или союзных органах; характер взаимоотношений элит центра и периферии, направление (вертикальная / горизонтальная мобильность, кооптация, ротация) интенсивность этих связей; потенциал консолидации и мобилизации населения под лозунгами региональной идентичности.

— *Уровень консолидации региона* в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований, либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга; институты / принципы, на основе которых происходит консолидация.

— *качество экономического районирования*: его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям¹.

Многоукладность как атрибутивное свойство региональной экономики. Заявленная цель территориальной организации общества в условиях нэпа: максимально эффективное использование потенциала региона на основе кооперации, симбиоза, сотрудничества предприятий разных форм собственности, по сути, различных хозяйственных укладов. В. П. Тимошенко в своих исследованиях активно применял метод моделирования при анализе как внешней, так и внутренней, прежде всего региональной политики СССР, при рассмотрении как международных, так и межрегиональных и внутрирегиональных хозяйственных связей. Он обозначал модель регионального управления, которая была реализована в 1920-х гг., как территориально-рыночную или регионально-корпоративную². В. Н. Круглов отмечает, что «районирование по самой своей природе оказалось слишком сильно связано с нэпом»³. Полагаем, что не менее тесно оно было переплетено с многоукладностью. Элементы рыночных отношений стимулируют развитие многоукладности, поскольку предполагают отказ от унификации, высокую динамичность системы, построенной на учете и согласовании интересов различных акторов.

¹ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург, 2018. С. 63–64.

² Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.

³ Круглов В. Н. Экономическое районирование как фактор административно-территориального деления России в XX–XXI вв. // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2. С. 87.

Рассматривая укладный подход в контексте формирования Уральской области, необходима терминологическая ясность. Уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существующих в обществе социальных взаимодействий, дополнением может являться специфика сферы деятельности, в рамках которой рассматриваются конкретные хозяйственные практики (торговля, промышленное производство, транспорт, кредит и т. п.).

Таким образом, не только форма собственности определяет уклад, но и воспроизводимая часть общественной системы, которая характеризуется совокупностью собственных внутренних связей (производственных, социальных, культурных, бытовых, национальных, территориальных и т. п.). Определенную роль играют и внешние связи, зависящие от общественной системы, как естественной, так и общественной среды¹.

В качестве примера, который адекватен как периоду до, так и после 1917 г., можно рассматривать интеграционное хозяйство уральского рабочего. Поскольку эта концепция противоречила мифу о пролетарской чистоте рабочего класса Урала, она была объявлена идеологически вредной.

Полагаем, что горнозаводской уклад являлся гибридом заводского и сельского укладов, с элементами частнопредпринимательского, т.к. включал в себя ремесло и торговлю. Диверсификация видов деятельности, особенно в условиях сезонного характера производства, обеспечивала более стабильный доход; сглаживала колебания рыночной конъюнктуры; стабилизировала кадровый состав работников; позволяла преодолевать недостатки централизованного распределения за счет собственного производства сельскохозяйственной и кустарной продукции (самообеспечение); отчасти гасила хронический товарный дефицит на вольном рынке. В сводке Тагильского отдела ОГПУ говорится: «Настроение рабочих Баранчинского завода удовлетворительное, так как большинство рабочих — местные жители, имеющие свои мелкие хозяйства, и несвоевременная выдача зарплаты не так сильно влияет на них»².

Напротив, «пролетаризация» на заводах Урала, предусматривающая увольнение в первую очередь рабочих, которые имели собственное хозяйство, приводила к росту текучести кадров. Таким образом, симбиоз и гибридизация различных хозяйственных укладов, адекватных

¹ Кузнецова Т. Е., Никифоров Л. В. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: сборник. М., 2009. С. 18–19.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 43.

сложившимся в регионе условиям, в том числе традиционным хозяйственным практикам, стабилизировали экономику. Напротив, насильственная унификация нежелательных укладов и ликвидация многоукладности, приводили к кризисам.

Представляется, что пролетаризация как идеологически детерминированный процесс противоречила экономической целесообразности. Государство было не в состоянии в полном объеме взять на себя заботу о материальном обеспечении пролетариев как в натуральной, так и в денежной форме. Высокая степень зависимости рабочих на государственных предприятиях от уровня заработной платы приводила к росту государственных расходов, которые власть не могла себе позволить, поскольку доминировали факторы институциональной среды: дефицит ресурсов, стремление сдерживать инфляцию и обеспечить устойчивость червонца. Таким образом, стремление избавить рабочих от отягощавшего их бремени собственности не компенсировалось мерами социального обеспечения, в том числе в сфере заработной платы, материального и продовольственного снабжения.

Л. М. Пумпянский — эмигрант, посетивший СССР в 1920-е гг. писал, что приметой времени было так называемое «интегральное домашнее хозяйство, сочетающее сельское хозяйство и примитивно-промышленную работу, не порывающее, однако, связи с местным рынком»¹.

Множество факторов, которые влияли на процесс формирования новых территориально-административных единиц, рассматриваются исключительно в конфронтационном ключе, а основной акцент делается на противоречиях акторов, которые стремились отстаивать собственные эгоистические интересы. Полагаем, что укладный подход позволяет, если не полностью снять, то отчасти согласовать эти противоречия, поскольку формирование как отдельного уклада, так и всей палитры укладов на определенной территории предполагает не только анализ, но и синтез экономических, социальных и культурных факторов.

Вопреки теории линейно-стадиального развития, которая связывала прогресс с подтягиванием отстающих стран и регионов до уровня лидера, с неизбежной унификацией по образцам «передовиков производства», в настоящее время потенциал эволюционного развития видится в разнообразии и использовании ретроинноваций в процессе модернизации. Можно обратиться к работам И. В. Побережникова²,

¹ Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). Берлин, 1923. С. 17.

² Побережников И. В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург, 2004. С. 126–136.

А. В. Келлера¹, которые рассматривают многоукладность как полиморфную социально-экономическую среду в теории парциальной модернизации или к исследованиям А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, которые высоко оценивают потенциал анклавно-конгломератного типа развития².

Как отмечают А. Д. Богатуров и А. В. Виноградов: «Для конгломератных обществ характерна устойчивая востребованность всех типов отношений и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием... Равноположенное развитие не представляет фронтальной оппозиции линейно-прогрессивному. Оно одновременно и противостоит, и дополняет его, подчеркивая, что разно-организованные сущности могут равнополагаться, сохраняя каждая за собой достаточные перспективы на будущее»³.

В этом ракурсе предлагается рассматривать территорию Тобольского Севера в составе Уральской области не столько как периферийный, отсталый или даже «дикий» район, который необходимо подтягивать до уровня горнозаводского Урала, а как локацию со специфическим диаспорным укладом, вполне адекватным сложившимся условиям, имеющим все шансы органично вписаться в многоукладное хозяйство Большого Урала. Использование традиционных, архаичных форм хозяйствования может рассматриваться нами как ретроинновация в условиях СССР, в основном вынужденная, поскольку радикальная социально-экономическая трансформация была практически невозможна из-за дефицита времени и ресурсов (административных, финансовых, логистических).

Возможность наращивать экспортный потенциал региона с целью мобилизации ресурсов для индустриализации была намного важнее классовой чистоты в среде аборигенов, которые сохраняли традиционный, диаспорный хозяйственный уклад. Впоследствии, с нарастанием тенденции к унификации, усиливался идеологический прессинг и, как отмечает Ю. Слѣзкин, классовая дифференциация, которая была апробирована на центральных регионах России, в полной мере начинает применяться к народам крайнего Севера⁴.

¹ Келлер А. В. *ArtifexPetersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века* (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб., 2020.

² Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт трансформационной теории // *Восток-Запад-Россия: Сборник статей. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония*. М., 2002. С. 109–128.

³ Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития ... С. 109–128.

⁴ Слѣзкин Ю. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. М., 2017.

Еще одну проблему можно рассматривать с позиции укладного подхода — роль денег при социализме. Трансформация модели многоукладной экономики отражает эволюцию представлений о роли товарно-денежных отношений при социализме. При этом значение денег не снижается, вопреки революционным иллюзиям, а возрастает, но лишь в рамках абсолютного доминирования государственного уклада, при этом меняется их сущность из «кристаллизации меновой стоимости» происходит превращение в средство расчетов и номинального учета распределения материальных ресурсов. Поскольку даже после легализации частной собственности в годы нэпа равенство всех форм собственности не предполагалось, а доминирование собственности государственной было очевидным, то индикатором или барометром рыночности реформ могли быть те уклады, которые относились к не обобществленному сектору экономики и функционировали на рыночных принципах — в первую очередь частнопредпринимательский уклад. Кооперативный уклад мог быть индикатором лишь с оговорками, поскольку он подвергался огосударствлению. Семейный и диаспорный уклады не являются в полной мере рыночными, поскольку, несмотря на их рыночную основу, заложен механизм неоплачиваемого труда, «нерыночной работы», в рамках и за пределами производственной работы. Например, домашний труд, направленный на обеспечение воспроизводства, волонтерство и благотворительность, как правило, на благо этнической общины.

Этим обстоятельством обусловлено наше внимание именно к частнопредпринимательскому укладу в торговле¹. Адекватно оценить экономический потенциал районирования, которое, по мнению В. Н. Круглова, «было сильно связано с нэпом», можно по реакции на него частнопредпринимательского уклада².

Несмотря на преимущества, укладный подход имеет и ряд ограничений. Они относятся к количественным характеристикам и статистически четким определениям доли того или иного уклада в экономике. Это обусловлено тем обстоятельством, что границы укладов динамичны и индивидуум имеет возможность перемещаться из одного уклада в другой, в процессе перехода происходит модификация и трансформация его идентичности. Зачастую это происходит в процессе адаптации, приспособления человека к меняющимся условиям

¹ Килин А. П. Частная торговля и кредит ...

² Килин А. П. Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 373–382.

среды, порой весьма агрессивной. Как вариант, он включается как в традиционные, так и новые для него виды деятельности, как в легальные, так и криминальные хозяйственные практики. Термин «адаптация» — не носит оценочной коннотации (если и носит, то скорее оценивается положительно), но данный процесс может привести к деградации личности или социальной общности, спровоцировать процесс негативной социальной селекции.

Статистические данные есть лишь по пяти укладам, которые были зафиксированы в работах В. И. Ленина¹. Г. А. Дихтяр, обосновывая объективную необходимость существования торговли при социализме, говорит о многоукладной экономике переходного периода. Ссылаясь на Труды Центрального статистического управления, он приводит следующие данные о количественном соотношении различных укладов: «Из общей стоимости всей валовой продукции страны в 1923/24 г. на долю каждого уклада приходилось: мелкотоварного 51 %, социалистического — 38,5, частнокапиталистического — 8,9, государственно-капиталистического — 1,0 и натурального хозяйства — 0,6 %. Но в различных отраслях народного хозяйства соотношение экономических укладов существенно отклонялось от этих цифр. Например, по данным за 1924 г., удельный вес социалистического уклада в валовой продукции промышленности составлял 76,3 %, а в продукции сельского хозяйства — только 1,5 %»².

Многоукладность — атрибутивное свойство экономики как таковой, но на различных исторических этапах происходит эволюция модели многоукладной экономики. Трансформация может носить разнонаправленный и многоаспектный характер.

Набор, палитра укладов становится более разнообразной или, напротив, обедняется. Помимо «чистых» укладов, появляются гибридные и переходные формы. Происходит трансформация структуры в системе многоукладной экономики (гибкая / жесткая, вертикальная / горизонтальная). Изменяются пропорции легальных и нелегальных видов деятельности, одновременно модифицируется и усложняется так называемая «серая» зона. Неформальный или «второй» сектор экономики становится органичным и необходимым элементом модели многоукладности, минимизируя или нейтрализуя дефекты

¹ Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года // ПСС. Т. 43. М., 1970. С. 158; Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // ПСС. Т. 36. М., 1969. С. 295–296.

² Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 9.

Глава 2

«первого» официального сектора хозяйства. Переход реализуется с большими издержками и его акторы постоянно находятся в зоне высокого риска, что предопределяет их высокую мобильность.

Происходит смена доминирующего уклада. Лидерство может быть обеспечено не столько количественными, сколько качественными показателями. Основой доминирования государственного уклада становится административный и экономический ресурсы, которые концентрируются в руках лидера («плавающий ресурс») и которые могут быть использованы в режиме «ручного управления» на ликвидацию «прорывов». Внеэкономические методы преобладают. Ресурсы накапливаются не за счет излишков, а за счет перераспределения ограниченных ресурсов в пользу приоритетных направлений, что влечет за собой снижения жизненного уровня населения. Форсирование процесса технологической модернизации, при сочетании с архаизацией политических институтов приводит к доминированию модели мобилизационной экономики.

В конце 1920-х гг. осуществляется процесс «вытеснения» частного из легальной хозяйственной деятельности и криминализация частного предпринимательства как такового. Соответственно, процесс адаптации частного мог сводиться либо к перемещению в теневой сектор и чёрный рынок, либо к отказу от своей прежней идентичности и переходу (реальному или мнимому) в кооперативные и государственные организации. Дефицит образованных кадров облегчал подобного рода миграцию. Таким образом, количество укладов резко сокращалось. Полагаем, что примитивизация и унификация хозяйственных укладов не стимулировало сбалансированное и комплексное экономическое развитие региона.

Это, в свою очередь, предполагало приспособление административно-территориального деления к решению новых (или старых, сформулированных в период «военного коммунизма») задач. Как результат, в 1934 г., совершенно неожиданно для руководства региона, Уральская область была расформирована.

ГЛАВА 3

ГОРОД И ЗАВОД: ПЕРМЬ И МОТОВИЛИХА В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

О.Л. Лейбович

Пушечный завод в окрестностях губернского города

Соперничество между городом Пермью и его рабочим предместьем — Мотовилихой для нескольких поколений их жителей было чем-то само собой разумеющимся, одним из оснований их жизненного мира, отнюдь не главным, но все-таки значимым. Только в последние советские десятилетия были стерты, да и то не до конца, ментальные границы между «революционной Мотовилихой» и иными административными районами сперва областного, а затем и краевого центра.

Откроем том сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка:

«Ишь какую махинуцу заворотили, — удивлялись купцы, когда поезд проходил мимо Мотовилихинского сталепушечного завода. — Страсть, какое обзаведенье устроено...

Завод Мотовилихи красивой панорамой рассыпал свои красивые домики по скату высокого берега Камы. <...>

А этой Перме не бывает супротив Екатеринбургa, — говорил кто-то, когда вдали на высоком берегу Камы высыпали городские домики. — Так, одно название, что будто губерния... Вот наладят чугунку из Казани, тогда и собаки не будут бегать по этой Перме.

Верно говорю: што в ней? Только одна соль и есть, да и та не в Перме, а вверх по Каме.

— А губернатор?

— Губернатор особь статья... Губернатор тут ни при чем. Я говорю про место-то, умная голова. Што, ежели будем говорить насчет реки, так опять зиму-то она мертвая, а чугунка все пыхтит да пыхтит.

Я думаю, никому даже и в голову не пришло пожалеть о том, что некогда было осмотреть губернский город Пермь, который замечателен тем, что в нем решительно нет ничего достойного внимания. Пермь — это искусственно созданная административная единица, которая скоро будет иметь только значение простого географического термина, — не больше того, то есть разделит судьбу всех других

подобных ей административных единиц, где, по меткому бурлацкому выражению, губернаторы сами лапти себе плетут»¹.

Упомянутый литератором Мотовилихинский сталелитейный, на самом деле, пушечный завод принадлежал к горному ведомству, то есть к горному департаменту Министерства торговли и промышленности Российской империи, был одним из казенных предприятий, выполнявших, по преимуществу (от 70 до 90 % в денежном исчислении), военные заказы².

Находясь в эмиграции, некогда бунтующий пролетарий, боевик и большевистский комиссар Гаврила Ильич Мясников, отнюдь не чуждый книжной культуре, попытался создать поэтический образ родной ему Мотовилихи:

«Когда Вы подъезжаете к Перми на пароходе, снизу Вы не сможете не увидеть этого частокола труб в четырех километрах вверх по Каме, на самом берегу. Часто над этим частоколом труб нависает черное облако. Все небо ясно. А над Мотовилихой шапка черной тучи дыма, выбрасываемого этими трубами. Эта шапка, шапка великана, одной большой коллективной головы. А в голове этой всегда мысли буйные, дерзкие, непокорные, это знают все. Знает и начальство, потому-то и тревожатся все, что эта голова что-то решила и что-то хочет сделать. Собирается с силой, гудит, ревет, будит и зовет.

Этот великан-завод с трех сторон прижат к берегу горами: Вышкой, Висимом, Горками и Заивой. И самые высокие трубы его ниже этих гор. На этих горах и расположена Мотовилиха: домишки рабочих. И как будто для того, чтобы эти горы не нажали на завод и не столкнули его в Каму, между ними: гордым созданием человеческого труда, образчиком силы человеческого труда над природой и этими большими холмами, все еще сильными и могучими, вызывающе-гордыми своей первобытностью, между ними проложены две полосы железной и грунтовой дорог. Население Мотовилихи до 35 или 40 тысяч. Дома Перми и Мотовилихи сходятся на Горках. Так что и не понять: где пермские, а где мотовилихинские Горки. В другую сторону Мотовилиха тянется узкой полоской между Камой и Вышкой, в сторону керосинного склада, к селу Левшину»³.

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М., 1955. С. 383–384.

² См.: Генерал В. С. Михайлов, 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 168.

³ Мясников Г. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 24–25.

Писал Гаврила Мясников нехорошо: напыщенно, пафосно, ходульно («шапка великана», «мысли буйные, дерзкие» и пр.), но при все при том с искренним чувством и в деталях был точен. Не забыл даже указать место, где Мотовилиха соединяется с Пермью, так и хочется написать, впадает в нее, смывая с города обывательскую тину и мещанский налет.

Впрочем, пролетарская Мотовилиха на деле отнюдь не была таковой. Завод был бюрократической военизированной организацией, даром что принадлежал горному ведомству. И начальствующий состав носил мундиры, фуражки и петлицы иного образца, чем на иных казенных предприятиях. В них «весь командный состав состоял на действительной военной службе. Исключение допускалось для небольшого числа низших командных должностей. Служащие носили военные чины, присвоенные офицерам и гражданским чиновникам военного ведомства.

Служебное движение совершалось строго в порядке старшинства. Низший технический персонал (техники и мастера), младшие служащие, конторские и счетные, мастеровые и рабочие несли службу в заводах по вольному найму и подчинялись специальному Положению о службе вольнонаемных мастеровых и рабочих в Технических артиллерийских заведениях»¹.

Основная масса рабочих к тому времени проживало в окрестных деревнях и, как правило, совмещала трудовую занятость на предприятии с огородничеством, содержанием скота, то есть с традиционными крестьянскими промыслами. Вплоть до 1930-х гг. «по давней традиции, завод весной закрывали на неделю, освобождая рабочих для посадки картофеля и овощей, а летом еще на две недели — для заготовки сена. Отсюда и пошло дожившее почти до наших дней, но постепенно забываемое выражение “мотовилихинские косари”»².

В разгар партийных дискуссий один из ораторов заявил, что «шесть с половиной тысяч рабочих — маленькие хозяйчики», отнюдь не пролетарии³. Сочетание военной или полувойска организации сверху и крестьянских обычаев снизу формировала особую атмосферу на казенных предприятиях — смесь формализма, патриархальности и своеволия. Бывший директор завода писал своему преемнику:

¹ Генерал В. С. Михайлов, 1875–1929. Документы к биографии... С. 94.

² Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции. Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). Пермь, 2006. С. 11.

³ Там же. С. 124.

«На Мотовилихе больше, чем где бы то ни было, сохранились традиция и дух старого казенного, бюрократического завода, буквально, персидская медленность в работе и проч.»¹.

Упомянутое прочее обнимало собой напряженность между рабочими, с одной стороны, и управленцами, с другой. Инженер в глазах рабочих был прежде всего, человеком в офицерском мундире горного или военного ведомства, это значения не имело. Именно мундир был знаком принадлежности к привилегированному меньшинству, к категории «господ», унижающих и обкрадывающих трудящуюся массу. В момент социального взрыва рабочие Мотовилихи не просто изгоняли инженеров за проходную завода, они вымещали зло на мундире. С инженера П. М. Сеппайна, заведующего снарядным цехом, погоны не сорвали, зато сняли обувь, напялили на ноги лапти на форменный китель «...надели грязную рогожу, которая была вымазана в мазуте»².

После гражданской войны неприязнь к начальству, прежде всего, к самому низовому — к мастерам, нормировщикам, не исчезла, так же, как и привычка к безнаказанности: пьянству прямо на рабочем месте, отказам от выполнения заданий. У школьника в 1935 г. арестовали отца³. Он просит директора завода заступиться:

«Папу я видел, он опух. Он 12 лет работал нормировщиком, весь издергался. Я помню, однажды мы с ним пошли гулять на Каму, его увидели пьяные рабочие и давай ругать, но он смолчал. Когда я его спросил, за что они его ругали, он сказал, что такая работа и что мы привыкли, , потом случай в поселке: он стоял с одним знакомым, и мимо его уха пролетела пуля, откуда неизвестно, таких случаев было два.<...> А, между прочим, я помню, как папа, приходя с завода, возмущался, говоря с мамой: “Ну и молодежь стала никуда не годной, не хотят подчиняться, на замечания, что плохо выполнена работа, ругались, говорили: делай сам, посылали кому куда хочется, приходили на работу в нетрезвом виде и дремали”»⁴.

¹ Выписка из сообщений бывшего директора завода № 172 тов. Кустова [А. Я.] 16.02.1930 № 108сс // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 103 об.

² Стенограмма совещания старых большевиков при горкоме ВКП(б). 4.03.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 571. Л. 8; см. подробнее: Кудрин А. В. Дело об оскорблении инженера Сеппайна действием и роль в нём Александра Лбова // Мотовилиха: век XVIII — век XXI. Тезисы докладов научно-практической конференции. Пермь, 2017. С. 100–105.

³ Копьев, Дмитрий Васильевич, 1 февраля 1886 года рождения, по специальности — нормировщик, «социальное происхождение — из рабочих, неимущий, социальное положение — служащий, неимущий; образование — низшее» // Анкета арестованного Копьева Д. В. 21.05.1935 // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 16239. Л. 5–5 об.

⁴ Лейбович О. Л. «...За что его погубили и нас тоже?»: Два прошения о заступничестве. 1935 год // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 319–320.

Пожилой пятидесятилетний заводской служащий, в прошлом рабочий от станка Дмитрий Васильевич Копьев ворчал на молодежь: грубы, ленивы, непослушны. Возможно, что он в разговоре с сыном высказывал свои личные обиды и предубеждения, однако знакомство с воспоминаниями старых большевиков о событиях 1905 г. подсказывает, что в его словах звучали эхом старые конфликты между поколениями, — конфликты, вырвавшиеся на волю тремя десятилетиями раньше.

На вечере воспоминаний старых большевиков в 1950 г., переименованном на бюрократический лад совещанием, один из ветеранов рассказывал, что во время забастовки подручные в цеху потребовали, чтобы им платили за работу не мастеровые из своих средств, а заводоуправление «...и чтобы зарплата была не 15–20 коп., а 40 коп. в день, и был бы сокращен рабочий день до 6 часов, чтобы не убирать стружку, это очень тяжело, и чтобы со стороны токарей было вежливое обращение. Некоторые токаря очень грубо обращались»¹. В свою очередь, юные бунтари отнюдь не церемонились со своими старшими товарищами по классу: чтобы те не сорвали забастовку, шестнадцати или семнадцатилетние дружинники устраивали засады («... для борьбы с штрейкбрехерами, они вооружались револьверами, они скрывались в укромных уголках, создавали такую обстановку, чтобы не было возможности пройти штрейкбрехеру, но у администрации были любимчики, которые мешали. Мы наметили пункты, где должны находиться эти тройки и пятерки. Например, на вокзале также была пятерка, этот факт не забыть, сидела засада на товарном дворе»²).

Нет, в рабочих они не палили из револьверов, разве что угрожали оружием, но пускали в ход рогатки, стреляли гайками по идущим к проходным людям: «В первой забастовке трудно было снимать рабочих, иногда приходилось применять воздействие, приходилось прибегать к насилию — нагайке»³. Слово «нагайка» расшифровано в стенограмме неправильно. Все-таки дружинники не набрасывались в конном строю на «любимчиков администрации», размахивая нагайками на казачий манер. Они просто осыпали их шайбами — стальными гранеными кольцами. Жертвам обстрела приходилось беречь глаза, прикрывать лицо, а после залечивать ушибы. Против безоружного обывателя рогатка, оснащенная гайками, была серьезным оружием.

¹ Стенограмма совещания старых большевиков при горкоме ВКП(б). 4.03.1950 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 571. Л. 21.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 19.

Глава 3

Нет никаких свидетельств о том, что в двадцатые годы антагонизм между кадровыми рабочими, с одной стороны, и еще не освоившимися на заводе юнцами из окрестных деревень был преодолен. Не известно, носил он политическую окраску: комсомольцы против старорежимников, или ограничивался бытовыми и производственными стычками, обидами, бытовым насилием, в том числе, и по поводу заработной платы.

В середине 1920-х гг. на заводе пытались преодолеть открытый конфликт между вернувшимися из эвакуации в Сибирь инженерами и квалифицированными рабочими и основной массой работников, оставшихся на заводе летом 1919 г., не ушедших, стало быть, с колчаковцами. Чтобы избежать травли «сибиряки» увольнялись с завода¹.

В 1929 г. в дело вступило ОГПУ СССР, по директиве Политбюро ЦК ВКП(б), производившее «чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно»². Поручение было исполнено с таким рвением, что в Мотовилихинском заводе вычистили едва ли не весь инженерно-технический персонал. И новый директор, спустя несколько лет был вынужден откомандировать группу свежее испеченных техников в Москву с поручением завербовать на завод дипломированных инженеров с каким бы то ни было происхождением, идти на любые уступки их требованиям в части заработной платы и бытовых запросов³.

¹ Так Н. А. Третьяков, инженер по образованию и по профессии, уволился из Мотовилихинского завода в 1925 г. «... в связи с тем, что завод стал принимать все больше и больше военный характер, правление завода было реорганизовано. Так как я не являюсь специалистом военного производства и работал при прежних временах в механическом заводе, то я и ушел с завода с целью работы в той отрасли техники, которая более соответствует моей специальности». (Протокол допроса обвиняемого Третьякова Н. А. от 8 июля 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 5959. Л.27 об.) Николай Александрович лукавил, с завода его выживали как «сибиряка», находившегося на действительной службе у белых. К тому же ожидаемое ужесточение режима на предприятии военведа вынудило инженера из дворян искать более спокойное и надежное место.

² Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о Военной Промышленности 18 июля 1929 г // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 187.

³ В объяснительной записке в горком ВКП(б) один из вербовщиков вспомнил, как он отобрал для завода группу из 25 человек, главным образом, из молодых людей, только что закончивших техникумы и вузы, кого-то переманил из предприятий наркомата тяжелой промышленности, в отношении трех лиц у него возникли сомнения: «Инж. Воскресенский — очень стар /около 80 лет/ и, кроме того, до революции был членом правления директрата Обуховского завода, значит, явно непролетарского происхождения. По специальности — инженер-артиллерист, и часть последних годов работал конструктором на "Путиловце" и "Большевике". В 1872 г. окончил Михайл. Арт. Училище. <...> Инж. Химемонюк потребовал следующие условия: 3000 рублей подъемных, 2000 рублей сразу аванс в счет зарплаты с вычетом в рассрочку и оклад 850 рублей». Технический директор завода дал указание «... и им предложить ехать на завод». Аликин П. Н. — Бюро Молотовского горкома ВКП(б). 5.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф.643/1. Оп. 1. Д. 11996 Т. 3. Л. 100–101.

В те же годы сочиняли революционный миф о Мотовилихе, придуманный партийными литераторами со слов немногочисленных, но очень активных старых большевиков вернее, боевиков 1905 года, используемый местной номенклатурой в ее отношении с областным центром в Свердловске и общесоюзными властями. Одно упоминание в «Кратком курсе истории ВКП(б)», взятое из старого учебника Емельяна Ярославского, было достаточно, чтобы десятилетиями поддерживать легенду об особой революционности мотовилихинского пролетариата, его неоспоримых заслугах перед советской властью¹.

Зримым символом особой роли Мотовилихи в пролетарской революции был сооруженный в 1920 году памятник Борцам революции на Вышке в центре мемориального кладбища. «Он возвышается на метровом постаменте. Справа и слева к памятнику ведут ступени, а сам он огорожен мощными железными цепями. В центре располагается бетонная модель заводского молота с наковальней. Монумент венчает серп со стальными колосьями. Вверх тянется в небо тонкий металлический шпиль. На нём развевается красный стяг»².

Казалось, что у Мотовилихи ввиду ее революционного прошлого и индустриального будущего («Мотовилихинский завод должен стать крупнейшим центром для всей страны тяжелого военного машиностроения или, что то же самое, может и должен стать советским Крупном») ³ были все шансы заместить «искусственно созданную административную единицу» на карте РСФСР, однако, весной 1930 г. ядро Мотовилихи — оружейный завод оказался под угрозой закрытия.

В 1930 г. суровая проза хозяйственной жизни едва не взяла верх над революционной поэзией. Казалось, что длившаяся десятилетиями тяжба между заводским поселением и бывшим губернской столицей будет раз и навсегда завершена в пользу Перми, хотя еще полвека тому назад такой исход казался маловероятным.

¹ «Вооруженные восстания были в Красноярске, Мотовилихе (Пермь), Новороссийске, Сормове, Севастополе, Кронштадте» (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1950. С. 79). Замечу только, что в историческом очерке деятельности РСДРП жандармского полковника А. И. Спиридовича мотовилихинское восстание пропущено, видимо, в силу его незначительности. См.: Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 1. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914. С. 112–113.

² Куроптев Ю. На руинах пермского социализма. Что делать с символом научно-технического прогресса и революционной Мотовилихи // Интернет-журнал «Звезда». 28 июля 2017: сайт. URL: <https://zvzda.ru/articles/a21c2edc07c7> (дата обращения 25.02.2021).

³ Выписка из соображений бывшего директора завода № 172 тов. Кустова [А. Я.] 16.02.1930 № 108сс // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 103.

Быть или не быть Мотовилихе

1930 год мог стать последним для Мотовилихи. В союзных хозяйственных инстанциях по-деловому обсуждался вопрос о закрытии оружейного завода: «Будняк /председатель треста/ сказал мне, что на Мотовилихинском заводе новое строительство не начинать, что этот завод должен доработать себя и стать, а изготовление артсистем будет перенесено на другие заводы, — говорил о тогдашних настроениях в верхах назначенный в том же году директором предприятия П. К. Премудров. — Завод программы не выполнял и находился в запущенном состоянии, обслуживался исключительно конным транспортом. Я обратился к Смильге, но он тоже стоял на точке зрения, что Мотовилиху нужно закрыть. Благодаря моему настоянию, комиссия была созвана, которая пришла к заключению, что Мотовилиху можно реконструировать»¹.

Д. Ф. Будняк в то время был начальником Государственного оружейно-оружейного треста. И.Т. Смильга — заместителем начальника мобилизационного управления ВСНХ². По занимаемым должностям они были влиятельными людьми в руководстве ВСНХ СССР, в чьем ведении находился Мотовилихинский машиностроительный завод. С 1927 г. Таковым было его официальное именование. Впрочем, в официальных документах его называли то Мотовилихинским, то Пермским оружейным заводом³.

Мотовилиха к тому времени переживала острейший жилищный кризис. «Достаточно привести данные о том, что /обследованием это

¹ Протокол № 14 общего закрытого партсобрания заводоуправления завода им. Молотова от 8 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 63 об., 64.

² См.: Награждение орденами Ленина в 1933 году // Кавалеры ордена Ленина в 1930–1938 годах и их судьбы // mozohin.ru: сайт. URL: <https://forum.mozohin.ru/index.php?topic=2038.0> (дата обращения 23.02.2024); Ненароков А.П. Смильга Ивар Тенисович // Реввоенсовет Республики / Под. ред. Д.П. Ненарокова. М., 1991 // Библиотека // История государства. История России: сайт. URL: https://statehistory.ru/books/pod-red--D--P--Nenarokova_Revvoensovet--Respubliki/22?ysclid=lsyld420tt783632552 (дата обращения 23.02.2024).

³ Так в докладе ОГПУ партийному руководству фигурировал Пермский завод: «В 1922 г. одному из командированных в Австрию товарищей удалось достать на заводе («Шкода Верке») рецептуру процесса и образец снарядной гильзы, сделанного из плакированного железа. Все привезенное им было передано через П. А. Богданова на Пермский завод». (Докладная записка Г. Г. Ягоды И. В. Сталину, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилову, А. И. Рыкову в отношении дела В. С. Михайлова. 9 мая 1928 г. // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 163). В постановлении Политбюро ЦК тот же самый завод назывался Мотовилихинским: «до настоящего времени не разработан технологический процесс по производству танков на заводах Мотовилихинском и “Большевик”». (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) О вредительской организации в военной промышленности. С приложением сообщения для печати. 25 октября 1929 г // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 185).

установлено/ норма жилплощади местами доходит до одного квадр. метра на человека, чтобы иметь представление о том кризисе в жилищах, который испытывает наш завод», — читаем в заметках бывшего директора завода¹. Если завод закрыть, то у поселка не оставалось бы никаких шансов на выживание.

Петр Константинович Премудров считал, что именно он спас от такой участи и предприятие, и поселок. Он, действительно, делал все возможное, чтобы директивные органы отказались от идеи перенести производство артиллерийских систем в другое место, изъять оборудование, отказаться от использования производственных помещений, в конечном счете, закрыть завод. П. К. Премудров использовал все имеющиеся у него рычаги, прежде всего, налаженные во время учебы в Промышленной академии личные и деловые отношения с Л. М. Кагановичем — в годы первой пятилетки ближайшим сотрудником И. В. Сталине — фактически его заместителем по партии. Л. М. Каганович вплоть до большого террора взял на себя функцию своего рода патрона и протектора Мотовилихинского завода, а также его директора, открыл доступ Премудрову к первым лицам государства: к И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. К. Орджоникидзе, обеспечил ему прочное существование в токсичной среде уральской номенклатуре, помогал с партийными кадрами. Без такой поддержки П. К. Премудрову вряд ли удалось сохранить, более того, реконструировать старый завод. Тем более, что у сторонников закрытия были веские аргументы.

Масштабные строительные работы на территории завода были крайне затруднены. В. М. Михайлов — в 1928 г. помощник начальника Главного управления военной промышленности Высшего совета народного хозяйства СССР (в недавнем прошлом генерал-майор российской императорской армии) критически оценивал местоположение Мотовилихинского завода:

«Что же касается самого земельного участка, на котором построились заводы, то его нужно признать малопригодным для этой цели. Участок представляет собой узкую полосу земли, зажатую между рекой Камой и горой, частично затопляемую в половодье и имеющую высокие грунтовые воды. При таких условиях трудно хорошо распланировать завод и в дальнейшем его планомерно развивать. Эти дефекты участка Пермский завод особенно остро чувствует в настоящее время, по истечении полувека со времени его основания»².

¹ Выписка из сообщений бывшего директора завода № 172 тов. Кустова [А. Я.] 16.2.1930 года № 108с // ПермГАСПИ. Ф.643/2. Оп. 1. Д. 11996. Т. 1. Л. 106.

² Генерал В.С. Михайлов, 1875–1929. Документы к биографии... С. 165–166.

К тому же в предшествующее десятилетие завод работал из рук вон плохо, впрочем, как и вся военная индустрия страны Советов. В бюджете страны на ее развитие отпускались незначительные средства, по остаточному признаку, если использовать более позднее выражение¹. К слову, и целесообразность их выделения еще приходилось доказывать. На пленуме ЦК партии народный комиссар финансов СССР Г. Я. Сокольников убеждал сомневающихся: «Я думаю, что всякий может горячиться по-своему. Ну, т. Смилга, я не думаю, чтобы здесь была речь о милитаризме. Я думаю, что когда вас колотили под Варшавой, то вы, вероятно, кляли нашу военную промышленность. (Смех)»².

В 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) констатировало, «...что военная промышленность до настоящего времени не подготовлена к выполнению возложенных на нее задач и положение с подготовкой ее к обороне находится в неудовлетворительном состоянии»³.

Состояние Мотовилихинского завода образно описал его бывший директор: «Завод, благодаря вредительской работе, чрезвычайной медлительности развития, отсутствия продуманных, ясных перспектив походит скорей на развалившийся гигант, нежели на образцовый военный завод»⁴.

На самом деле, завод больше всего походил на склад импортного оборудования, главным образом, неиспользуемых станков. Комиссия ОГПУ насчитала таковых больше тысячи единиц⁵.

Производили на нем сотнями в год трехдюймовые полевые пушки образца 1902 г., 48-линейные гаубицы образца 1910 года⁶. Производить

¹ На пленуме ЦК ВКП(б) начальник политуправления РККА А. С. Бубнов с цифрами на руках доказывал, что денег выделяется мало: «В 1924–25 году, сравнительно с предыдущим годом, государственный бюджет увеличивается, беря круглые цифры, на 30 %, а военный бюджет всего на 8 %. Если взять 1927–28 год, — то снова мы имеем рост государственного бюджета на 29 %, а наш бюджет опять-таки растет всего на 17 %. Таким образом, мы имеем отставание военного бюджета по всей линии, при его абсолютном росте. Мы имеем отставание не только в соотношении между общегосударственным». (Из стенограммы пленума ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Ч. I. М., 1997. С. 230).

² Из стенограммы пленума ЦК ВКП(б) 6–9 апреля 1926 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы... С. 88.

³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) О вредительской организации в военной промышленности. С приложением сообщения для печати. 25 октября 1929 г. С. 212 // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 184.

⁴ Выписка из соображений..., Л. 103.

⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) О вредительской организации в военной промышленности. С приложением сообщения для печати. 25 октября 1929 г. С. 212 // Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 185.

⁶ Завод № 172 Наркомата оборонной промышленности // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25 (дата обращения 20.02.2024)

Город и завод: Пермь и Мотовилиха в Уральской области

наряду с трехдьюймовками русско-японской и прочих войн танки МС-1 не получилось. Несколько десятков боевых машин собрали — на этом все кончилось¹.

От выпуска гаубиц по германским чертежам также пришлось отказаться. Завод систематически не выполнял производственные планы. Объявленная в 1923 г. программа реконструкции предприятия сошла на нет. «Заводская инфраструктура была крайне слаба, достаточно сказать, что предприятие не имело собственного водопровода и воду на производство доставляли женщины при помощи ведер и коромысел»².

И перед хозяйственными инстанциями, действительно, встал вопрос, стоит ли вкладывать средства в отстающее и отсталое предприятие, не проще ли перевести производства на более современные заводы.

Тем более, в партийном руководстве были большие сомнения по поводу политической лояльности мотовилихинского населения.

Гаврила Мясников и мотовилихинские рабочие

Речь идет о т.н. «мясниковщине», отнюдь не изжитой к тому времени³. Гаврила Ильич Мясников дал свое имя спонтанному недовольству в рабочей среде новому социальному порядку, насаждаемому партийными верхами после гражданской войны, с установившейся административной иерархией, дисциплинарными нормами и ранговой дифференциации в потреблении, — социальному порядку, сводящему постепенно на нет уравнительную стихию, воодушевлявшую массы в революционные годы. Г. И. Мясников — в прошлом рабочий Мотовилихинского завода сделал попытку придать неоформленным, во многом смутным желаниям пролетарской, или полупролетарской массы политический окрас в соответствии с духом и буквой прежней большевистской риторики. «В этой связи он на первых порах, еще до X съезда РКП(б), выдвигал и добивался реализации всего двух предложений: о выборах в советской промышленности независимых и полновластных советов рабочих депутатов предприятий, разрешения крестьянам объединяться на добровольных началах в союзы...

¹ См.: Завод № 172 Наркомата оборонной промышленности // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25 (дата обращения 20.02.2024)

² Шабалин В. В. Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове // РЕТРОспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 4.

³ О «мясниковщине см.: Анфертьев И. А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» Гавриила Мясникова в ЦК РКП(б): источниковедческий потенциал документа // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 648–663; Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции...; Кружинов В. М. «Дело» Г. И. Мясникова // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С. 90–95; Геббс Я. Левые коммунисты в России. 1918–1930 гг. М., 2008.

на практике реализовать свободу слова и печати в Советской России»¹. На митингах, собраниях, конференциях, — всюду, где большевик-каторжанин получает от своих однопартийцев, или захватывает трибуну, он говорит одно и то же: о проворовавшихся чинушах, погрязших в пьянстве и роскошестве, о возрождаемых старых порядках, «кроет попов», рассказывает о своих революционных подвигах: «бежал Михаила», издевается над партийными чиновниками, потрясает письмом к нему председателя Совнаркома, в общем говорит то, что от него хотят услышать, и так, как полагается говорить митинговым ораторам: зычным голосом, напористо, агрессивно, с шутками и прибаутками — отнюдь не казенным языком.

Рабочим он импонировал какой-то подчеркнутой небрежностью в одежде, потертой и заплатанной, даже неопрятностью. К тому времени ответственным работникам уже не принято было так одеваться. В поздних воспоминаниях В. Ф. Сивкова есть описание внешности Г. И. Мясникова:

«Я встретил смуглого человека, среднего роста, на нем была довольно помятая фуражка, светлая, с не застегнутым грязным воротником, русская рубашка, заправленная за пояс брюк, кожаная потертая куртка с единственной застегивающейся пуговицей, брюки более чем в небрежном виде, заправленные в кожаные сапоги с широкими голенищами. Заметив неприличную небрежность в одежде этого человека, я сейчас же попросил его пройти в мою служебную комнату, где, грубовато указав на недопустимую невнимательность, особенно в присутствии женщин, предложил тут же привести себя в порядок, что он и выполнил безоговорочно, но, уходя, со злой иронией сказал: “Спасибо за учебу!”»².

Гаврила Мясников в 1921–1922 гг. пользовался огромной популярностью в Мотовилихе. В сводке ОГПУ в марте 1922 г. читаем:

«Авторитет Мясникова абсолютно громаден среди массы рабочих завода. Его слушают, не прерывая, затаив дыхание, его превозносят: “Такого человека, да еще из партии — вон!”»³.

¹ Анфертьев И. А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» ... С. 657.

² Из воспоминаний участника революционного движения и Гражданской войны, ветерана КПСС В. Ф. Сивкова о работе Г. И. Мясникова в Пермской губернии в 1918–1921 гг. 1960-е гг. // ПермГАСПИ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 5. Л. 97–101, 112–120. Подлинник. Машинопись // Пермский государственный архив социально-политической истории: сайт. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/permskaya-golgofa-mihaila-ii-sbornik-dokumentov-o-poslednem-periodе-zhizni-i-ubijstve-v-g-permi-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandrovicha-tom-2/dokumenty-ob-uchastnikah-i-organizatorah-ubijstva-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandrovicha/1-1-iz-vospominanij-uchastnika-revoljutsionnogo-dvizheniya-i-grazhdanskoj-vojny-veterana-kpss-v-f-sivkova-o-rabote-g-i-myasnikova-v-permskoj-gubernii-v-1918-1921-gg.html> (дата обращения 06.02.2024)

³ Цит. по: Аликина Н.А. Дон Кихот пролетарской революции ... С. 120.

Партийные ячейки в Мотовилихе также находятся под влиянием Г. И. Мясникова, на городских конференциях голосуют за его тезисы и проекты, вопреки, к слову сказать, позиции иных пермских организаций. Мотовилихинцы, как правило, остаются в меньшинстве, но в очень боевитом меньшинстве.

Имело значение и то, что их земляк, когда-то в прошлом заводской парнишка на равных разговаривает с вождями, переписывается с В. И. Лениным, не стесняясь в выражениях, громит Г. Е. Зиновьева, не оставляет камня на камне от репутации губернских партийных секретарей.

Повторюсь, Г. Мясников привлекал местных рабочих тем, что выкрикивал с трибуны то, что они хотели услышать: долой новое начальство, даешь пролетариям всю власть над заводом, вернем 1918 год. В речах старого большевика-каторжанина подспудно звучал сакраментальный для первых лет НЭПа вопрос: за что боролись?

По мнению И. А. Анфертьева, он «...вступил в непримиримую борьбу в отстаивании интересов рабочих с ЦК РКП(б)»¹. С первой частью, касающейся «непримиримой борьбы», можно согласиться. Г. И. Мясников не был политиком даже в большевистском смысле, и если ввязывался во внутрипартийную драку, то шел до конца. В 1921 г. он примкнул к «Рабочей оппозиции» в РКП(б), все время обходя ее лидеров по условному левому флангу. Он и там держался наособицу, пытаясь создать внутри нее особую т.н. «Рабочую группу»². Как заметил знающий ситуацию сотрудник ОГПУ: «Вообще же у меня сложился определенный взгляд, что у Мясникова была своя линия; как бы меня не уверяли, что Мясников был под чьим-то влиянием, я этому не поверю, он использовал факт отрицательного характера перед рабочими, но сам работал над одним. У него была своя программа»³.

Признать ее «отстаивающей интересы рабочих», даже утопической, означало бы искать в наборе бессвязных лозунгов какой-то социальный проект. В записках и речах Гаврилы Мясникова его нет.

¹ Анфертьев И. А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» ... С. 649.

² См.: Геббс Я. Левые коммунисты в России ... С. 24–25.

³ Воспоминания уполномоченного оперативного отдела Пермского губернского отдела ГПУ М. П. Овчинникова о Г. И. Мясникове. 26 марта 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 227. Л. 68–77. Копия. Машинопись. // Пермский государственный архив социально-политической истории: сайт. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/permskaya-golgofa-mihaila-ii-sbornik-dokumentov-oposlednem-periodе-zhizni-i-ubijstve-v-g-permi-velikogo-knyazy-mihaila-aleksandrovicha-tom-2/dokumenty-ob-uchastnikah-i-organizatorah-ubijstva-velikogo-knyazy-mihaila-aleksandrovicha/1-2-vospominaniya-upolnomochennogo-operativnogo-otdela-permskogo-gubernskogo-otdela-gpu-m-p-ovchinnikova-o-g-i-myasnikove.html> (дата обращения 01.02.2024).

Нельзя же считать таковым рассуждения о возможности управления современным артиллерийским заводом что называется «вечевым» способом, то есть прямым вмешательством толпы рабочих в принятие хозяйственных и технологических решений. С такой задачей на рубеже 1917–1918 гг. не справились даже фабрично-заводские комитеты¹.

Тот факт, что с Г. И. Мясниковым были солидарны сотни людей в рабочих спецовках («Потом мы стали ликвидировать мясниковщину, хорошо знаю, что на Перми II много ребят было подвержено этому делу, точно также и в Добрянке»)², говорит лишь о состоянии коллективного сознания пролетариев после войн и революций. Гаврила Мясников защищал не интересы рабочего класса; он представлял на большевистском языке ресентимент полупролетарской массы, возможно, ее фантазмы, смутное влечение к какой-то лучшей жизни, к молочным рекам с кисельными берегами.

Для того, чтобы ликвидировать последствия агитации Г. И. Мясникова понадобилось откомандировать в 1925 г. из Москвы в Мотовилиху члена ЦКК ВКП(б), в далеком прошлом агента «Искры» Розалию Землячку, поставив ее во главе местного райкома партии. В партийных кругах ее знали как неугомонного преследователя всех и всяческих нарушений большевистской этики и дисциплины. Демьян Бедный посвятил ей две строфы:

От канцелярщины и спячки
Чтоб оградить себя вполне,
Портрет товарища Землячки
Повесь, приятель, на стене!

Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только на портрете,
В сто раз грозней оригинал!³

¹ См.: Чураков Д. О. Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция 1917–1918 гг. М., 2015.

² Воспоминания уполномоченного оперативного отдела Пермского губернского отдела ГПУ М. П. Овчинникова о Г. И. Мясникове. 26 марта 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 227. Л. 68–77. Копия. Машинопись. // Пермский государственный архив социально-политической истории: сайт. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/permskaya-golgofa-mihaila-ii-sbornik-dokumentov-o-poslednem-periode-zhizni-i-ubijstve-v-g-permi-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandrovicha-tom-2/dokumenty-ob-uchastnikah-i-organizatorah-ubijstva-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandrovicha/1-2-vospominaniya-upolnomochennogo-operativnogo-otdela-permskogo-gubernskogo-otdela-gpu-m-p-ovchinnikova-o-g-i-myasnikove.html> (дата обращения 01.02.2024).

³ См.: Демьян Бедный. От канцелярщины и спячки // Livejournal: сайт. URL: <https://anaris.livejournal.com/678000.html> (дата обращения 28.01.2024)

Город и завод: Пермь и Мотовилиха в Уральской области

В Мотовилихе Р. С. Землячку боялись. Спустя 10 лет после ее возвращения в столицу один из партийцев вспоминал: «Когда приезжала Землячка, тут за ней и стул носили, и шапку носили»¹.

Кроме внешних знаков почтения, местные партийцы клялись, что с мясниковщиной покончено раз и навсегда. Кого нужно, исключили из партии, кто-то отправлен в исправдом, кто-то откомандирован из Мотовилихи по партийной путевке. Р. С. Землячка поверила и доложила в ЦК:

«В Мотовилихе шевеления бывших мясниковцев не наблюдается... Выступили два бывших мясниковца с вполне выдержанными речами, призывали к единству, ссылаясь на тяжелый урок с мясниковщиной... До нас дошли слухи о том, что Мясников рассчитывает на Мотовилиху. Думаем, что в расчетах своих ошибается»².

На самом деле в памяти местных партийцев Гаврила Мясников со товарищи остался одним из своих, кем-то вроде неудобного с причудами соседа, возможно, скандалиста, но по какой-то линии родственника, или даже родственника. В 1937 г. на пленуме пермского горкома случился любопытный диалог между старым большевиком И. В. Зенковым и секретарем обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницыным³.

«Тов. Зенков: Что представляет Ганька Мясников? Это клоун, когда он выступал на собраниях, обязательно бранил попов. Это, конечно, хорошо, его звали Ганькой, кто идет за кого (с места т. Пшеницын: Но Ганька Мясников превратился уже в контрреволюционера). Мясниковщина, контрреволюционная группа вела работу, мы на него надеялись как на рабочего, и некоторые пошли за ним, несмотря на то, что было разъяснение, что его ошибка, но он бравировал письмом Ленина, его башка не признавала, видимо, кто куда поставлен.

(Голос: как вы выражаетесь — Ганька?)

Дальше хочу сказать о Жужгове. Он никогда не был членом партии, это был просто-напросто посмешище. Колька Жужгов, который

¹ Протоколы городской партийной конференции. г. Молотово. Май 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 17. Д. 49. Л. 264.

² Цит. по: Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции ... С. 154.

³ Иван Васильевич Зенков — коренной мотовилихинский рабочий, член партии с 1904 г., участник вооруженного столкновения с казаками в декабре 1905 г., участник гражданской войны. (См.: Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь, 1966. С. 219–222). Константин Федорович Пшеницын — второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б), член партии с 1917 г., красный партизан на Дальнем Востоке в гражданскую войну, член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) с февраля 1934 г. (См.: Пшеницын Константин Федорович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991: сайт. URL: <https://www.knowbysight.info/PPP/06592.asp> (дата обращения: 24.02.2024)).

за деньги готов был разбиться в лепешку, все его деяния соприкасались с целью мародерства. Вся его работа в революцию была целью мародерства, когда человек привык защищать свои интересы, но не интересы партии, а этот Колька Жужгов и дуралей Борчанинов Петька, он связан с А. Лукиным.

(т. Пшеницын: Тов. Зенков, Ганька, Колька — это враги народа, контрреволюционеры, это не просто дуралеи, а законченные контрреволюционеры). Если эти люди имели промахи, наряду с Троцким, катились далеко за пределы чувства человечества (т. Пшеницын: Вы говорите промахи, это не промахи, они делали контрреволюционные дела)»¹.

Профессиональный партийный работник К. Ф. Пшеницын, прекрасно владевший большевистским языком, за считанные месяцы освоил лексикон большого террора — и потому пытался остановить оратора, говорившего совсем не то, что нужно и не теми словами. И. В. Зенков, в свою очередь, не мог понять свердловского партийного сановника. Он же кроет и Ганьку, и Кольку, и Петьку, обзывает их клоунами, дуралеями, посмешищами, но вот заклеить контрреволюционерами язык не поворачивается.

Персональный пенсионер И. В. Зенков доживет до 83 лет и мирно скончается в своей постели в 1963 г. Второй секретарь обкома ВКП(б) К. Ф. Пшеницын застрелится из служебного оружия в своей квартире 23 мая 1937 г. Член Политбюро ЦК А. А. Андреев «...прокомментировал самоубийство Пшеницына..., констатируя, что тем самым Пшеницын подтвердил своё участие в “троцкистской контрреволюционной организации” на Дальнем Востоке и “...доказал этим выстрелом, что он заодно с Кабаковым работал, боялся предстать перед следственными органами разоблачённым врагом советской власти”»².

Диалог 1937 г. показал, что у партийного руководства были основания не особенно доверять клятвенным заявлениям мотовилихинских большевиков, что на заводе с мясниковщиной покончено.

Несмотря на все эти обстоятельства, завод не был закрыт и даже получил ассигнования на реконструкцию. Ликвидация предприятий военпрома в высших инстанциях ВКП(б) расценивалась как акт

¹ Стенограмма заседания VIII-го Пленума Городского комитета ВКП(б). 25–26 марта 1937. Т. 1. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1352. Л. 173.

² Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург, 2019. С. 6.

Город и завод: Пермь и Мотовилиха в Уральской области

вредительства¹. Новые руководители отрасли не решились на такой шаг, предоставив дирекции завода справиться с поставленными перед ним задачами.

Пермь и Мотовилиха в эпоху социалистической реконструкции

Пока шли совещания, согласования, обмены объяснительными записками — все уже привычные бюрократические процедуры, Мотовилиха утратила свое основное преимущество индустриального центра вблизи торгово-мещанского города. В 1930 г. в окружном центре Уральской области — городе Перми начинается масштабное промышленное строительство. Всесоюзное объединение авиационной промышленности (ВАО) ВСНХ начинает строительство завода «М», впоследствии завода № 19 им. Сталина по производству двигателей для военных самолетов². Годом раньше Военхимтрест Главного управления военной промышленности принимает решение о строительстве комбината «К» в г. Перми, в недалеком будущем заводе № 98 им. Кирова³.

Новые индустриальные проекты для бывшей губернской столицы выглядят еще более впечатляющими. На городской партийной конференции секретарь Пермского горкома ВКП(б) Александр Яковлевич Голышев увлекает делегатов открывающимися перспективами:

«Достаточно привести 2-3 примера и охарактеризовать строительство Камской гидростанции для того, чтобы представить во что превращается Урал в системе Свердловской области. По утвержденному плану ЦК партии и СНК будет смонтировано 7 турбин, 72 тыс. киловатт. Гидростанция может давать 2,5 млрд энергии против 1,5 млрд первой эксплуатации, если к этому добавить объем работ на гидростанции, утвержденный вдвое больше аналогичных работ Днепротровска. Для каждого честного гражданина, для каждого большевика и меньшевика будет ясно то хозяйственное и экономическое лицо, во что превратится Пермь в Северном Урале в присутствии гидростанции.

На базе Камской Электростанции утверждено строительство ряда комбинатов — Магниевого, Аллюминиевого, лесохимического,

¹ «Выведение до 1927 г. из строя, а в отдельных случаях и прямое разрушение заводов оборонного значения. Примеры: разрушен завод Барановского, разоружены Бачмановский арсенал и Бежецкий завод по ремонту винтовок; разоружались и выводились из строя Охтенский, Шлиссельбургский, Шостенский и Тамбовский пороховые заводы». Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) л военной промышленности. 15.07.1929 // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С. 185.

² Завод № 19 // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: <https://oboron-prom.ru/page,44,predpriyatiya-11-20.html> (дата обращения 03.02.2024)

³ Завод № 98 // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: <https://oboron-prom.ru/page,54,predpriyatiya-61-100.html> (дата обращения 03.02.2024)

2-го бумажного и т.д. и т.п. Все эти предприятия на 95 % подчинены задачам укрепления обороны нашей страны»¹.

Впрочем, индустриальный рост Перми отнюдь не означает ее урбанизации. Госплан не отпускает средств на благоустройство города, на развитие социальной инфраструктуры. Секретарь горкома предупреждает партийцев:

«С теорией “нет денег” пора кончать. Нужно понять Горкому, Горсовету, всем большевикам, что больших денег нам никто не даст, что мы миллионы не получим, но у нас имеются колоссальные резервы, чтобы участок за участком приводить в порядок. <...> Народ хочет жить культурно, в чистоте.»².

Заводы и должны пойти навстречу этим желаниям³.

У Мотовилихи есть шансы опередить Пермь хотя бы в отношении городского благоустройства. В 1932 г. она выходит из административной зависимости бывшей губернской столицы и становится городом Молотово. Завод, ставший тогда же заводом имени Молотова, является единственным градообразующим предприятием. Директор завода добивается с ассигнований на жилищное и культурное строительство. Деньги поступают, хотя и далеко не в полном объеме, как, впрочем, и для реконструкции завода. Средств на все не хватало, строительные тресты не справлялись с плановыми заданиями, сдавали и жилые дома, и заводские корпуса в неудовлетворительном состоянии. «В финансах мы не имели хорошего снабжения. Зависело от общего состояния страны. Снабжение проходило через вредительские руки. Не было мазута. <...> Похвастаться качеством строительства трудно. Дома с недоделками. На заводе плохо построен мех[анический] цех № 2. Такие проекты вредительские. Но трудно придумать другое решение. Приказ о приемке строительства издавался для того, чтобы начинать работу, а доделки сделать после», — оправдывался П. К. Премудров на последнем для него партийном собрании⁴.

¹ Стенограмма V Пермской городской партийной конференции. 7–8.07.1936. Т. 1. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 12–13.

² Стенограмма V Пермской городской партийной конференции... Л. 52.

³ Спустя 10 лет секретарь Молотовского обкома партии информирует секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова: «В отличие от других уральских городов (Свердловск, Челябинск) в городе Молотове ничего не строилось по линии культурно-бытовых учреждений. До 1938 строительство не развертывалось, т.к. город был районным центром Свердловской области...». (Хмелевский К. М. — Кузнецову А. А. 26.06.1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 13).

⁴ Протокол № 14 общего закрытого партсобрания заводоуправления завода им. Молотова от 8 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 68.

Город и завод: Пермь и Мотовилиха в Уральской области

Тем не менее, в городе Молотово был выстроен пусть не до конца Рабочий поселок. В выходные дни трудящиеся Всесоюзного машиностроительного завода имени Молотова шли на представления в цирке им тов. Премудрова или в кинотеатр им тов. Яна (секретаря горкома ВКП(б).

В очерке о П. К. Премудрове, сделанном под заказ специально приглашенным журналистом, о директоре завода сказано:

«Заводу нужен был хозяин, человек с трезвыми расчетами и большевистской волей. Петр Премудров стал таким хозяином завода. У завода ждет директора новый “линкольн”, личный подарок наркома т. Серго Орджоникидзе. Петр Константинович взволнован и утомлен. После трудового дня любит он мчаться в своей машине по улицам города и думать о том, сколько еще нужно сделать, чтобы можно было быть спокойным за дело, доверенное ему государством и партией... Нужна непоколебимая, твердая воля, которая ведет вперед и сметает препятствия, воля, которая воодушевляет и организует массы. Воля! Его, Петра Константиновича Премудрова, считают человеком сильной воли.

Набирая скорость, “линкольн” врезался в ровные улицы нового рабочего поселка. Здесь нет уже и следов Мотовилихи — это гордость завода, благоустроенный каменный городок Молотово.

Машина идет мимо цирка-театра, которому рабочие дали имя Премудрова. <...> В десять часов утра Петр Константинович идет пешком на завод. Молодо, радостно сбегает со ступеней лестницы вниз. Он спешит к себе, на завод, на свой завод, в мощном дыхании которого есть и частица его дыхания, его неколебимой большевистской воли»¹.

После 1932 г. соперничество между городами разворачивается в символическом пространстве. Здесь Молотово переигрывает районный центр, где, вспомним Мамина-Сибиряка, губернатор сам лапти плетет. Секретарь Пермского горкома ВКП(б) А. Я. Голышев — человек кабинетный, конспиративный, сухой и язвительный. Любимое его словечко: «маразм». В газете «Звезда» о нем не публикуют ни очерков, ни портретов². Никому не приходило в голову назвать Александра Яковлевича хозяином Перми, или переименовать в его честь оперный театр. В состязании влиятельных лиц побеждал П. К. Премудров. Он, действительно, спас мотовилихинский завод за счет его далеко идущей демилитаризации. На заводе № 172 Наркомата тяжелой промышленности изготавливали драги и паровые экскаваторы.

Вновь цитирую очерк С. Дзюбинского:

¹ Дзюбинский С. Люди пятилетки (1935) // История промышленности Пермского края — XX век. Пермь, 2006. С. 153–155.

² См.: Колдушко А. А. «Контрреволюционер» Голышев // Ретроспектива. 2007. № 3. С. 33–39.

«Высится гордость завода — экскаватор. Директор подходит к собранной, готовой к отправке машине, любуется ею, хлопает рукой по гигантскому хоботу, словно ласкает слона. На машине виднеется марка СМСЗМ. Это первенец завода имени Молотова, оселок, на котором испытывались воля и готовность завода к овладению новыми производствами. Но вот стоят еще два, три, пять, семь металлических слонов. В цехе на сборке поспевают еще и еще... Директор идет от рамы к раме, считает, смотрит, щупает детали: дело налажено»¹.

В те же годы старые большевики Мотовилихи (их в городе Молотово оставалось совсем не много — во всесоюзном обществе старых большевиков в 1933 г. — всего 12 человек)² добились того, что рядом с памятником на Вышке организовали мемориальное кладбище борцам революции, разбили сад³. В 1932–1934 гг. на заводе собирали деньги на постройку памятника В. И. Ленину, «но его у нас до сих пор нет»⁴. На вопросы, куда ушли деньги и почему не построили памятник, агитаторы отвечали: «памятник создадим на Вышке высокий — и это будет ориентир для авиации»⁵.

Публиковать воспоминания о 1905 г. перестали, кроме общеполитических причин, из-за неудобных персонажей, вроде Александра

¹ Дзюбинский С. Люди пятилетки ... С. 153. На самом деле, производство паровых экскаваторов марки «Demaг» так и не удалось полностью освоить. Завод выпускал брак. Потребители писали рекламации. Наркомат останавливал производство. От имени «молодых инженеров» вверх шли бумаги: не гасите нашу инициативу. В общем, слоны с клеймом СМСЗМ отказывались работать. «Из запроектированных по плану 75 экскаваторов — в 1935 г. было выпущено 34 экскаватора. Убытки от экскаваторостроения на заводе в 1935 г. составили, собственно, по производству, 2900,6 тыс. рублей. Экскаваторы были выпущены с большими дефектами и почти на все поступают и продолжают поступать жалобы от заказчиков». (Выписка из чернового отчета о работе молотовского горкома ВКП(б) 5 городской партийной конференции. 23.08.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 49). Тем не менее, их производство продолжалось. На вопрос: «Почему основная продукция отстает от мирной», П. К. Премудров простодушно ответил: «Потому что проще работа, в мирной там легче сдавать, нет ОТК и военпреда». Тем более, «в сохранении рабочих мест помогла программа по экскаваторостроению и заказы Москва–Волга–Канал» (Протокол № 14 общего закрытого партсобрания... Л. 67 об.).

² Шрамко С. Их звали старые большевики // Проза.ру: сайт. URL: <https://www.proza.ru/2014/11/20/1201> (дата обращения 03.08.2020)

³ См.: Историко-революционный мемориал // Некрополи Перми ...и не только: сайт. URL: http://permnecropol.ucoz.ru/index/ir_memorial/0-42 (дата обращения 4.09.2020). Через 10 лет все это придет в запустение. На совещании 1950 г. один ветеранов революции жаловался: «Года два назад мне районный комитет партии поручил выяснить, кто похоронен, за что похоронен на Вышке. Пришли морячки, им надо было показать, я перед тем, чтобы им показать, пошел посмотреть, в каком состоянии могилы; так мне совестно стало, в каком хаотическом состоянии находятся эти могилы; все заросло бурьяном». (Стенограмма совещания... Л. 1).

⁴ Стенограмма X районной партийной конференции Ленинского района г. Молотова. 8–9 апреля 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 81. Л. 50.

⁵ Стенограмма совещания... Л. 33.

Лбова, то ли романтического разбойника в стиле Робин Гуда, или Григория Котовского, то ли бандита. Партийная историография склонялась ко второй точке зрения¹. Участники мятежных выступлений 1905 года — к первой.

Примечателен в этой связи обмен репликами на встрече ветеранов революции:

«Вопрос: Какая была связь с шайкой Лбова?

Ответ: Тогда как таковой шайки не было, был один Лбов, в прошлом он был фанатик, особенно религиозный. В 1905 г. он участвовал в забастовке, он только что пришел из царской армии, он участвовал в выводе из завода инженеров..., здесь Лбов участвовал, участвовал тогда, когда отбирали оружие у керосинного, он в то время был настроен революционно и действительно помогал»².

О декабрьских событиях в Мотовилихе можно было читать упомянутые строчки в учебнике по истории партии, но не писать о них. Сборник «Под знаменем Октября», изданный в 1933 г., спустя три года был изъят и передан в органы НКВД³.

Даже после того, как Пермь, вновь получившая статус областного центра, поглотила г. Молотово, забрав к тому же в 1940 г. и его имя, в местной культуре сохранился образ революционной Мотовилихе, противостоящей чиновной, сонной и обывательской Перми. В дебатах 1956 г. партийцы бранили областные власти за то, что памятник В. И. Ленину, «...предназначенный для установки в Молотовском районе на горе Первой Вышки, установили в Ленинском районе, на бывшем месте, где жили купцы, лавочники, попы — и где были их лабазы. Следует горкому партии пересмотреть вопрос о переносе памятника В. И. Ленина из сквера Ленинского района в Молотовский район и поставить его на горе первой Вышки»⁴. Горком партии промолчал.

В эпоху Уральской области у Мотовилихи были возможности стать ядром новой промышленной агломерации и в перспективе административным центром Западного Урала. Намерения такого рода явно

¹ «Лбовщина как явление была результатом непонимания глубоких классовых противоречий. Стихийный протест в ответ на политический произвол и репрессии царизма выродился в заурядный террористический боевизм, свойственный мелкобуржуазной психологии. Трансплантация эсеровской идеологии на почву бунтарства и анархии привела к бесполезному самопожертвованию оторванных от массового движения и ставших на путь грабежа отрядов» (Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 75).

² Стенограмма совещания... Л. 8.

³ См.: Озеров С. М. — ПК КПК при ЦК ВКП(б) по Свердловской области. 19.07.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1419. Л. 58.

⁴ Справка о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. Без даты. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 16–17.

прослеживаются в хозяйственной и политической активностях местных партийных властей, добившихся в 1932 г. для поселка статуса города. В их распоряжении был символический капитал, созданный предшественниками — сообществом старых большевиков и признанный союзным партийным руководством, а с ним и капитал производственный в лице крупного машиностроительного предприятия, в основном реконструированного к середине 1930-х гг. Тем не менее, для достижения этой цели Мотовилихе не хватило ресурсов, прежде всего, пространственных. Узкая, к тому затопляемая во время паводков ограничивала возможности для прироста заводских площадей; множество одноэтажных домов с огородами препятствовало массовому жилищному строительству даже барачного типа; сложившееся к тому времени сообщество коренных мотовилихинцев по своей патриархальной, по сути, культуре не было готовым принять технологические и дисциплинарные новшества. Тем более, в глаза партийного руководства оно было заражено «мясниковщиной».

В результате Перми вернули областной административный статус, производя в ней предварительно масштабную индустриализацию при помощи инженерной молодежи, импортированных технологий и «вывариваемой в фабричном котле» массы бывших сельских жителей.

Борис Никандрович Назаровский — пермский журналист, ставший к концу жизни публичным интеллектуалом, имел все основания написать:

«Мы охотно извиняем Мамину-Сибиряку понятную предвзятость оценки нашего города. Он, кроме всего сказанного, писатель, художник, человек, живущий впечатлениями, эмоциями, иногда случайными. И прорвались они у него в одной из многих журнальных статей.

Но вот некоторым нашим современникам, которые под влиянием личного раздражения, действительной или, скорее, мнимой личной обиды начинают поносить наш город и вслед за Маминым-Сибиряком объявлять его «измышлением административной фантазии», прощать нельзя. Тем более, что люди эти — далеко не писатели и не заслуживают (не имеют) скидки на случайность впечатлений»¹.

¹ Назаровский Б. Н. К описанию. Б. Д. Машинопись. Копия. // ПермГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 181. Л. 84.

ГЛАВА 4

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА ЗА ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

И. В. Зыкин

Достижения и проблемы индустриального развития Уральской области могут быть осмыслены в первую очередь через рассмотрение результатов Первой пятилетки и обширной статистики, опубликованной в 1935–1936 гг.

Принципиально важными тезисами, сформировавшими дискурс по поводу итогов Первого пятилетнего плана, стали: «значительное перевыполнение пятилетки по всем ее показателям в первые годы», освобождение зависимости от поставок импортной продукции, решение проблемы комбинирования производства в промышленности СССР¹. Индустриальный рынок в период 1929–1932 гг. не подлежит сомнению. Впечатляющими были объемы капитальных вложений и ввода производственных основных фондов. Однако конец Первой пятилетки характеризовался значительным объемом незавершенного строительства (некоторые объекты даже не начинали возводить).

В годы Первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% союзных капиталовложений². В реальности промышленность региона получила 7,8%, т.е. в полтора раза меньше. Неслучайно обширный раздел в «Итогах выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» ограничивался информацией о росте доли восточных районов в добыче угля (с 19 до 25,8%) и производстве чугуна (с 21 до 25%)³. Два крупных угольных бассейна из семи в Советском Союзе — Челябинский и Кизеловский — находились на Урале.

За годы Первой пятилетки в Уральской области было построено 149 и реконструировано 95 предприятий⁴. На юге региона были построены крупные предприятия черной металлургии (Магнитогорский

¹ Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л., 1933. С. 9, 51.

² Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. М., 1930. С. 562–563.

³ Итоги выполнения Первого пятилетнего плана ... С. 226–238.

⁴ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.). Свердловск, 1967. С. 533.

металлургический комбинат и первый советский завод ферросплавов в Челябинске), на северо-западе – Соликамский калийный комбинат и крупнейший в СССР Березниковский химический комбинат (на долю Урала в 1932 г. приходилось производство 35 % серной кислоты, 25 % удобрений и 40 % соды¹). Ввод в эксплуатацию новых предприятий (Красноуральского медеплавильного завода, выплавившего в 1932 г. меди больше, чем все медеплавильные заводы СССР в 1930 г.) наряду со строительством Пышминского медэлектродного завода превращал Урал в базовый регион по производству меди. В 1930 г. вступил в пусковой период Уфалейский никелевый завод – единственный в Союзе и самый мощный в то время в Европе². В годы Первой пятилетки формирование единой уральской энергетической системы способствовало налаживанию технологических связей между отраслями³.

Строительство специальных трубопрокатных заводов на Урале (в Первоуральске и Каменск-Уральском) должно было в годы Второй пятилетки изменить ситуацию с размещением отрасли на территории страны. Пуск в сентябре 1931 г. на полную мощность Челябинского электрометаллургического комбината стал рождением масштабного производства ферросплавов. До конца 1933 г., когда вступили в строй первые печи Зестафонского и Запорожского ферросплавных заводов, ЧФЗ являлся единственным поставщиком ферросилиция, феррохрома и ферровольфрама народному хозяйству страны⁴. На старых заводах Урала реконструкция была направлена преимущественно на проведение сортаментной специализации: прокат жести был сконцентрирован на Лысьвенском заводе; котельного листа — на Нижнесергинском, железной проволоки — на Белорецком, динамной и трансформаторной стали — на Верх-Исетском заводах. Важнейшим направлением реконструкции являлся переход на минеральное топливо, а также осуществление мероприятий по механизации и электрификации.

Произошло расширение спектра машиностроительной продукции, появление значительного ряда машиностроительных заводов в городах и рабочих поселках Урала, нередко на месте законсервированных после Первой мировой и Гражданской войн механических цехов. В 1933 г. на Урале работало свыше 500 металлообрабатывающих

¹ Лукьянов П. М., Соловьева А. С. История химической промышленности СССР. М., 1966. С. 153.

² Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен и до наших дней. М., 2008. С. 579–580, 585.

³ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1. 1917–1945. Свердловск, 1988. С. 92–93.

⁴ Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен ... С. 564–565.

Итоги реализации индустриального проекта

заводов, их удельный вес вырос с 12,8 до 28,8% к общему объему промышленной продукции региона. Особое значение для народного хозяйства приобрел пуск Уральского завода тяжелого машиностроения и Челябинского тракторного завода. Сооружался мощный вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Реконструированные Невьянский, Высокогорский и завод им. Воровского в Свердловске были привлечены к производству геологоразведочного, бурового оборудования. На сельскохозяйственном машиностроении специализировался реконструированный завод им. Колущенко в Челябинске. Производство орудий осуществлялось на Мотовилихинском заводе в Перми. Был построен орудийный цех на Уральском заводе тяжелого машиностроения. Завершалось возведение Пермского моторостроительного завода.

Лесная отрасль, сыгравшая огромную роль в развитии горно-металлургического производства, стала наращивать потенциал по механической обработке и глубокой переработке древесины. Она должна комбинироваться с другими компонентами экономики (металлургией, машиностроением, химией, добычей полезных ископаемых) в рамках Урало-Кузнецкого комбината¹. За годы первой пятилетки в Уральской области было заготовлено 117,8 млн ф. м. леса, вывезено 104,5 млн, более 2/3 объема пришлось на деловой лес². В 1932–1934 гг. вывозка леса (за 1934 г. — сведения по образованным Свердловской и Челябинской областям) была стабильной — на уровне 22,5–23 млн ф. м., что привело к снижению удельного веса региона в стране с 13,75 до 12,6%. Однако существенно возросла доля дров, что вызывалось использованием их в качестве топлива развивавшейся промышленностью и населением³. За 1928–1933 гг. выпуск пиломатериалов увеличился с 0,4 млн до 1,16 млн м³, в том числе на экспорт — с 37 тыс. до 207 тыс. м³. За счет реконструкции и строительства предприятий удалось добиться повышения эффективности работы оборудования. Было освоено производство каркасных домов, деревянных труб, лыж. Выпуск бумаги возрос с 13,6 тыс. до 28,1 тыс. т, но картона — только с 3,3 тыс. до 3,6 тыс. т.⁴

¹ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР... С. 193–195; Сперанский А. Н. Проблема развития черной металлургии Урало-Кузнецкого комбината // Урало-Кузнецкий комбинат. Сборник статей. М., 1931. С. 58; Федорович И. И. Урало-Кузнецкая проблема. М.; Л., 1926. С. 55, 87–88; Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината. М., 1932. С. 56–57.

² История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1 ... С. 89.

³ Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1935. С. 230; Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С. 188.

⁴ Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934. С. 104–108.

Председатель Уралплана Г. И. Крумин, подводя итоги первой пятилетки в Уральской области, отмечал успехи в лесохимии и в то же время уменьшение стоимости продукции Наркомлеса в регионе в 1932 г. Важными задачами он называл увеличение объемов вывозки дров и механизацию лесозаготовительных работ¹. Контекст этих задач очевиден — первоочередное удовлетворение потребностей уральской промышленности в древесном топливе. Однако статистика свидетельствовала о большой роли лесной отрасли в региональной экономике.

Достигнутые в период существования Уральской области результаты лесопромышленной деятельности были невозможны без строительства новых предприятий, мощности которых позволяли существенно увеличить выпуск продукции и повысить удельный вес региона в стране. Гиганты в лесопильно-деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной и лесохимической отраслях должны были дополнить индустриальный облик Урала, отождествлявшийся в первую очередь с металлургией, машиностроением и химией. В числе введенных в строй предприятий — Вишерский целлюлозно-бумажный и Ашинский лесохимический комбинаты, лесные комбинаты в Перми, Тавде, Лобве. Была реконструирована Лялинская бумажная фабрика. Велось строительство мощного Камского целлюлозно-бумажного комбината и бумажной фабрики «Гознак» рядом с г. Пермью, Сосьвинского деревообрабатывающего комбината в Северном Зауралье (должен был обслуживать Нижнетагильский вагоностроительный завод). Реализация крупных индустриальных проектов, развитие системы образования (в том числе высшего) привели к улучшению характеристик кадров, хотя основной объем работ (прежде всего, в сфере заготовки древесины) выполнялся сезонными рабочими, колхозниками, спецпереселенцами².

Несмотря на то, что в лесной промышленности в годы первой пятилетки многие проекты не удалось реализовать, по итогам 11-летнего периода существования Уральской области развитие всех компонентов лесной промышленности выглядело более сбалансированным по сравнению с другими северными и восточными районами страны, на которые делалась ставка в первой пятилетке, чем обеспечивались благоприятные перспективы для отрасли.

¹ Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки ... С. 3, 6, 12.

² См. подробнее: Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. С. 12, 15; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 101–102.

Итоги реализации индустриального проекта

В брошюре председателя Уралплана Г. И. Крумина говорилось о создании «современнейшего промышленного комплекса на Урале», в том числе «машиностроения, способного производить любое оборудование, вплоть до самого сложного и ответственного»¹. Подчеркивалось: в 1928–1932 гг. доля промышленности Уральской области в общесоюзном производстве выросла с 3,8 до 5,4 %². Однако управленцам было хорошо известно о многократных диспропорциях в развитии групп «А» и «Б» в уральской промышленности. 24 января 1932 г. на XI партийной конференции коммунистов Уральской области первый секретарь уральского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков сообщил, что при плановом задании по выпуску промышленной продукции на 1931 г. стоимостью в 1360 млн рублей реальный выпуск не превысил и 655 млн рублей (или 48 %). Результат был показательный: он отражал глубину провала экономической политики, связанной с волюнтаристским увеличением заданий Первой пятилетки. При этом выработка продукции по металлургическим заводам Урала даже сократилась: с 339 млн руб. в 1930 г. до 320 млн руб. в 1931 г. Если говорить о росте промышленной продукции, то за 1929–1931 гг. ее выпуск увеличился не в разы, а (по официальным данным) на 55 % (на 46 % в 1929–1930 гг. и на 8 % в 1931 г.)³. Руководитель коммунистов Уральской области воздержался от обобщающей оценки, хотя при любых раскладах, даже без учета инфляционных процессов, такие показатели свидетельствовали о провале экономического курса и о кризисных явлениях в промышленности края.

Окончательные итоги Первой пятилетки в Уральской области должна была обсудить XII Уральская областная конференция ВКП(б) (18–22 января 1934 г.). Она была самой короткой по продолжительности из всех областных аналогичных партийных форумов за время существования Уральской области в 1923–1934 гг. Во-первых, конференция должна была обсудить итоги Первой пятилетки в Уральской области. Однако подводить неутешительные итоги пятилетия, в традициях большевистской практики, было принято под прикрытием секретности и густой завесы идеологических конструкций, при максимальной краткости информации. Во-вторых, открытие конференции совпало с разделением Уральской области на три региона: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую области. Сам факт

¹ Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки... С. 3.

² Там же. С. 7.

³ XI Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 г. (в семнадцати бюллетенях). Свердловск; М., 1932. С. 4.

такого решения и совпадение двух упомянутых событий свидетельствовали о недовольстве Сталина результатами работы руководителей Уральской области в годы Первой пятилетки, хотя это был частный случай глобального невыполнения заданий Первой пятилетки в экономике СССР. В-третьих, делегаты не обсуждали (формально – в силу разделения Уральской области) перспектив развития региона во Второй пятилетке (1933–1937 гг.): уже во вступительном слове первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабаков предложил снять вопрос «О контрольных цифрах народного хозяйства Урала на Вторую пятилетку»¹.

Определенная конфузность ситуации подтолкнула И. Д. Кабакова и его соратников к повышенной эмоциональности выступлений. В речи при открытии конференции региональный лидер назвал годы Первой пятилетки в Уральской области периодом «величайших исторических побед генеральной линии партии» во всех сферах жизни страны². Решение о разделении Уральской области на три области Кабаков представил как «акт величайшей большевистской мудрости»³. Отчетный доклад Уральского обкома ВКП(б) оперировал только данными за 1932 г. Выполнение плановых заданий в 1932 г. в ведущем секторе уральской экономики — отраслях тяжелой промышленности — составило всего на 83 % Кабаков самокритично расценил как проявление «наших неумелых управленческих действий»⁴. Однако, в чем они заключались, делегаты так и не узнали: самокритичность регионального лидера имела вполне определенные границы.

Научное видение проблемы межрегионального сотрудничества прозвучало на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил (апрель 1932 г.). Так, в докладе В. Ф. Васютина — участника разработки проекта Урало-Кузбасса и одновременно одного из первых исследователей начальной стадии реализации индустриальной программы — Урало-Кузбасс рассматривался прежде всего как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса⁵. Заметным явлением стало выступление

¹ XII Уральская областная конференция ВКП(б): Стенографический отчет. Свердловск, 1934. С. 6.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 24–25.

⁵ Васютин В. Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии. Переработанный и дополненный доклад, прочитанный на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил. М., 1932. С. 8–9.

Итоги реализации индустриального проекта

Г. И. Ломова, заместителя председателя Госплана СССР. Исключительно важное значение имели его слова о вреде увлечения «гигантизмом промышленных комбинатов»¹. Ломов обратил внимание и на вред абсолютизации количественных показателей. По его мнению, упор в реализации Урало-Кузбасского проекта в годы Второй пятилетки необходимо было направить на освоение уже созданных промышленных предприятий; на качественные показатели и максимальное использование оборудования. Г. И. Ломов указал на недостаточное внимание со стороны центральных и местных плановых органов развитию легкой и пищевой промышленности².

Сведения о территориальном размещении крупной промышленности были опубликованы в 1935–1936 гг. и касались как раз 1933–1934 гг., когда произошло разукрупнение Уральской области (в таблицах она уже не фигурирует), что позволяет оценить ее роль в экономике РСФСР и СССР (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Крупная промышленность Уральской области и ее удельный вес в РСФСР и СССР в 1933 г.

	Число предприятий	Среднегодовое число рабочих, тыс. чел.	Стоимость валовой продукции, млн руб. (в ценах 1926/1927 г.)
Свердловская область	1452	350,9	1205,9
Челябинская область	769	144,4	657,1
Обско-Иртышская область	91	20,0	62,2
Всего по бывшей Уральской области	2312	515,3	1925,2
Доля в РСФСР	8,9	9,8	6,1
Доля в СССР	6,2	7,3	4,5

Составлено по: Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1935. С. 32.

Статистика свидетельствует, что Уральская область в последний год своего существования — не такой уж индустриализированный регион, как замышлялось Первым пятилетним планом. Четко виден широтный градиент: от восточной части (с минимальной промышленностью и рабочим классом) к западной части — с высокой концентрацией индустрии. Другое противоречие — между числом рабочих и стоимостью валовой продукции (табл. 4.2). Предприятия функционировали

¹ Труды Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. Т. 4: Урало-Кузнецкий комбинат. М., 1933. С. 12.

² Там же. С. 12–13.

Таблица 4.2

**Крупная промышленность бывшей Уральской области
(без учета территорий Обско-Иртышской области, вошедших
в конце 1934 г. в состав Омской области) и ее удельный вес
в РСФСР и СССР в 1934 г.**

	Число предприятий	Производ- ственные основные фонды на 1 января 1935 г., млн руб.	Средне- годовое число рабочих, тыс. чел.	Стоимость валовой продукции, млн руб. (в ценах 1926/1927 г.)
Свердловская область	1826	1825	355	1450
Челябинская область	858	1338	164	930
В сумме по двум регионам	2684	3163	519	2380
Доля в РСФСР	8,1	12,7	9,4	6,4
Доля в СССР	5,9	8,9	7,0	4,7

Составлено по: Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С. 57–58.

относительно недавно, осваивали мощности, поэтому их эффективность, равно как и производительность труда рабочих, оказывалась пока невысокой.

1934 г. был отмечен увеличением числа предприятий и стоимости валовой продукции. При этом удельный вес Свердловской и Челябинской областей по числу рабочих и количеству предприятий в РСФСР и СССР снизился, а по стоимости валовой продукции — чуть подрос. Однако отдача от введенных в эксплуатацию мощностей пока не достигла проектной, что видно из более высокой доли стоимости производственных основных фондов.

В отраслевом разрезе Свердловской и Челябинской областей лидировали металлообработка, черная металлургия, пищевкусовая отрасль, заготовка и сплав древесины. При этом если доля сырьевых отраслей в РСФСР и СССР была весьма значимой, то удельный вес металлообработки, несмотря на ее лидерство в стоимости валовой продукции, составлял только 5–6 %. Слабо была развита легкая промышленность. Пищевкусовая отрасль хоть и занимала третье место по стоимости валовой продукции (прежде всего, за счет производства мяса, муки и круп), ее удельный вес в Советском Союзе равнялся 4,7 % — чуть выше, чем доля Свердловской и Челябинской области в численности населения страны (формально регион мог обеспечить жителей продуктами питания).

Валовая продукция отраслей крупной промышленности бывшей Уральской области (без учета территорий Обско-Иртышской области, вошедших в конце 1934 г. в состав Омской области) и их удельный вес в РСФСР и СССР в 1934 г., млн руб. (в ценах 1926/1927 г.).

Отрасль	Свердлов- ская область	Челябин- ская область	В сумме по двум регионам	Доля в РСФСР	Доля в СССР
Металлообработка	351,8	292,1	643,9	6,0	4,7
Черная металлургия	252,7	187,2	439,9	39,1	16,1
Пищевкусовая	141,3	130,9	272,2	4,7	3,1
Лесоразработки и лесосплав	140,6	31,1	171,7	11,5	10,4
Химическая	108,3	19,5	127,8	8,3	6,5
Электростанции	44,2	56,3	100,5	13,7	8,9
Цветная металлургия	34,8	33,8	68,6	17,6	16,1
Производство минеральных стройматериалов	32,1	20,2	52,3	11,2	7,7
Угольная	26,5	17,5	44,0	13,1	4,4
Обувная	11,1	1,3	12,4	2,1	1,6
Кожевенно-меховая	2,4	5,7	8,1	1,0	0,8
Льняная	4,3	1,0	5,3	2,2	2,1
Шерстяная	5,0	0,05	5,05	0,95	0,8
Жировая, мыловаренная и парфюмерная	0,3	0,8	1,1	0,3	0,2

Составлено по: Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С. 60–61, 64–65.

Тем не менее во Второй пятилетке государственный курс на сдвиг промышленности на Восток должен был выполняться более полно, чем в Первой пятилетке, в том числе продолжая использовать потенциал проекта Урало-Кузнецкого комбината. В то же время разделение крупных областей, способных обеспечивать более полную органическую увязку планов развития и размещения отраслей с комплексными планами, следует признать фактором, сдерживавшим темпы экономического развития восточных районов.

Если говорить о качественных итогах реализации Индустриального проекта, то к 1934 г. в Уральской области функционировало более десятка крупных промышленных узлов, размещенных преимущественно

на западном и восточном склоне Уральских гор, то есть в меридиональном направлении. Советские партийно-государственные, хозяйственные деятели, плановики замыслили комбинирование в промышленности на нескольких уровнях: района или области (комбинаты-гиганты: Урал, Донбасс, Кузнецкий бассейн и др.); группы предприятий; крупного предприятия — ради комплексного использования сырья (в первую очередь, руд, топлива, древесины) и выпуска конечной продукции. Это позволяло повысить эффективность производства, снизить себестоимость и сократить потери материалов. Однако в конце Первой — начале Второй пятилеток комбинирование еще не стало основой индустриальных преобразований (выход основного числа книг и статей о комбинировании в промышленности пришелся именно на этот период), поскольку многие проекты не были завершены или к их реализации не приступали, стали сильнее проявлять себя тенденции централизации и ведомственности. Относительно лучше комбинирование осуществлялось в структуре одного народного комиссариата (например, Наркомтяжпром — Магнитогорский металлургический комбинат и Кузбасс; Наркомлес — целлюлозно-бумажные комбинаты), хуже — когда операции осуществляли разные хозяйственные организации (например, заготовка леса для Ашинского металлургического завода и лесохимического комбината).

Обеспечили ли трансфер заграничной техники и технологий и развитие собственного машиностроения рыбок в производственной сфере? К примеру, Пермский моторостроительный завод, проект которого на этапе строительства в 1930–1935 гг. несколько раз пересматривался, первые месяцы использовал импортные комплектующие, а с сентября 1935 г. перешел на отечественные детали и полуфабрикаты. Но залогом этого успеха считались «строгое следование американской технологии» и высокая степень организации труда. Это позволило с 1936 г. начать модификацию конструкции моторов, но обусловило технологическое отставание от США. Как раз в этот период советское руководство, имея самые мощные заводы в мире, вновь прибегло к заимствованию американского авиастроительного опыта¹.

Весьма показательно сравнение выработки на одного рабочего в такой технологически сложной отрасли, как целлюлозно-бумажной. Так, в Канаде в 1929 г. 33,6 тыс. промышленных рабочих изготовили 2901 тыс. т бумаги и картона (86,4 т на одного человека)².

¹ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М., 2006. С. 132–133, 139.

² Вольф М. Б., Клупт В. С. Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира. Л., 1936. С. 177; Макушина В. Лесные богатства Канады и их использование // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 265.

Итоги реализации индустриального проекта

В Советском Союзе выработка на одного рабочего равнялась в 1928 г. 12,4 т (26,8 тыс. рабочих произвели 331,6 тыс. т продукции), в 1934 г. — 14,5 т (45,3 тыс. рабочих изготовили 657,3 тыс. т бумаги и картона)¹. Несмотря на экономический кризис (целлюлозно-бумажной промышленности Канады удалось преодолеть его за пять лет), сохранялся 6–7-кратный разрыв. В Свердловской области в 1935 г. (целлюлозно-бумажные предприятия функционировали именно на ее территории) 5,7 тыс. рабочих изготовили 43,7 тыс. т бумаги и картона (7,65 т на одного человека)². Налицо более чем 10-кратный разрыв со страной — лидером целлюлозно-бумажной промышленности. И это притом, что была произведена реконструкция Новолялинского комбината, достиг проектной мощности Вишерский комбинат — предприятия, оснащенные передовой импортной техникой.

Приведенные примеры показывают, что строительство и реконструкция предприятий, оснащение их передовой техникой и технологией еще не гарантировали того, что за несколько лет удастся достичь крупных качественных сдвигов в экономическом развитии. Требовались развитие человеческого капитала, улучшение организации труда, управления, развитие кооперации и комбинирования предприятий.

Подводя итоги, нужно отметить, что именно годы Первой пятилетки стали временем формирования единого народнохозяйственного комплекса на территории Уральской области, отразившего становление третьего технологического уклада с потенциалом перехода к четвертому этапу и сочетавшего принципы централизованного управления и отдельные механизмы регионального саморазвития. Необоснованный отказ от научных принципов планирования, от совмещения административно-территориальных единиц (областей) с границами крупных экономических районов, включая ликвидацию Уральской области в январе 1934 г., затруднил реализацию пятилетних планов. В результате были деформированы складывавшиеся отраслевое кооперирование и технологические связи между отраслями хозяйства; острее стали ощущаться недостатки в материально-техническом снабжении и квалифицированных кадрах.

Подобная негативная тенденция встретила (в сдержанно-критическом формате) противодействие ученых-экономистов. Жестко централизованный, ведомственный характер управления экономикой,

¹ Промышленность СССР: Статистический сборник. М., 1957. С. 268; Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С. 12.

² Хозяйство Свердловской области, 1935–1936 гг.: основные показатели. Свердловск, 1936. С. 28–29, 39–40, 64.

диктующий формирование хозяйственных связей Урала и Кузбасса по отраслевому признаку, был подмечен весной 1931 г. на конференции научно-отраслевых институтов, ведущих разработку Урало-Кузнецкого комбината, и охарактеризован как препятствующий осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования¹. Хотя с точки зрения стратегического развития восточной части Советского Союза ни один из вариантов создания единого Урало-Кузнецкого комбината так и не был осуществлен в чистом виде.

Вместо официальных утверждений о сдвиге промышленности на Восток, правильное было бы говорить о начале этого процесса. Этот сдвиг был обозначен в основном строящимися объектами. Факт создания второй угольно-металлургической базы на Востоке страны, даже в незавершенном к началу Второй пятилетки виде, без сомнения, повышал обороноспособность СССР. Не менее важно было и то, что вместо комплексного развития регионов создавалась жесткая управленческая вертикаль, характерная для всех республик, краев и областей СССР, в результате чего масштабное промышленное строительство было, по сути, оторвано от региональной экономической политики, приоритета создания промышленно-территориальных комбинатов, что затрудняло внутриотраслевую и межотраслевую кооперацию.

¹ Бакунин А. В., Бедель А. Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994. С. 53.

ГЛАВА 5

НАСЕЛЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Г. Е. Корнилов

Созданная в ноябре 1923 г. Уральская область с центром в Екатеринбурге/Свердловске явилась экспериментом в рамках концепции экономического районирования, в ходе которого осуществлялся поиск оптимального сочетания промышленного и сельскохозяйственного производства¹. Она располагалась на обширной территории с обеих сторон Уральского хребта, который формирует географическую границу между европейским и азиатским континентами. 4 ноября 1926 г. ВЦИК утвердил деление Уральской области на округа и районы². Уральская область охватила огромную территорию в 1661,5 тыс. км². Население в 6,3 млн человек распределялось по территории весьма неравномерно, подавляющая его часть (99 %) проживала в юго-западной части на площади 43,5 %. Тобольский Север в составе 5 районов охватывал 56,5 % территории, а население составляло менее 1 %. Это первая особенность размещения населения (неравномерность). Однако и коренная часть Уральской области была заселена достаточно слабо. Наибольшая густота населения фиксировалась в Сарапульском и Шадринском округах (29–30 человек на 1 км²). Даже в Свердловском округе, несмотря на наличие в нем областного центра, плотность составляла 17,5 человек на 1 км². Средняя плотность населения в области на середину 1920-х гг. составляла 9 человек. Урал практически до конца 1920-х годов представлял собой регион весьма слабо заселенный.

Другая особенность размещения уральского населения заключалась в том, что в сельскохозяйственных округах плотность населения была гораздо выше, чем в промышленных. Только пятая часть населения (19,4 %) проживала в городах и поселениях городского типа. Городская жизнь здесь появилась главным образом на основе скопления населения, занятого в горной и горнозаводской промышленности. Городские поселения больше развились в гористой части области.

¹ Постановление ВЦИК от 03.11.1923 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1838.htm (дата обращения 29.01.2025).

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. М., 1926. № 78. Ст. 590.

Глава 5

В 5-ти округах (Верхне-Камский, Тагильский, Свердловский, Златоустовский, Пермский) проживало свыше половины городского населения Уральской области. В основном городские поселения являлись малолюдными, что было связано с небольшими размерами уральских заводов.

События 1920–1930-х гг. повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения Урала: его численности, размещении, составе и структуре. Демографическая сфера пережила глубочайшую трансформацию. Эти изменения имели долгосрочные последствия и определили особенности демографических процессов в регионе.

Динамика численности населения Уральской области представлена в табл. 5.1. Область к концу своего существования превратилась в один из промышленно-аграрных районов страны, другое дело, в начале 1934 г., когда она была расформирована, статистики не подвели итоги демографического состояния за 1933 г., в архивах отложились

Таблица 5.1

Численность населения по Уральской области (на начало года, *тыс. человек*)*

Годы	Категории населения								
	По области			Городское			Сельское		
	Обоего пола	Мужск. пола	Женск. пола	Обоего пола	Мужск. пола	Женск. пола	Обоего пола	Мужск. пола	Женск. пола
1920	6573,2	3045	3528,2	1249,2	570,9	678,3	5324	2474,1	2849,9
1922	6263,7	2893,8	3369,9	1170,1	535,9	634,2	5093,6	2357,9	2735,7
1923	6033,1	2784,8	3248,3	1116,2	516,4	599,8	4916,9	2268,4	2648,5
1924	6207,3	2874,7	3332,6	1180,5	551,4	629,1	5026,8	2323,3	2703,5
1925	6394,5	2966,7	3427,8	1250	584,8	665,2	5144,5	2381,9	2762,6
1926	6568,5	3054,3	3514,2	1329,6	622,9	706,7	5238,9	2431,4	2807,5
1927	6784,4	3167,8	3616,6	1348	638	710	5436,4	2529,8	2906,6
1928	7031,2	3290,6	3740,6	1463,8	698,1	765,7	5567,4	2592,5	2974,9
1929	7280,2	3418,8	3861,4	1594,6	770,5	824,1	5685,6	2648,3	3037,3
1930	7490,6	3526,6	3964	1834,6	906	928,6	5656	2620,6	3035,4
1931	7694,5	3628,3	4066,2	2170,9	1076,9	1094	5523,6	2551,4	2972,2
1932	8020,0	3797,3	4222,7	2798,8	1399,4	1399,4	5221,2	2397,9	2823,3

*Составлено по: Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 115; Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 4–5; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. Свердловск, 1929. С. 4, 5; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 2, 3; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 281, 297, 312.

только материалы пересчетов по вновь образованным областям (Свердловской, Челябинской и Обь-Иртышской)¹.

Данные табл. 5.1 показывают, что до 1926 г. население края восстанавливалось до уровня окончания Гражданской войны, которое было зафиксировано переписью населения в августе 1920 г. При этом за 1921–1922 гг. население сократилось на 8,2 % в результате разразившегося голода, охватившего практически все районы региона. За 1923–1925 гг. произошел рост населения области на 9,2 %, что и позволило достигнуть уровень 1920 г. Вторая половина 1920-х и начало 1930-х гг. характеризовались ежегодным увеличением населения.

Основным фактором трансформации демографического развития была проводимая политика индустриализации и коллективизации. Они изменили баланс в региональной экономике между сельским хозяйством и промышленностью. Выгодно было заниматься промышленностью, в которую вкладывались крупномасштабные инвестиции в существующую металлургическую и новые отрасли промышленности. Быстрый процесс перемещения населения отрицательно сказался на аграрной сфере экономики региона и в образе жизни селян со времен коллективизации.

Эти процессы в экономике дали мощный толчок процессу урбанизации, сокращению сельского населения, складывания новой демографической структуры. Основным источником пополнения населения края была добровольная и принудительная миграция, приведшая к тому, что большая часть горожан оказалась в постмиграционном состоянии.

Подводя итоги первой пятилетки, на объединенном пленуме Уралобкома и ОблКК в январе 1933 г. отмечалось, что за 1928–32 гг. в Уральской области построено и пущено 149 новых предприятий. Число реконструированных предприятий достигло 77, в стройке — 80 предприятий. Появились новые отрасли, «построена новая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс»².

Процесс формирования населения в рамках Уральской области прошел три этапа: 1923–1926, 1927–1931 и 1932–1934 гг. Первая половина 1920-х годов ушла на восстановление населения, сократившегося в ходе гражданской войны и разразившего голода 1921–1922 гг.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. М., 1934. № 5. Ст. 35.

² Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год: (дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме обкома и облКК ВКП(б) 22 января 1933 г.). Свердловск; М., 1933. С. 2.

Данные табл. 5.1 показывают, количество наличного населения в регионе уменьшалось по отношению к предыдущему году: за 1921 г. на 4,7 %, за 1922 г. на 8,22 %. Постепенное восстановление промышленности и сельского хозяйства остановили падение численности населения. В 1923 г. произошел рост населения на 2,88 %, в 1924 г. — на 3,01 %, в 1925 г. — на 3,03 %. К 1926 г. количество жителей Урала выросло на 380 тыс. человек по отношению к 1923 г. Затем темпы прироста населения были стабильны и достаточно высоки. В 1926 г. они составили 2,97 %, в 1927 г. — 3,6, в 1928 г. — 3,54, в 1929 г. — 2,89, в 1930 г. — 2,7, в 1931 г. — 4,25 %. 1932 год дал сокращение населения области на 1,14 %.

Сельское население восстановило свою численность к началу 1926 г. За голодные 1921–1922 гг. количество селян по четырем уральским губерниям (Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской) сократилось на 10,7 %. В год образования Уральской области прирост сельского населения составил 2,24 %, за 1924 г. — 2,34, за 1925 г. — 1,83. После восстановления количества селян и до 1929 г. фиксировался его рост: в 1926 г. 3,77 %, в 1927 г. 2,41, в 1928 г. 2,11. Темпы прироста сельского населения в целом были ниже в сравнении со всем населением. Затем с началом коллективизации сельское население из года в год уже сокращалось: за 1929 г. на 0,52 %, за 1930 г. — на 2,34, за 1931 г. — на 5,74, за 1932 г. — на 8,79 %. За эти годы наличное сельское население сократилось на 923,1 тыс. человек (или на 15, 8 %). Потеряло уральское село свое население и от продовольственного кризиса и разразившегося голода в 1932–1934 годы.

Другая динамика наблюдалась среди городского населения Урала. Демографические процессы в городах стали определять и динамику численности всего населения, воспроизводства и механического движения. Бурный рост индустриального наступления на Урале в конце 1920-х — 1930-е годы потребовал привлечения огромного количества рабочих рук, формирования нового облика городов региона. Городское население, его состав и образ жизни составили основу урбанизационных трансформаций, а также являлись показателем глубины происходивших демографических изменений. Урбанизация — это процесс градообразования, характерный для первого этапа индустриализации, проводившейся в ускоренном варианте, когда решение социокультурных проблем стояло не на первом месте.

Второй волна индустриализации на Урале начинается с 1927 г., для которой характерен ускоренный социально-экономический переход к индустриальному развитию, приведший к преобладанию

Население Уральской области: особенности формирования

в экономике региона производства промышленной продукции. Строительство и пуск промышленных объектов в городских поселениях обусловили бурный рост их населения. Данные табл. 5.2 показывают, что в городах были зафиксированы высокие темпы роста населения: с 8,6 % в 1927 г. до 18,3 % в 1930 г. и практически невиданного увеличения в истории региона 29,3 % за 1931 г. Абсолютно иная ситуация сложилась в сельской местности: в 1927 и 1928 гг. население выросло на 4,5 %, в последующие годы оно неуклонно сокращалось. За 1929–1931 гг. оно уменьшилось на 9,7 % (или на 546,3 тыс. человек).

Особенностью формирования населения городов Урала была его концентрация в наиболее крупных городах. В начале 1930-х годов это привело к тому, что практически половина городского населения была сосредоточена в поселениях с населением более 50 тыс. человек (на начало 1933 г. 47,8 % от всех горожан).

Вместе с тем резко изменился и состав населения Уральской области (см. табл. 5.2). Удельный вес городского населения в общей массе населения неуклонно поднимался с 16,8 % в 1920 г. до 19,7 % в 1926 г., до 27,0 % в 1931 г. и до 36,9 % в 1932 г. Уровень урбанизации Урала был существенно выше, чем в РСФСР, где он составил 25,1 % к концу первой пятилетки. Выросла и доля горожан на Урале выросла до 10,3 % от городского населения РСФСР¹.

Вместе с ростом населения Урала подверглись существенным изменениям и его демографические структуры. Наиболее интенсивно они происходили в среде городского населения. В первую очередь, существенной трансформации подверглась половая структура.

Таблица 6.2

Состав населения Уральской области в 1927–1932 гг. (тыс. человек)*

Дата	Город	Рост %	Село	Рост / убыль %	Тобольский Север	Рост %	Итого	Рост %
1.1.1927	1348,8		5384,5		51,9		6784,4	
1.1.1928	1463,8	8,6	5514,5	2,4	52,9	1,9	7031,2	3,6
1.1.1929	1594,6	8,9	5630,4	2,1	55,9	4,3	7280,2	3,5
1.1.1930	1834,6	15,1	5594,5	-0,64	61,5	11,4	7490,6	2,9
1.1.1931	2170,9	18,3	5441,9	-2,7	81,7	32,8	7694,5	2,7
1.1.1932	2807,4	29,3	5084,1	-6,6	129,9	59,0	8021,4	4,2

*Составлено и рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 304–305; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 195–198. Некоторое расхождение цифр в сравнении с табл. 5.1 связано с тем, что в сельское население включались отсутствующие на время учета.

¹ Народное хозяйство СССР: стат. справочник. 1932. М., Л., 1932. С. XXII–XXIII, 401–402.

Значительный перевес женской части населения был зафиксирован в начале 1920-х гг., когда войны и голод выбили мужскую часть населения и довели преобладание женщин в 1920 г. до 1148 на тысячу мужчин. Выравнивание полов происходило постепенно. Мужское население росло быстрее женского. В 1920 г. на 1000 мужчин в городах приходилось 1188 женщин, на селе 1152, в целом по области 1159; в 1926 г. соответственно — 1135, 1155, 1155; в 1932 г. — 1000, 1179 и 1113¹. Уральское областное управление народно-хозяйственного учета осуществило свою разработку учета населения 16 апреля 1931 г. Эта городская перепись зафиксировала сложившиеся структуры населения по группам городов. На 1000 мужчин приходилось женщин: на новостройках — 670, в Свердловске — 983, в индустриальных центрах — 1029, в не индустриальных — 1143. В областном центре и на новостройках соотношение полов оказалось зеркально противоположным по сравнению с началом 1920-х гг., здесь количество мужчин существенно преобладало, что было обусловлено спецификой промышленного строительства и миграции².

Население Уральской области отличалось существенным превышением числа детей над численностью лиц пожилого возраста, то есть являлось «демографически молодым». Лица в возрасте 0–15 лет по данным переписи населения 1926 г. среди горожан составляли 35,86 %, среди селян — 39,19. В 1931 г. это соотношение изменилось: среди горожан доля детей сократилась до 31,28 %, среди селян, наоборот, выросло до 42,35 %. Доля лиц 60 лет и старше среди горожан в 1926 г. составляла 5,75 %, среди селян — 7,84 %. В 1931 г. сохранилась такое же соотношение, только среди горожан она уменьшилась до 4,61 %, а среди селян увеличилась до 8,5 %. Удельный вес населения в трудоспособном возрасте среди городских жителей увеличился за эти годы с 58,39 до 64,11 %, а среди сельских — уменьшилось с 52,97 до 49,15 %.

Данные табл. 5.3 показывают, что в составе населения существенно выросла группа 16–59 лет, она составляла в 1926 г. немногим более половины всего населения области, в 1931 г. она резко выросла: две трети населения находились в трудоспособном возрасте. Удельный вес детей и подростков сократился за пятилетие на 10 процентных пункта, уменьшилась и доля лиц 60-ти и более лет. Нагрузка на трудоспособных резко сократилась.

¹ Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 7.

² Там же.

**Возрастной состав населения Уральской области
в декабре 1926, апреле 1931 (в %)***

Возрастные группы	Декабрь 1926			Апрель 1931		
	всего	город	село	всего	город	село
Дотрудоспособный (0–15 лет)	38,5	35,86	39,19	27,37	31,28	42,35
Трудоспособный (16–59 лет)	54,09	58,39	52,97	68,68	64,11	49,15
Послетрудоспособный (60 лет и старше)	7,41	5,75	7,84	3,95	4,61	8,50
Итого	100	100	100	100	100	100

*Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 6. Свердловск, 1930. С. 22–23; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 312.

Соотношение женщин и мужчин в составе городского и сельского населения области с 1926 по 1929 гг. изменилось незначительно. Половозрастная структура в 1931 г. существенно варьировалась по выделенным группам городских поселений (см. табл. 5.4). В областном центре жители в возрасте от 16 до 60 лет составляли 68,68 % всего населения Свердловска, мужское население в этом возрасте составляло более 71 %, женское — почти 66 %. Более высокий удельный вес этой возрастной группы сложился в новостройках: среди всего населения 72,7 %, среди мужчин 78,42, среди женщин 66,68. Возрастной состав 16–59 лет в индустриальных центрах области составил 62,3 %, а в неиндустриальных центрах — немногим менее 58 %.

Половозрастная структура населения, с одной стороны, позволяет оценить трудовой потенциал территории, с другой — она оказывает непосредственное влияние на процесс воспроизводства. И в то же время она, будучи результатом эволюции демографических процессов в прошлом, одновременно является компонентом будущего демографического развития.

Данные табл. 5.4 подтверждают, что разброс значений доли лиц как в молодых, так и в пожилых группах оказался огромным. Удельный вес городского населения в трудоспособном возрасте оказался достаточно высоким в начале 1930-х гг. Существенно выше он фиксировался в Свердловске и новостройках (68,7 и 72,7 %), чем в индустриальных и не индустриальных центрах (62,3 и 57,9 %). Группа населения в дотрудоспособном возрасте, наоборот, имела большие показатели в индустриальных и не индустриальных центрах (32,7 и 35,4 %), чем в Свердловске (27,4 %) и новостройках (25,1 %).

**Половозрастная структура городского населения
Уральской области в 1931 г. (в %)***

Группы городов	Процент населения в возрасте					
	Пол	0–7	8–15	16–59	60 и старше	Итого
Свердловск	муж.	16,53	9,32	71,32	2,83	100
	жен.	18,02	10,92	65,98	5,08	100
	итого	17,26	10,11	68,68	3,95	100
Индустриальные центры	муж.	20,78	11,46	63,76	4,0	100
	жен.	21,06	12,01	60,89	6,04	100
	итого	20,94	11,75	62,28	5,03	100
Новостройки	муж.	13,88	6,1	78,42	1,6	100
	жен.	21,16	9,08	66,68	3,08	100
	итого	16,81	8,29	72,71	2,19	100
Неиндустриальные центры	муж.	23,09	13,65	57,91	5,35	100
	жен.	20,95	13,47	57,92	7,66	100
	итого	21,96	13,52	57,94	6,58	100

*Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 170. Л. 164–170; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 304–305.

Подобная ситуация фиксировалась и в группе старше трудоспособного возраста: соответственно: 5,0 и 6,6 %; 3,9 и 2,2 % от всего населения соответствующих групп городов.

От демографического катаклизма 1914–1920 гг. в регионе особенно пострадали три группы населения: 0–7 лет, в трудоспособном возрасте и в пожилой группе. Поколения в возрасте от 8 до 16 лет пострадали меньше. В начале 1930-х гг. эта группа достигла зрелости и пришла на смену ослабленным войной и революцией предшествовавшим поколениям. В то же время отсутствие или численная слабость наиболее высоких старческих возрастов давали пониженную смертность. В итоге наблюдался рост рождаемости. В конце 1-й пятилетки картина меняется. Вмешался фактор голода 1932–1934 гг., который затронул и городское население. В то же время поколения рождений 1915–1920 гг. достигли зрелого возраста и начали приходить на смену более многочисленным предшествовавшим поколениям. Начался процесс уменьшения удельного веса групп населения, способных к деторождению. И, как результат, понизилась рождаемость. С другой стороны, к этому времени пополнилась старшая возрастная группа, которая давала высокий коэффициент смертности. Эти демографические

процессы наложились на голод и эпидемии 1932–1934 гг. В итоге — темпы прироста населения в Уральской области замедлились, более того в марте–июле 1932 г., и весь 1933 г и первое полугодие 1934 г. в городах Урала фиксировался отрицательный естественный прирост¹. Наибольшие показатели отрицательного прироста фиксировались в северных городах, где были в больших размерах сосредоточены спецпереселенцы. Падение естественного прироста продолжалось до тех пор, пока на смену ослабленным войной и революцией поколениям не пришли более многочисленные поколения рождения 1924 и последующих лет, однако это могло произойти только в 1940-е годы. Таким образом, фиксировалось явление, которое в статистике народонаселения носит название демографических циклов. Первая мировая, последовавшая за ней гражданская война, голод и эпидемии создали брешь в ряде возрастных групп и породили демографический цикл небывалого до этого времени в регионе размаха, последствия которого сказывались на естественном движении населения, его численности и половозрастных структурах.

С 1927 по 1931 и первую половину 1932 г. общая тенденция изменений сводилась к падению рождаемости как среди городского, так и сельского населения. Демографическая ситуация улучшилась, наступил недолгий период компенсаторной рождаемости. Эта тенденция не являлась особенностью Урала, она была присуща всему СССР и зависела главным образом от сознательного регулирования рождаемости (аборты, предохранительные средства). Особенно сильно она проявилась в городах, в которых число родившихся на 1000 человек упало с 48,2 в 1927 г. до 38,2 в 1931 г. Какую роль в этом падении рождаемости играли аборты видно из того, что по далеко не полным данным в Свердловске в 1928 г. 20 % всех зачатий были искусственно прерваны.

В быстро растущих городах понижение рождаемости зависело еще от своеобразного состава населения, включавшего в себе чрезвычайно высокий удельный вес одиночек. По переписи 1926 г. доля одиночек во всех городах Уральской области составляли 6 %, по учету 1931 г. она поднялась до 15,5 %. По ряду городов наблюдался более интенсивный рост удельного веса одиночек: в Свердловске 10,1 % в 1926 г., 29,6 % в 1931 г.; соответственно в Перми 8,3 и 19,8 %, в Нижнем Тагиле 4,8 и 10,5 %, в Магнитогорске в 1931 г. он достигал 41,5 %.

Смертность среди сельского населения, начиная с 1925 г., фиксировала некоторое снижение и была несколько меньше, чем в городах

¹ Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. С. 427.

(см. табл. 5.5). Коэффициент смертности сельского населения по-прежнему сохранял высокие показатели в летние месяцы (июль-сентябрь давали резкий скачок вверх), причем общий рост смертности в эти месяцы зависел от роста младенческой смертности. Неудовлетворительный уход и прикармливание детей, оставление их почти без ухода или попечение на малолетних во время полевых работ давали очень высокую младенческую смертность в летние месяцы.

Таблица 5.5

Естественное движение населения Уральской области

(в ‰, на 1000 населения)*

Годы	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931
Все население								
Рождаемость	51,2	53,0	55,4	53,4	54,9	50,7	46,8	45,3
Смертность	28,2	34,4	27,0	33,2	26,4	28,0	27,8	30,8
Младенческая смертность	295	348	247	345	251	284	272	292
Естественный прирост	23,0	18,6	28,4	20,2	28,5	22,7	19,0	14,5
Городское								
Рождаемость	52,2	50,4	51,4	48,2	47,3	40,5	37,2	38,0
Смертность	27,4	30,4	26,6	27,5	24,1	23,8	26,2	30,9
Младенческая смертность	231	264	229	247	205	231	253	275
Естественный прирост	24,8	20,0	24,8	20,7	23,2	16,7	11,0	7,1
Сельское								
Рождаемость	51,0	53,6	56,8	54,7	30,3	53,7	50,2	48,6
Смертность	28,4	35,4	27,5	34,6	27,0	29,3	28,4	30,9
Младенческая смертность	311	368	251	368	261	297	276	290
Естественный прирост	22,6	18,2	29,3	20,1	29,9	24,4	21,8	17,7

*Составлено по: ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3395. Л. 9.

Младенческая смертность на селе существенно была выше, чем в городах. Работа по охране материнства и младенчества оказалась в городах раньше, чем в сельской местности. С середины 1920-х годов смертность среди городского населения не фиксировала явной зависимости от метеорологических условий. Жаркое лето не давало повышения смертности, особенно младенческой. Кривая смертности показывала ярко выраженную тенденцию падения до 1930 г. и лишь в 1931 г., а затем в 1932–34 гг. произошло резкое повышение смертности и в городах, и в селах.

Статистические данные показывают, что наиболее распространенными причинами смерти уральцев являлись болезни органов дыхания: туберкулез (Урал занимал 1-е место по заболеваемости среди

всех регионов СССР), пневмония, бронхит. От этих заболеваний умирала четверть всех умерших. Второе место занимала смертность от эндемических болезней и эпидемиологических инфекций. Одни из них были чисто детскими: корь, скарлатина, коклюш, дифтерия. Другими инфекциями болело все население. — тифы, оспа, малярия, грипп. Регион оставался одним из самых крупных очагов по заболеванию оспой¹. От инфекционных болезней умирала четверть населения региона. В это же время было заложено начало эпидемиологического перехода. Комплекс предпринятых мер с этими заболеваниями (создание системы здравоохранения, профилактическая работа) позволили уже во второй половине 1930-х годов снизить до 12 % умерших от инфекционных болезней и причин смерти от желудочно-кишечных заболеваний. Они были вызваны во многом неблагоприятными санитарными условиями, особенно в строившихся городах. Эти заболевания не носили массовый характер. На этом показателе сказался массовый приток населения, в городах произошло ухудшение жилищных условий и условий питания. Приведенные показатели воспроизводства населения позволяют свидетельствовать о демографическом переходе в регионе. В 1932–34 гг. демографическая ситуация резко изменилась.

Второй фактор роста населения Уральской области — это переселение. Репрезентативного источника сведений о переселениях в первой половине 1920-х гг. нет. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. позволяют реконструировать картину миграционных связей Уральской области. В личный листок переписи были включены вопросы о месте рождения, продолжительности проживания на этой территории. На этой основе выделялись местные и неместные уроженцы. Основной приток мигрантов в 1914–1925 гг. был из сельских местностей (66,5 %), источником для него служили Вятская губерния (26 %), Средне-Волжский край (19 %) и Центрально-Промышленный (12 %) районы, Уфимская губерния/Башкирская АССР (7 %). Состав переселенцев по возрасту и полу отличался от половозрастного состава населения районов вселения. Анализ данных переписи 1926 г. показал, что в населении Уральской области доли детей (0–14 лет) и пожилых (60 лет и более), с одной стороны, и лиц репродуктивного возраста (15–60 лет), с другой, примерно уравновешены (50,7 и 49,3 %), тогда как среди мигрантов удельный первый был в 3 раза меньше, чем вторых (24,7 и 75,3 %). Среди переселенцев преобладали женщины репродуктивного возраста. Доля мужчин среди населения

¹ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета СРКК и КД VI созыва, 1927 — апрель 1929. Свердловск, 1929. С. 195.

Уральской области составляла 49,6 %, а женщин — 50,4 %, в то время как в составе мигрантов мужчины составляли 37,7 %, а женщины — 62,3 %. В Уральской области, благодаря притоку мигрантов, сформировалась достаточно гармоничная половая структура. Кроме того, из данных материалов переписи видно, что мигранты в возрасте 15–49 лет составляли 75,2 %. На территории Уральской области в связи с интенсивным прибытием населения, в результате “омоложения” его структуры, выравнивания соотношения полов к середине 1920-х гг. произошла активизация демографических процессов — рост брачности и рождаемости. Формирование населения Урала в первой четверти XX в. происходило в значительной степени за счёт переселенцев. Каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию, две трети были переселенцами после 1917 года¹.

Конец XIX в. — первая четверть XX в. — первая фаза миграционного перехода на Урале, для которой характерно вовлечение к передвижению населения огромных масс населения, основными факторами его были не экономические, а скорее социальные и политические, вызванные военными действиями, распадом Российской империи.

Вторая фаза миграционного перехода охватывает период с середины 1920-х и до конца 1950-х годов. Внутри этого периода выделяются два хронологических этапа: вторая половина 1920-х гг. и 1930-е годы.

С 1925 по 1930 гг. в связи с аграрным перенаселением в центральных губерниях и областях страны ситуация усугубилась настолько, что только планомерная разгрузка перенаселённых местностей путём переселения на свободные земли могла решить назревшую демографическую проблему. Основной задачей государства в эти годы стала организация плановых сельскохозяйственных переселений. Уральская область постановлением СНК СССР от 4 октября 1927 г. была признана районом, «имевшим для переселения союзное значение». Согласно плану, составленному Народным комиссариатом земледелия, предполагалось в течение 10 лет переселить на территорию Уральской области до 500 тыс. человек². Переселение осуществлялось в три округа: Троицкий, Ишимский и Тюменский. До 1930 г. в Уральскую область было заселено 60 тыс. мигрантов. Значительную часть совокупного миграционного прироста составили самовольные переселенцы

¹ Корнилов Г. Е., Павлова О. В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 225.

² ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 44. Л. 153; Д. 460. Л. 72; ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1493. Л. 16.

(в основном с Украины). «Самовольцы» составили около 80 % от общего количества переселившихся¹.

Исчерпание свободных земель, годных для сельскохозяйственной колонизации, при продолжавшемся движении крестьян из перенаселенных районов Союза на переселение на Урал, острая потребность экономики страны в освоении естественных богатств окраин (запасов сырья, топлива, энергетических ресурсов) привели к необходимости развития промышленной колонизации. Под этим термином понималось «обеспечение работающих или проектируемых генеральным планом предприятий постоянным составом рабочей силы, создание для рабочих благоприятных условий для жизни, постепенное и прочное освоение земельной территории в районе предприятия»².

Размер и темпы колонизационных мероприятий должны были согласовываться с производственными планами предприятий. Миграция рабочей силы на действующие и строящиеся предприятия Урала осуществлялась в двух видах: 1) безвозвратная миграция, 2) миграция сезонная. Безвозвратная включала переселение рабочих из различных регионов СССР на Урал с целью постоянной работы на определенном предприятии вместе со всем имуществом и семьей. За счет данной категории происходил интенсивный рост городского населения. За 1926–1929 гг. на предприятия и стройки Урала прибыло около 420 тысяч рабочих (37 % прибыли из-за пределов региона; 58 % были выходцами из села)³.

Среди сезонных мигрантов преобладали крестьяне-отходники, имевшие возможность подработать на промышленных предприятиях в свободное от сельского хозяйства время, и рабочие, завербованные на определенный срок (3 месяца, 6 месяцев, 1 год). Эта категория мигрантов представляла наибольшие проблемы для промышленных предприятий, так как не позволяла создавать «костяк» постоянных кадров.

Во второй половине 1920-х гг. не утихал поток беспризорных детей. В 1926 г. Наркомпрос РСФСР разработал перспективный план по борьбе с детской беспризорностью, предлагалось изжить это явление полностью в трёхлетний срок. Обследование, проведённое в Уральской области, показало, что основной причиной беспризорности детей является сиротство (23 % опрошенных), на втором месте — бегство

¹ Хозяйство Урала. 1928. № 8–9. С. 6–33.

² Хозяйство Урала. 1926. № 13–14. С. 170.

³ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. Свердловск, 1928. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. Свердловск, 1929. С. 20–21; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 50, 51.

из детских домов (21 %). По возрастному составу преобладали дети 12–14 лет. Детей и подростков по детским учреждениям интернатного типа в Уральской области насчитывалось в 1926 г. 19,5 тыс., под опекой состояло 18,9 тыс., под патронатом — 1,6 тыс. Таким образом, беспризорников насчитывалось около 40 тыс. человек¹.

Вторая фаза миграционного перехода связана с процессами индустриализации, урбанизации, коллективизации, вызвавшими массовое движение из села в город. Сельская местность явилась основным источником пополнения численности населения и трудовых ресурсов городов и рабочих поселков Урала. Этому способствовал более высокий естественный прирост на селе. Мощный размах промышленного строительства в регионе, особенно в годы первой пятилетки, сопровождался резким приростом рабочих мест. Возраставшие потребности в рабочей силе удовлетворялись в основном за счет притока мигрантов по большей части из сельских местностей.

Ускоренное наращивание экономического потенциала восточных районов страны вызвало в 1930-е годы невиданные ранее массовые перемещения населения, как добровольные, так и принудительные. Активное хозяйственное освоение Урала вызвало огромный приток населения, одни приехали по своей воле, другие были привезены сюда насильно. Занимая выгодное географическое положение, Урал становился срединно-союзной индустриальной оборонной базой страны. Регион стал одним из основных районов размещения раскулаченных, спецпереселенцев, которые заполняли недостающие рабочие места на строительстве промышленных гигантов, на лесозаготовках и в добыче рыбы. Насильственная трудовая миграция вплоть до начала Великой Отечественной войны стала одним из основных источников пополнения рабочей силы. С 1930 г. осуществлялись невиданные ранее массовые принудительные перемещения населения. Первая мощная волна была связана с раскулачиванием. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей (это более трети от общего числа раскулаченных по стране). В докладе о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев в Уральской области от 1 ноября 1931 г. сообщалось о наличии 573,3 тыс. человек. Количество этой категории населения на Урале в 1932 г. составляло 490 тыс. человек, в 1933 г. — 384,4 тыс., в 1934 г. — 375 тыс. человек².

В подавляющем большинстве спецпереселенцы (трудпоселенцы) были задействованы на промышленных объектах и рудниках Урала.

¹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 547. Л. 7; Д. 572. Л. 25.

² История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Нижний Тагил, 1997. С. 64.

Подавляющее большинство составляли мужчины; вместе с тем они составляли незначительную часть городского населения Урала, даже на его новостройках¹.

Основным источником принудительных мигрантов являлись Украина (25 %) и Северный Кавказ (20,3 %)². К началу 1932 г. в Магнитогорске их насчитывалось уже 50 тыс. чел. на 170 тыс. горожан. В Нижнем Тагиле к началу апреля 1933 г. было организовано шесть спецпоселков на 14,5 тыс. чел., а в конце 1936 г. их насчитывалось уже 10, в них проживало свыше 15,5 тыс. человек³. Несмотря на особенности данной категории мигрантов (размещение в обособленных посёлках, низкий естественный прирост, плохие социально-бытовые условия), эта категория населения стала одним из источников формирования населения Уральского региона⁴.

Постепенно основной формой привлечения рабочей силы в промышленность в конце 1920-х — 1930-е годы стал организованный набор (оргнабор). Источником обеспечения трудовых ресурсов промышленности, особенно строительства, было крестьянство. Об этом четко свидетельствуют материалы профсоюзной переписи, проведённой в 1932–1933 гг. Практически во всех отраслях экономики на Урале более половины занятых составляли бывшие крестьяне: торфяной — более 90 %, на транспорте и железнодорожном строительстве — 70 %, в индустриальном и городском строительстве — 69 %, пищевой — 72 %, металлургической — 39,5 %, бумажной — 55 %, автомобильной — 51 %, электротехнической — 42 %. Перепись зафиксировала и крестьян, которые сохранили связь с сельским хозяйством: в торфяной — 35–57 %, на транспорте и железнодорожном строительстве — 30 %, в индустриальном и городском строительстве — 29,8 %, пищевой — 20,9 %, в металлургической — 21,7 %, в бумажной — 27 %, в автомобильной — 27,8 %, в электротехнической — 16,8 %⁵.

До конца 1920-х гг. приток крестьян на стройки осуществлялся через биржи труда, путём заключения индивидуальных договоров, и стихийно — самотёком. Последняя форма преобладала на Урале.

¹ Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2016. С. 25.

² Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. Екатеринбург, 1993. С. 36.

³ Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е — начало 50-х гг.: в 2 ч. Ч. 1. Репрессии 1920–1930-х гг. Нижний Тагил, 1996. С. 124, 125.

⁴ Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 53.

⁵ Рассчитано по: Профсоюзная перепись 1932–1933. Вып. 1. М., 1934. С. 96–151.

Так, более половины строителей Уралмашстроя и Челябтракторстроя прибыли самостоятельно¹.

Пытаясь наладить процесс обеспечения рабочими кадрами строящиеся заводы, Экономический совет РСФСР в 1930 г. обязал отделы труда всех уровней, включая Наркомат труда, организовывать вербовочные аппараты. Наряды органов труда на вербовку и переброску рабочей силы имели обязательную силу. Отходники полностью освобождались от всяких отчислений от заработка в общественные фонды колхозов, семьи колхозников-отходников пользовались помощью колхоза наравне с прочими членами колхоза. Эти и другие льготы были закреплены в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г.² Это постановление стало поворотным пунктом в системе организованного набора рабочей силы из деревни. Быстрый рост промышленного производства при остром кадровом дефиците придавал миграционному процессу важную особенность — он стал регулироваться государством. Огромное внимание, которое уделялось привлечению жителей села к работе в городах, привели к существенному оттоку крестьянства. По сведениям Рабоче-Крестьянской Инспекции из колхозов Уральской области на новостройки, в промышленность за 1931 год ушло 301,1 тыс. человек, что составило 18,7% к общему числу трудоспособных. Часть крестьян бежали из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло не возвращаться на прежнее место жительства. К маю 1932 г. на заводы Востокстали прибыло 10,1 тыс. человек из деревни, из них осталось на постоянную работу 3,3 тыс. человек. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. человек, а самотёком прибыло 13,3 тыс. человек³.

Отток из деревни в 1931 и 1932 гг. усилился. В 31 город Уральской области, по данным адресных бюро, в 1931 г. прибыло 543,3 тыс. человек, выбыло из городов 282,4 тыс., механический прирост составлял 260,9 тыс. В 1932 г. по данным 37 адресных бюро прибыли 448,7 тыс. человек, выбыли — 278,9 тыс., прирост — 169,7 тыс. человек. На 1 тыс. городского населения в 1931 г. прибывшие составляли 365,9 человек, в 1932 г. — 269,3 человек⁴. То есть практически треть населения городов Урала в эти годы состояла из мигрантов.

¹ ГАСО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 400. Л. 18.

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. (далее — СЗ СССР). М., 1931. № 42. Ст. 286.

³ ГАСО. Ф. 245. Оп. 2. Д. 13. Л. 17; Д. 182. Л. 6–42.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 26. Л. 3, 17.

Население Уральской области: особенности формирования

Для ликвидации неуправляемого оттока селян в города еще в конце первой пятилетки власти перешли к более жестким административным методам по отношению к самовольным мигрантам. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» для усиления административного учета, контроля и регулирования передвижения населения¹. На его основании 28 апреля 1933 г. СНК СССР ввел паспортную систему для горожан². Но остановить бегство селян от голода и нищеты в города было невозможно. По постановлению ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов» от 17 марта 1933 г. отходниками теперь считались лишь те лица, которые заключили договор с хозяйственной организацией³. Принятые меры сократили отток из деревни, но не остановили его. Государство приняло меры по укреплению планового распределения трудовых ресурсов.

Небывалые масштабы с начала 1930-х гг. приобрела на Урале детская беспризорность. Причины беспризорности были многочисленны и разнообразны. Основными источниками формирования этой социально-демографической группы на Урале являлись массовые перемещения населения (и добровольные, и насильственные), сиротство, потеря родственников в силу различных трагических обстоятельств, самовольный уход из семьи (вызван ломкой традиционной семьи, изменением роли женщин, семейных ценностей, разрушением воспитательного потенциала семьи). В 1930-е гг. только через систему учреждений для беспризорников на Урале прошло более 100 тыс. детей⁴.

В период между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской области (в сопоставимых границах) увеличилось на 30,9 %, причём горожан стало больше на 145,8 %. Это привело к структурным изменениям — доля сельского населения неуклонно сокращалась: в 1926 г. она составляла 73,3 %, в 1932 г. — 59,6, в 1933 г. — 55,0, в 1934 г. — 51,8, в 1936 г. — 44,3, в 1937 г. — 43,3 %⁵.

¹ СЗ СССР. М., 1932. № 84. Ст. 516.

² СЗ СССР. М., 1933. № 28. Ст. 168.

³ СЗ СССР. М., 1933. № 21. Ст. 116.

⁴ Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов. Екатеринбург, 2009. С. 7, 8, 32.

⁵ Корнилов Г. Е. Население Свердловской области в первые годы образования // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII — XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2011. С. 74.

В целом по Уралу между переписями 1926 и 1939 гг. население увеличилось на 25,5 %, городское выросло на 260 %, а сельское — сократилось на 3,1 % (с 8,98 млн до 8,7 млн человек). Наибольшая убыль селян отмечалась в тех областях, где наиболее интенсивно шёл процесс индустриализации (в Пермской, Свердловской и Челябинской). В то же время в Башкирии, Удмуртии, Оренбургской области наблюдался рост сельского населения, здесь естественный прирост значительно перекрывал число выбывших из села¹. Население Урала выросло за счет миграции. Миграционный прирост населения региона в 1930-е гг. превысил естественный прирост почти в 2 раза. Причем основным вектором миграции стало движение населения из сельских местностей в городские².

Наибольший прирост городского населения произошел в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Сельское население, наоборот, из года в год сокращалось, именно оно было источником пополнения горожан.

Эту тенденцию зафиксировал учет городского населения, проведенный в апреле 1932 г., часто в литературе именуемый городской переписью. Резкий рост городского населения происходил за счет механического прироста. Если в 1928 г. темп роста горожан составил 4,7 %, в 1929 г. — 15,1 %, в 1930 г. — 18,3 %, то в 1932 г. он остановился и упал до 5 %. Данные налогового учета (январь 1932 г.) показывают эту же тенденцию: все население области увеличилось на 4,1 % с июля 1930 по июнь включительно 1931 г., а с июля 1931 и по январь 1932 г. — на 2,1 %; городское население выросло соответственно на 24,1 и 15,1 %, сельское сократилось на 2,8 и 3,7 %. Исключение составил лишь областной центр Свердловск, где за обозначенный период рост составил 22,2 % за первый период и 32,3 % — за второй³.

Городская перепись 1931 г. зафиксировала и такую специфическую демографическую ситуацию, как рост проживавших единолично. В 1931 г. из 2022,5 тыс. человек городского населения Уральской области проживали в семьях 1697,8 тыс. человек, а одиночками — 324,7 тыс., доля одиночек ко всему населению составила 16,1 %. По переписи 1926 г. она составляла 6,02 %. Таким образом, за истекшее между двумя переписями 4 года и 4 месяца удельный вес одиночек возрос в 2,66 раза. Доля их достаточно сильно колебалась по полу и по выделенным группам городов.

¹ Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920–1930-е годы // Институты развития демографической системы общества: сб. материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2014. С. 291.

² Население Урала, XX в.: История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 17.

³ Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 282, 283, 286, 287.

Население Уральской области: особенности формирования

В начале 1930-х годов изменения произошли и в размерах, и в структуре семей. Средний размер семьи в городах Урала понизился с 4,1 человека в 1923 г. и с 4,06 человек, каковым был в декабре 1926 г., до 3,7 в 1931 г. (сокращение на 9,8%). При этом в Свердловске сокращение было еще больше — 3,37 человек, в новостройках — 3,49, в других городах уменьшение также фиксировалось: в индустриальных центрах до 3,73, а в не индустриальных до 3,78.¹

Перепись 1931 г. показала, что в среднем на городскую семью приходилось 1,38 работающих и 2,32 не работающих. Иначе говоря, в каждой 100 семьях имелись 138 человек работающих и 232 — не работающих. Из числа 138 работающих 102 были мужчины и 36 женщины. Из 232 не работающих — 72 мужчины и 160 женщин. Среди не работающих мужского пола, в большинстве случаев, были дети и старики; среди не работающих женщин были ещё лица в трудоспособном возрасте. Доля не работающих лиц мужского пола в возрасте 15–59 лет составляла 8,25% — это в основном были учащиеся, больные и инвалиды.

Почти половина женщин в трудоспособном возрасте не трудилась на производстве, их удельный вес составлял 48,74% (в Свердловске — 48,78, индустриальных городах — 49,49, на новостройках — 52,47 и в не индустриальных центрах — 47,2). Доля незанятых женщин в трудоспособном возрасте в новостройках и Свердловске была выше, чем в не индустриальных центрах. Скорее всего, это связано было с тем, что женщины были заняты в подсобном хозяйстве, выполняли работу по дому или помогали членам семьи.

Данные городской переписи 1931 г. позволяют выяснить долю иждивенцев, приходившихся на одного работника. В среднем по всем 146 городским поселениям Уральской области, вошедшем в разработку, нагрузка эта была равна 1,11, то есть на 100 работников приходилось 111 иждивенцев. По переписи 1926 г. она была больше и составляла 1,37². По мере развертывания нового промышленного строительства и осуществления реконструкции старых предприятий обеспечивалась все более полная занятость трудоспособного населения в общественном производстве.

Проведенный анализ приводит к выводу, что в ходе промышленного освоения региона шел ускоренный процесс формирования

¹ Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. Свердловск, 1926. С. 25; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 290.

² Рассчитано по: Городской архив г. Магнитогорска. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 1–12; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. Свердловск, 1928. С. 556, 567, 571; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г. Свердловск, 1933. С. 313, 314.

населения городского населения. Рост городов и городского населения Уральской области привел к кардинальным изменениям не только в численности горожан, но и к необратимым изменениям в демографических структурах. Основным фактором этих трансформаций выступали не демографические факторы (экономические, социальные и политические условия). Демографическая сфера не была стабильна, об этом свидетельствовали трансформация структур городского населения (в первую очередь половозрастная и семейная). Демографические изменения свидетельствовали, что процесс урбанизации в регионе постепенно запустил демографический переход. Городское население оказалось в авангарде перехода от традиционного типа воспроизводства к современному. Однако, он был остановлен в 1932–1933 гг. из-за разразившегося продовольственного кризиса, приведшего к голоду и сельского, и городского населения Урала.

Таблица 5.6

Естественное движение в городах Уральской области в 1930–1932 гг.*

	Среднее население	Родилось	Умерло	в т.ч. до 1 года	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Младенческая смертность
1930								
Города	2 917 650	79 161	55 132	19 500	27,3	18,9	8,4	246,3
Свердловск	201 000	6135	4997	1341	30,5	24,9	5,6	218,6
1931								
Города	2415,3	86 246	70 614	22 575	35,7	29,2	6,5	261,2
Свердловск	287 700	9730	10 058	2727	31,9	33,0	–1,1	280,2
1932								
Города	2 917 650	103 580	93 965	28 776	35,3	32,2	3,2	279,6
Свердловск	407 200	13 650	14 152	4274	33,4	34,8	–1,4	314,6

* Составлено и рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 33. Л. 1–15; Д. 170. Л. 57–72, 164–170, 195–198.

По сведениям С. Уиткрофта (табл. 5.7), в 1928–1934 гг. в деревнях Уральской области шло ежегодное сокращение рождений. Темпы сокращения рождений были следующими (1928 г. = 100): 1929 г. — 4,4 %; 1930 г. — 10,8; 1931 г. — 7,7; 1932 г. — 21,1; 1933 г. — 21,2; 1934 г. — 13,5. 1932 и 1933 гг. дали наибольшее сокращение рождений. Количество рождений в 1934 г. составило 42,3 % от уровня 1928 г.

В 1928–1934 гг. имелись колебания в количестве умерших (в % к предыдущему году): в 1929 г. рост на 9,2 %, в 1930 г. уменьшение

Население Уральской области: особенности формирования

на 10,8 %, в 1931 г. рост на 7,8 %, в 1932 г. уменьшение на 24,4 %, в 1933 г. резкий рост на 26,9 %, в 1934 г. вновь уменьшение на 33,3 %.

Прирост населения в области, согласно данным С. Уиткрофта, в 1929 г. составлял 167 тыс. человек, в 1930 г. — 139 тыс., в 1931 г. — 119 тыс., в 1932 г. — 77 тыс., в 1933 г. — 4 тыс., в 1934 г. — 29 тыс., то есть в период 1929 — 1933 гг. происходило линейное снижение прироста, причем в 1933 г. он имел отрицательное значение в Свердловской области (минус 7 тыс. человек)¹.

Таблица 6.7

Количество смертей и рождений в сельской местности Уральской области в 1928–1934 гг. (в тыс. человек)*

	Смертей						
	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Уральская обл.	152	166	153	160	121	[159]**	[106]**
Свердловская обл.	0	0	0	0	0	85	60
Челябинская обл.	0	0	0	0	0	59	39
Обско-Иртышская обл.	0	0	0	0	0	8	7
	Рождений						
	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934
Уральская обл.	319	305	272	251	198	[156]**	[135]**
Свердловская обл.	0	0	0	0	0	78	66
Челябинская обл.	0	0	0	0	0	67	59
Обско-Иртышская обл.	0	0	0	0	0	11	10

* Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни... Т. 3. Приложение 2. С. 877.

** Сумма по трем образованным областям, входившим до 17 января 1934 г. в Уральскую область.

Регистрация статистическими органами данных по естественному движению (воспроизводству) населения за 1933 и 1934 гг. осложнялась еще тем, что произошло изменение административно-территориального деления в регионе. 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на три: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. В связи с такими изменениями могли иметь место недочеты в работе органов статистики, так как данные регистрации за 1933 г. даны в перерасчете по трем областям.

Согласно данным ЦУНХУ, естественный прирост населения Уральской области (в пересчете на новые границы трех областей) имел отрицательное значение за счет убыли городского населения.

¹ Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни... Т.3. Приложение 2. С. 876–877, 883, 885.

Е. А. Осокина считает, что основная причина этого явления — снижение рождаемости в городах в результате воздействия отрицательных последствий изменения экономической политики, главное из которых — голод. Она пишет, что с 1930 г. в города значительно увеличился приток сельского населения, смертность в этой группе людей, бежавших от голода в деревне, была выше, чем у коренного городского населения, и смерть их фиксировалась городским загсом. Поэтому показатели убыли городского населения являются более высокими¹.

На наш взгляд, естественный прирост, числа рождений и смертей являются наиболее объективными показателями, доказывающими наличие голода в области. Численность населения городов области увеличивалась вследствие притока населения из уральских сел (соответственно численность населения деревни сокращалась) и других районов страны, в том числе люди ехали на индустриальные стройки, были высланы или бежали из наиболее пораженных голодом районов. В связи с недостатком продуктов, страха от неминуемого голода население покидало и уральские села. Младенческая смертность является также относительным показателем голода, так как на нее существенное влияние оказывали эпидемии брюшного и сыпного тифа, оспы, сопровождавшие голод, а также заболевания органов дыхания (бронхиты, пневмонии). В деревне повышению детской смертности, в том числе младенческой, часто способствовало отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания. В. Б. Жиромская считает, что самые ослабленные дети рождались в деревне весной из-за истощения, недоедания и витаминного голодания матери в последние месяцы беременности и в первые месяцы кормления².

Голод являлся второстепенной причиной возникновения эпидемий, основными причинами распространения таких заболеваний, как брюшной, сыпной тиф, оспа, распространенных в области, являлись антисанитарные жилищные условия и интенсивные миграции. Голод ослаблял иммунную систему человеческого организма, что делало его восприимчивым к инфекционным заболеваниям. В. А. Исупов полагает, что голод 1932–1933 гг. и эпидемии в РСФСР привели к демографической катастрофе 1933–1934 гг. Демографическая катастрофа, по его мнению, характеризуется отчетливо выраженными депопуляционными

¹ Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года. Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 21.

² Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 23.

процессами за счет резкого увеличения смертности, а при демографическом кризисе происходит значительное сокращение естественного прироста вплоть до отрицательных величин вследствие снижения рождаемости¹. В 1928–1933 гг., по данным С. Уиткрофта (см. табл. 5.7), в области шло разными темпами сокращение числа рождений при одновременных колебаниях в количестве смертей.

На основе архивных данных ЦУНХУ Госплана СССР рассмотрим демографические процессы в Уральской области с 1932 г., которым обозначим начало демографического кризиса вследствие резкого сокращения рождений (на 21,1 %), по 1934 г.

Голод и сопутствующие ему эпидемии обусловили резкое увеличение смертности в 1933 г. Архивные материалы в силу погрешностей учета преуменьшают данные о числе родившихся и умерших, хотя выявленные нами данные ЦУНХУ Госплана СССР выше чисел, приводимых С. Уиткрофтом, и данных отчетов о естественном движении населения УралУНХУ, причем повышенными являются как показатели рождаемости, так и показатели смертности. Но они отчетливо показывают общие тенденции развития демографической сферы.

В 1932 г. колебания числа умерших не были резкими, чтобы трактовать их как свидетельство демографической катастрофы (табл. 5.8). Увеличение числа умерших в летние месяцы (июль–август) 1932 г. в сельской местности до 1231 человек в июле и до 16 116 человек в августе (максимальные значения количества смертей в уральском селе в 1932 г.) можно объяснить по аналогии с общероссийской ситуацией: с обычными сезонными колебаниями, характерными для стран со слаборазвитым здравоохранением и неконтролируемой смертностью.

Сокращение естественного прироста в 2 раза (с 15,1 тыс. человек в январе до 7,3 тыс. в декабре) в течение 1932 г. происходило не за счет повышения смертности, а вследствие продолжавшегося спада рождаемости: если в январе 1932 г. в области появились на свет 33 тыс. младенцев, то в июле — 27 тыс., в декабре — 20 тыс.

Сведения об умерших по месяцам свидетельствуют о полномасштабной катастрофе, характеризваемой скачкообразным ростом смертности, которая развернулась в январе–феврале 1933 г. и достигла своего пика в городах уже в апреле–мае, а в деревне — в августе–сентябре, когда число умерших достигло максимальных значений. В декабре 1932 г. скончалось 12 906 человек, в январе 1933 г. — 17 227, в феврале — 22 459, в марте — 24 133. Максимальных величин число смертей

¹ Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 9.

Таблица 5.8

**Воспроизводство населения Уральской области
в 1932–1934 гг. (абсолютные данные и относительные данные)***

Город / село	Месяцы	Количество рождений			Количество смертей			Прирост		
		1932	1933	1934	1932	1933	1934	1932	1933	1934
Город	I	11 003	5855	5323	8095	7049	6862	2908	–1194	–1539
	II	10 404	6294	4586	8940	9227	6099	1464	–2933	–1513
	III	10 283	6413	5009	11 926	10 453	7709	–1643	–4040	–2700
	IV	8108	6054	5070	9795	11 070	7448	–1687	–5016	–2378
	V	8232	6029	5888	10330	12 088	8262	–2098	–6059	–2374
	VI	7420	5896	6241	8583	10 217	6744	–1163	–4321	–503
	1 полу- годие	55 450	36 541	32 117	57 669	60 104	43 124	–2219	–23 563	–11 007
	VII	8517	6912	7687	8398	10 507	6335	119	–3595	1352
	VIII	8279	6641	9058	7024	11 072	5964	1255	–4431	3094
	IX	8090	5660	8493	5528	7724	5064	2562	–2064	3429
	X	8311	5521	9129	4959	7272	4466	3352	–1751	4663
	XI	7189	4540	8026	4889	6350	4341	2300	–1810	3685
Село	XII	7100	4897	8432	5498	7043	5370	1602	–2146	3062
	2 полу- годие	47 486	34 171	50 825	36 296	49 968	31 540	11190	–15 797	19 285
	За год	102 936	70 712	82 942	93 965	110 072	74 664	8971	–39 360	8278

Продолжение таблицы 5.8.

Город / село	Месяцы	Количество рождений			Количество смертей			Прирост		
		1932	1933	1934	1932	1933	1934	1932	1933	1934
Село	I	21 845	15 489	14 180	9620	10 178	10 756	12 225	5311	3424
	II	20 441	14 586	10 947	9841	13 232	9727	10 600	1354	1220
	III	18 689	14 786	10 519	10 555	13 680	10 971	8134	1106	-452
	IV	14 704	12 498	7990	9680	12 352	10 819	5024	146	-2829
	V	14 922	12 868	8020	9628	13 721	10 207	5294	-853	-2187
	VI	16 081	15 522	11 037	9197	15 551	9588	6884	-29	1449
	1 полу- годие	106 682	85 749	62 693	58 521	78 714	62 068	48 161	7035	625
	VII	18 348	17 594	14 897	12 318	19 443	10 875	6030	-1849	4022
	VIII	17 168	16 967	16 532	16 116	21 841	11 684	1052	-4874	4848
	IX	15 089	14 822	14 218	11 750	16 903	12 370	3339	-2081	1848
	X	15 339	13 806	14 640	8552	12 961	8197	6787	845	6443
	XI	13 744	11 354	13 648	7395	9778	7032	6349	1576	6616
	XII	13 125	10 881	13 316	7408	9830	7467	5707	1051	5849
	2 полу- годие	92 813	85 424	87 251	63 539	90 756	57 625	29 274	-5372	29626
	За год	199 495	171 173	149 944	122 060	169 470	119 693	77 435	1703	30 251

Продолжение таблицы 5.8.

Город / село	Месяцы	Количество рождений				Количество смертей				Прирост		
		1932	1933	1934		1932	1933	1934		1932	1933	1934
		На 1 000 населения приходится										
Город / село	Месяцы	Родившихся				Умерших				Прирост		
		1932	1933	1934		1932	1933	1934		1932	1933	1934
Город	I	54,9	23,5	20,7		40,4	28,3	26,4		14,5	-4,8	-5,7
	II	55,7	28,0	19,5		47,8	41,2	26,0		7,9	-13,2	-6,5
	III	51,2	25,9	19,3		59,5	42,1	29,9		-8,3	-16,2	-10,6
	IV	41,7	25,2	19,5		50,5	46,1	28,7		-8,8	-20,9	-9,2
	V	41,2	24,3	21,8		51,6	48,7	30,6		-10,4	-24,4	-8,8
	VI	38,3	24,6	24,6		44,3	42,6	26,5		-6,0	-18,0	-1,9
	1 полу- годие	47,0	25,0	20,7		48,8	41,1	27,8		-1,8	-16,1	-7,1
	VII	42,6	27,9	27,7		42,0	42,4	22,9		0,6	-14,5	4,8
	VIII	41,4	26,7	32,6		35,1	44,6	21,4		6,3	-17,9	11,2
	IX	41,8	23,6	31,5		28,5	32,1	18,8		13,3	-8,5	12,7
	X	41,6	22,2	32,8		24,8	29,3	16,0		16,8	-7,1	16,8
	XI	37,1	18,9	29,8		25,3	26,4	16,1		11,8	-7,5	13,7
Город	XII	35,5	19,7	30,3		27,5	28,4	19,3		8,0	-8,7	11,0
	2 полу- годие											
	За год		24,2				37,7				-13,5	

Продолжение таблицы 5.8.

Город / село	Месяцы	Количество рождений			Количество смертей			Прирост		
		1932	1933	1934	1932	1933	1934	1932	1933	1934
Село	I	54,9	23,5	20,7	40,4	28,3	26,4	14,5	-4,8	-5,7
	II	49,5	42,4	35,5	21,8	27,9	26,7	27,7	14,5	8,8
	III	49,6	44,2	30,1	23,9	40,0	26,7	25,7	4,2	3,4
	IV	42,4	40,5	26,5	23,9	37,4	27,2	18,5	3,1	-0,7
	V	34,4	35,3	20,1	22,6	34,9	27,3	11,8	0,4	-7,2
	VI	33,9	35,2	19,9	21,8	37,6	25,3	12,1	-2,4	-5,4
	1 полу- годие	37,7	43,9	29,7	21,6	43,9	25,7	16,1	0	4,0
	VII	41,0	39,9	26,6	22,5	36,6	26,3	18,5	3,3	0,3
	VIII	41,7	48,2	40,4	28,0	53,2	29,5	13,7	-5,0	10,9
	IX	39,0	46,4	44,4	36,6	59,8	31,4	2,4	-13,4	13,0
	X	35,4	41,9	39,4	27,6	47,8	34,3	7,8	-5,9	5,1
	XI	34,8	37,8	39,3	19,4	35,5	22,0	15,4	2,3	17,3
	XII	32,3	32,1	38,0	17,4	27,6	19,6	14,9	4,5	18,4
	2 полу- годие	29,8	29,8	35,9	16,8	26,9	20,1	13,0	2,9	15,8
За год			39,8			39,4			0,4	

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 25; Баранов Е.Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М., 2009. С. 427.

достигло в августе 1933 г., когда в Уральской области было зафиксировано 32,9 тыс. умерших. Следовательно, за семь месяцев — с декабря 1932 г. по август 1933 г. — количество смертей выросло более чем в 2,5 раза. Причем число умерших в августе 1933 г. превышало число умерших в июле 1932 г., где смертность имела также максимальное значение в 1932 г., в 1,4 раза.

То есть, основным фактором роста смертности весной–осенью 1933 г. были не сезонные ее колебания, а голод и эпидемии. Вымирание населения, а не снижение рождаемости обусловило отрицательные показатели естественного прироста. Депопуляция в сельской местности имела место с мая по сентябрь. Что касается городской местности, то естественный прирост населения города имел отрицательное значение в марте–июне 1932 г., когда происходило линейное ежемесячное сокращение рождаемости при увеличении смертности в отдельные месяцы. Но данное обстоятельство не привело к демографической катастрофе в области, так как рождаемость в сельской местности значительно превышала убыль городского населения (в 3,8 раза). Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение непрерывно с января 1933 г. по июнь 1934 г. Общий естественный прирост был отрицательным весь 1933 г., когда убыль населения составила 37,6 тыс. человек, и в первом полугодии 1934 г. (убыль населения — 10,3 тыс. человек). Только в Челябинске в 1933 г., как считает В. Б. Жиромская, число умерших превысило число родившихся на 7 тыс. человек¹. Убыль населения Уральской области в 1933 г. составила примерно 7,2 % от убыли населения РСФСР².

Медленное снижение числа умерших было зафиксировано с октября 1933 г. Рождаемость, как более инерционный, чем смертность, элемент процесса воспроизводства населения, сокращалась до апреля 1934 г. И если в апреле 1932 г. в области родилось 22,8 тыс. детей, то в апреле 1933 г. — 18,6 тыс., а в апреле 1934 г. — 13,1 тыс. детей. Пониженная рождаемость в конце зимы–весной 1934 г. вызвала рецидив депопуляции. На протяжении трех месяцев (февраль–май) 1934 г. показатели естественного прироста стали отрицательными. И только осенью 1934 г. демографическая ситуация нормализовалась.

Характерно, что в сельской местности Уральской области рост смертности был более резко выражен, чем в городах. В городских

¹ Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 16.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 25.

поселениях области число умерших за период с декабря 1932 г. по август 1933 г. увеличилось в 1,4 раза, тогда как в сельской местности выросло в 2,2 раза. В действительности демографическая ситуация в деревне была еще хуже, чем это показывают статистические материалы, т.к. случаи смерти в сельской местности фиксировались с большими, чем в городах, погрешностями. Но в городских поселениях, особенно крупных, сильнее было падение рождаемости.

В итоге в городах депопуляция обозначилась в целом раньше, чем в деревне (в городских поселениях — в январе 1933 г., при этом, имея место в марте — июне 1932 г., в сельской местности — в мае 1933 г.), а завершилась позже (в городах — к июлю 1934 г., в деревне — к октябрю 1933 г.). Демографическая катастрофа в сельской местности происходила на протяжении меньшего времени, чем в городах.

Если рассматривать данные ЦУНХУ Госплана СССР по воспроизводству населения в расчете на 1 тыс. жителей (см. табл. 5.8), то становится очевидным, что наиболее интенсивно убыль населения происходила в городе. Так, максимальная величина убыли городского населения в расчете на 1 тыс. человек в мае 1933 г. (–24,4) на 45,1 % превосходила максимальное значение убыли сельского населения в августе 1933 г. (–13,4). Минимальной убыль сельского населения в расчете на 1 тыс. жителей была в марте 1934 г. (–0,7). Убыль городского населения имела минимальное значение в июне 1934 г. (1,9).

Таким образом, минимальная и максимальная величины убыли населения городов превосходили соответствующие показатели для сельской местности. В относительном выражении естественный прирост в сельской местности за 1933–1934 гг. имел отрицательное значение в мае, июле, сентябре 1933 г. и в марте–мае 1934 г., был равен нулю в июне 1933 г.

Сокращения естественного прироста городского населения в расчете на 1 тыс. жителей, как и в абсолютном выражении, происходили в феврале–июне 1932 г., весь 1933 г. и в январе–июне 1934 г. Данное превалирование доли городского населения в общей убыли населения области, с одной стороны, объясняется недоучетами при регистрации количества родившихся и умерших в сельской местности.

С другой стороны, повышение смертности в городах связано с увеличением смертности сельских жителей, прибывших в города на заработки и за продовольствием. Даже введение паспортной системы в декабре 1932 г., вероятно, не смогло полностью остановить отток населения из деревни. Но для полного прояснения ситуации необходимо обратиться к документальному материалу по голоду в Уральской области.

Рассмотрев статистику воспроизводства населения, мы выяснили, что общесоюзная демографическая катастрофа 1933 г. затронула и Уральскую область. Ее причинами стали голод и сопутствующие ему эпидемии. Поэтому хронологические рамки голода в Уральской области мы определяем с февраля 1932 по июнь 1934 гг., как и в целом по СССР.

Но при определении хронологических границ голода следует учитывать, по крайней мере, два следующих обстоятельства. Во-первых, голод проявляется, прежде всего, как демографический феномен, влияет на воспроизводство населения. Во-вторых, отдельные локальные случаи голода, «голодных опуханий», питание суррогатами не являются доказательством массового голода в регионе.

В региональных архивах Урала сохранились документы, содержащие сведения о голоде в области в конце 1931 г. Голодали крестьяне Егоршинского района. Колхозник сельскохозяйственной артели «Доброволец» Егоршинского района, рабселькор И. М. Бородин не один раз обращался в газету «Колхозный путь» областные и районные исполнительные органы (Облснаб, Уралколхозсоюз, Егоршинский райколхозсоюз) с просьбой оказать продовольственную помощь. 30 января 1932 г. он писал в газету «Колхозный путь»: «За январь месяц никому не дали ни фунта (хлеба) теперь больше сидим, чем работаем, ибо обслуживающие колхоз 27 человек, едим картошку 9 дней. Заводской Рабкооп видя голод дал по два кило тем, кто работает на ферме. Молоко расходуем в столовую, детясли, на хлеб выменять не можем... колхоз разваливается... Голод стал во весь рост...боремся с голодом уже 5 месяцев, обращаемся к облорганам дайте нам хлеба и хлеба. Укажите, что делать? Куда обратиться? ... голод вышибает из-под ног всякую платформу...»¹ И. М. Бородин еще несколько раз обращался в газету с аналогичными просьбами об оказании содействия в получении артелью хлеба, указывал на возможность распада колхоза вследствие ухода колхозников на поиск обеспечиваемой продовольственным пайком работы и неудовлетворительного физического состояния членов сельхозартели из-за недостатка продуктов питания, главным образом, хлеба.

В течение 1932 г. голод набирал силу. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, натуральной оспы, цинги. Рост заболеваемости сыпным тифом по РСФСР, как указывал председатель СНК РСФСР Д. Е. Сулимов в письме В. М. Молотову в феврале

¹ Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. Т. 2: 1929–1984 гг. Екатеринбург, 2000. С. 46–48.

Население Уральской области: особенности формирования

1933 г., начался с октября 1932 г. и достиг в декабре 1932 г. 18 тыс. случаев, а январе 1933 г. — 20 тыс. Уральская область являлась одним из регионов, за счет которых происходил рост заболеваемости. В октябре 1932 г. в области насчитывалось 1136 больных сыпным тифом, в ноябре — 1646, в декабре — 2700, в январе 1933 г. — 3000 человек (по данным Д. Е. Сулимова). В Уральской области наиболее пораженными сыпным тифом населенными пунктами являлись Свердловск, Магнитогорск, Челябинск, Златоуст, Надеждинск, Пермский и Чердынский районы¹.

Зимой 1933 г. в области продолжался рост числа эпидемических заболеваний (чел.)²:

	Январь	Февраль	4 дня марта
Сыпной тиф	2843	3842	205
Брюшной тиф	486	604	24
Натурал. оспа	284	261	18
Цинга	—	132	22
Всего	3613	4839	269

Как мы уже отмечали, распространению инфекций способствовал голод, ослабивший иммунитет человеческого организма. Что касается цинги, то она являлась прямым показателем дефицитного голодания — недостатка витамина «С» в организме.

В спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ за апрель 1933 г. отмечены острые продовольственные затруднения в Челябинском, Усть-Уйском, Троицком, Камышловском, Багарякском, Бродокалмакском, Ярковском, Бердюжском, Ольховском, Сухоложском, Шадринском и других районах Уральской области³. Основными районами, пораженными голодом, оставались районы Центрального и Южного Зауралья.

В документ сообщалось о трупоедстве в ряде районов области, употреблении в пищу кошек и собак и распространении заболеваний на почве голода. В колхозе им. Сталина Михайловского сельсовета Троицкого района трупы павшего от сапа скота, залитого карболовым раствором, растаскивались колхозниками — нацменами и русскими со скотомогильников и употреблялись в пищу. В сельскохозяйственной артели им. Калинина Камышловского района колхозники

¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 199–200.

² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 663.

³ Там же. С. 662.

употребляли в пищу павших лошадей, вытащенных из скотомогильника деревни Луговой. В коммуне им. Ворошилова Усть-Уйского района коммунар съел павшую «якобы от сибирской язвы» лошадь. В ряде районов области на почве недоедания были зафиксированы заболевания желудка, опухания (водянка), отдельные случаи смерти и самоубийств. В колхозе «Красная Армия» Багарякского района по причине голода заболело 22 человека, их пришлось госпитализировать. В другом колхозе района вследствие голода умерла одна колхозница. В колхозе «Крестьянин» Бродокалмакского района из-за недоедания болели 34 человека. В Сарашевском и Султаневском сельсоветах Бердюжского района были отмечены случаи смерти и опухлей от голода. В селе Сараши несколько семей лежали опухшие от голода. В деревне Спициной 23 февраля по причине голода повесился один колхозник-ударник. В селе Грязновском и деревне Рудянской было зарегистрировано три самоубийства на почве голода¹. В 1933 г. областная прокуратурой зафиксировала факты каннибализма². Голод приводил не только к ухудшению физического состояния населения, но и к нарушению психики.

Итак, в 1932–1933 гг. Уральскую область поразил голод. И если латентный голод или качественно-количественное голодание, согласно типологии П. А. Сорокина, охватил всю территорию области, то локальные голодовки, повлекшие смертность населения непосредственно по причине недостатка или отсутствия пищи, имели место в сельской местности области.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Уже с начала первой пятилетки население Уральской области испытывало трудности в обеспечении продовольствием. Резервов продовольствия для населения не было создано. Прежде всего, это касалось недостатка хлебопродуктов. В конце 1920-х годов за хлебом в магазинах области образовывались очереди, на почве его недостатка имели место забастовки, текучесть рабочих кадров, — все это привело первоначально к нормированной выдаче хлеба с июня 1928 г., а затем к введению карточек на хлеб и другие продукты. В январе 1931 г. была введена всесоюзная карточная система. Нормированное распределение продуктов питания создало строгую иерархию снабжения, место человека в которой определялось востребованностью его

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 662–663.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 9274. Л. 43–58; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 82.

на индустриальном производстве. Но карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением. Выдача карточек задерживалась, без карточек рабочие и члены их семей не могли получить продукты. Выданные карточки полностью не обеспечивались продуктами. Тяжелее всего приходилось рабочим неиндустриальных производств области и их семьям. Членам семей и иждивенцам рабочих отдельных предприятий области не выдавали хлеб по несколько дней. Рабочие и их семьи голодали. Система общепита не обеспечивала рабочих полноценным питанием во время рабочего дня. Горожанин был вынужден покупать продовольственные продукты на рынке, при этом базарные цены за пять лет выросли почти в двенадцать раз. ЗРК и ОРСы не обеспечивали продуктами питания весь контингент, подлежащий снабжению, вследствие отсутствия необходимого объема продуктов. Центральное руководство в 1933 г. сократило контингенты второго и третьего списков, а также объемы отпускавшейся продукции, что говорит о недостатке продуктов. Обеспечение горожан овощами и картофелем с 1931 г. осуществлялось в основном за счет подсобных хозяйств предприятий и организаций. Легализованная в мае 1932 г. колхозная торговля, разрешение свободной продажи (коммерческой торговли) хлебом с осени 1933 г. создали для горожан дополнительные источники получения продовольственных продуктов после снабжения по карточкам. Введение карточной системы снабжения позволило горожанам избежать массового голода.

Ситуация с обеспечением продовольствием сельского населения области была гораздо хуже, чем в городе. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей для обеспечения питания. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продуктами питания, за исключением сельских служащих. Государство оказывало продовольственную и семенную помощь жителям уральского села, но чаще она предоставлялась на период проведения посевной кампании и хозяйствам социалистического сектора. Отсутствие продовольствия в деревне привело к увеличению отхода крестьян из деревни с целью поиска заработка на промышленном производстве и стало причиной крестьянских выступлений и хищений продовольственных продуктов. Советское руководство отреагировало на это принятием административных и репрессивных мер: введением в декабре 1932 г. паспортной системы, принятием закона от 7 августа 1932 г., запрещением отходничества в марте 1933 г.

Продовольственная ситуация в деревне резко ухудшилась после неурожая в 1931 г. Уже в конце 1931 г. в отдельных населенных пунктах Уральской области были отмечены случаи голода. В 1932–1933 гг. в области наступил голод. По своим масштабам он уступал абсолютному голоду на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане, ЦЧО. Но латентный голод охватил всю территорию области. Пик голода в Уральской области пришелся на весну — лето 1933 г., когда смертность населения была наиболее высокой, причем основным фактором роста смертности был именно голод и сопутствующие ему эпидемии.

Общеизвестно, что властям того времени было запрещено употреблять термин голод, о голодовках населения не упоминалось на партийных, комсомольских собраниях, на заседаниях партийных комитетов, не было информации и в средствах массовой информации. Тем не менее, в архивах, как федеральных, так и местных можно обнаружить документы, в которых напрямую или косвенно говорится о голодовках в той или местности Урала.

Кроме того, несмотря на то, что ликвидация ЦСУ СССР и образование ЦУНХУ Госплана СССР (1931–1941 гг.) привела к прекращению публикации данных о населении, тем не менее после 1932 г. они крайне редко, но встречаются.

Так, в Списке районов Свердловской области, подписанном 16 октября 1934 г. заведующим учетным отделом Свердловского обкома ВКП(б) Захаровым, приведенные сведения показывают, что на 1 января 1934 г. в области насчитывалось 2073,6 тыс. горожан и 2307,3 тыс. селян, всего 4380,9 тыс. человек. Удельный вес населения вновь созданной Свердловской области в ликвидированной Уральской области на 1 января 1934 г. составлял 55,9 %. Отсюда в население Уральской области к моменту разделения составляло 7837,03 тыс. человек. Сравнивая эти сведения с данными табл. 5.1, получаем, что население Уральской области за период с 1 января 1932 г. в 8020,0 тыс. до 1 января 1933 г. сократилось до 7929,7 тыс. и до 1 января 1934 г. уменьшилось до 7783,5 тыс. человек. За два года (1932–1933 гг.) впервые за годы существования Уральской области фиксировалась убыль населения на 236,5 тыс. человек (или на 2,9 %)¹. Расчет ЦУНХУ населения в Уральской области, произведенный на 1 января 1934 г. в административно-территориальном делении 1 января 1933 г., показал

¹ Рассчитано по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 2. Л. 134–137; Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. Свердловск, 1934. С. 4, 121.

Население Уральской области: особенности формирования

несколько другие цифры: на начало 1933 г. — 7990,7 тыс. человек, на начало 1934 г. — 7756,1 тыс. Эти данные показывают, что население области только за год сократилось на 3,02 % (причем сельское уменьшилось на 7,4 %, а городское, наоборот, увеличилось на 4,8 %). Сокращение населения за 1932 и 1933 гг. составило 3,3 %¹.

Этот демографический кризис был вызван продовольственным кризисом и разразившимся голодом. Столкновение с засухой и неурожаем поставило страну в опасное положение. Региональные власти не смогли выйти из него, как и в 1918–22 гг., когда голод 1918–20 гг. сопровождался засухой 1921 г. и голодом городского и сельского населения, в 1928–33 гг. ситуация повторилась, она сопровождалась засухой 1931 г., неурожаем 1932 г., и в дальнейшем 2-хлетним голодом.

В целом же население Уральской области за десятилетие её существования увеличилось в 1,25 раза, городское выросло в 2,77 раза, сельское сократилось на 10,1 %. Существенно изменился состав населения: горожане в 1924 г. составляли 19 % всего населения, в 1934 г. их доля выросла до 42 %, в то же время доля сельского населения сократилась с 81 до 58 %. Процесс урбанизации набирал обороты.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16. Л. 21.

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

К. Д. Бугров

Недолгая эпоха существования Уральской области с центром в Свердловске стала поистине определяющим временем для культурного и научного развития всего обширного региона. Именно в годы Уральской области был заложен институциональный фундамент этого развития. До образования Уральской области, в конце XIX — начале XX вв. культурная и научная жизнь края носила кружковый характер, в громадной мере опиралась на самостоятельность, которая в свою очередь, зиждилась на усилиях местной интеллигенции¹. Так, Е. Ю. Казакова-Апкаримова подчеркивает: «В конце XIX — начале XX в. в городах Урала заметно оживилась литературная жизнь, увеличилось число культурно-просветительских общественных организаций, обществ взаимопомощи и кружков по организации досуга, целью или одной из задач деятельности которых являлось развитие в публике любви и интереса к литературе и искусству. Эти добровольные, самоуправляющиеся организации, отличающиеся по организационным формам, возникали по инициативе самих горожан, особую роль в их создании сыграли представители интеллигенции и верхушки городского общества»². На рубеже XIX–XX вв. складывается ключевой интеллектуальный феномен дореволюционного Урала, который С. В. Голикова определяет как «горнозаводской субстрат уральского областничества»³.

Безусловно, следует согласиться со специалистами, характеризующими этот период как период подъема культурной жизни, сопряженного с общероссийскими урбанизационными и модернизационными тенденциями⁴. Но подъем этот носил прерывистый и нелинейный характер. Так, хотя литература Урала восприняла в указанный период

¹ Тухватулина К. А. Театральная культура Южного Урала конца XIX — первой трети XX века: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

² Казакова-Апкаримова Е. Ю. Общества «Друзей литературы» и социокультурная жизнь уральского города в конце XIX — начале XX в. // Филологический класс. 2013. № 4. С. 129.

³ Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // Studiaculturae. 2016. № 27. С. 175.

⁴ Ерыкалина А. Ю. Культурная жизнь городского населения Южного Урала (конец XIX в. — 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2015. С. 168.

новые веяния модернизма, все же «полноценного развития модернизм на Урале не получил: здесь не случилось своего литературного журнала, могущего объединить силы деятелей культуры новой формации, не было издательств, подобных петербургским и московским, не было крупных талантов, способных сформировать школу»¹. Тяжким ударом для этой культурной системы, которая по преимуществу была культурной системой городских верхов, стала революция 1917 г. и Гражданская война: «Ряды провинциальной уральской интеллигенции за первые послереволюционные годы существенно изменились. Немногочисленная и до революции 1917 г. творческая интеллигенция Урала в это время понесла большие потери. Многие представители старой интеллигенции погибли в годы гражданской войны, уехали в другие регионы страны и даже за границу»².

Среди лидеров художественной жизни Уральской области в 1920-х гг., следует назвать скульптора С. Д. Эрзью, живописцев Л. В. Туржанского, А. Н. Парамонова в Екатеринбурге, живописца П. И. Субботина-Пермяка и искусствоведа Н. Н. Серебренникова в Перми, художника Н. А. Русакова в Челябинске, художника Г. А. Мелентьева в Кунгуре, Э. И. Мали в Миассе³. В 1921–1922 гг. существовало первое на послереволюционном Урале литературное объединение — Уральская литературная ассоциация («Улита»); в ее консолидации основную роль сыграли московский уполномоченный Б. Ф. Малкин и уральские большевики В. М. и П. М. Быковы⁴. Областные идеи сочетались во взглядах новой революционной элиты с народническим пафосом — общеуральская идентичность в определенной мере складывалась на полях боев Гражданской войны, Уральская область представляла не только экономико-социальным, но и политико-мобилизационным единством с центром в Екатеринбурге. Важным интеллектуальным феноменом оказалась 1-я Революционная армия труда, издававшая журнал «Серп и молот». На страницах этого журнала такие публицисты, как Ф. Ф. Сыромолотов

¹ Маштакова Л. В., Хоруженко Т. И. Русская литература конца XIX — начала XX вв.: модернистские тенденции в творчестве поэтов и писателей Урала. Екатеринбург, 2023. С. 103.

² Журавлева Н. С. Культура и искусство Урала в начале 1920-х гг. // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. Кн. 2. Екатеринбург, 2008. С. 356.

³ Алексеев Е. П. Лидер в художественной жизни Урала 1900–1930-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 285–289.

⁴ Журавлева Н. С. Культура и искусство Урала в начале 1920-х гг. ... С. 359.

и Е. О. Бумажный, развивали программу своеобразного уральского индустриального регионализма. Так, Е. О. Бумажный в 1920 г. писал: «Уральского пролетария раскатать трудно. Под гнетом прошлого он вышел забитым и темным и, вследствие этого, он несколько тяжело-думен и неподвижен. Но, убедившись в чем-либо на опыте, осознавши стоящие перед ним задачи, он уже не останавливается ни перед чем. Твердость, простота и выносливость, черты, гармонирующие со строгостью самой уральской природы, побеждают тогда все... Каждая пядь земли, каждый холм и завод отдавался и завоевывался кровью сотен и тысяч уральских пролетариев. В городах Урала лучшие сложили свои головы. Смерть павших, беззаветное стремление скорее освободить Урал от белогвардейского плена еще сильнее спали оставшихся в живых. Держась друг за друга, уральские пролетарии терпели поражения и побеждали»¹.

Местное художественное сообщество оказалось достаточно крепким, чтобы в 1919–1920 гг. дать бой прибывшим из Москвы «миссионерам» авангардного искусства П. Е. Соколову и А. Ф. Боевой — в Перми им противостоял Субботин-Пермяк, в Екатеринбурге — Туржанский и Эрзя. Несмотря ни на что, Соколов и Боева «рассматривали подведомственные мастерские как Екатеринбургский ХУТЕМАС», но нехватка финансирования и конфликты с уральскими властями привели к тому, что в январе 1921 г. экспериментаторы с группой сторонников уехали в Пензу².

Старт большевистской программы монументальной пропаганды в 1918 г. нашел горячий отклик на Урале: «Установка на зрелищность, на театральность и яркость определила вначале терпимость властей к экспериментам в области скульптурных форм. Провинция быстро восприняла идею проведения всенародных конкурсов по созданию революционных монументов и памятников борцам за свободу»³. В 1920 г. в Екатеринбурге открылся памятник «Освобожденному труду», знаменовавший разрыв с дореволюционной традицией. Появились также и «чугунные плакаты» — памятные доски в честь К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Н. Толмачева и Л. Вайнера. В 1923 г. в Екатеринбурге был установлен барельеф «Строителю города» авторства П. П. Шарлаимова. Во многих городах

¹ Горнозаводской и индустриальный Урал в зеркале столетий: антология. Екатеринбург, 2023. С. 288.

² Смекалов И., Алексеев Е. Петр Соколов и Анна Боева — практики «футуристической революции» // Искусствознание. 2020. № 1–2. С. 284.

³ Алексеев Е. П., Черепов В. А., Ярков С. П. Памятники монументального искусства Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 30.

были установлены памятники В. И. Ленину; наиболее, пожалуй, оригинальным оказался памятник в Нижнем Тагиле, где в 1924 г. стандартная статуя вождя была установлена на необычный постамент, выполненный по эскизу А. И. Фролова — земной шар, опирающийся на многогранник из развернутых книг, на страницах которых ленинские цитаты. Самым ярким монументом эпохи монументальной пропаганды следует считать памятник борцам революции на Мотовилихе, установленный в 1920 г. революционером В. Е. Гомзиковым и представляющим собой серп и молот (но не обычный молот, а стилизованное изображение мощного парового молота, которым славился Мотовилихинский завод).

Массовая коммеморация жертв и героев Гражданской войны. Как правило, памятники эти представляли собой деревянные памятники над братскими захоронениями. На фоне массовой «деревянной» коммеморации выделялись относительно немногочисленные капитальные монументы. Лучше всего от коммеморативной политики 1920-х гг. сохранились металлические и цементные памятники «Героям, павшим за революцию»¹, установленные в 10 локациях по всему Уралу, а также немногочисленные каменные обелиски и стелы. В художественном отношении абсолютное большинство монументов 1920-х гг. представляли собой обелиски и стелы, консервативно следовавшие дореволюционным подходам², а вот авангардное искусство почти не оставило следа³. Стиль монументов начала 1920-х гг. можно назвать «провинциальным монументализмом»⁴. В целом коммеморативная политика первых лет советской власти следовала в русле практики «гражданских похорон», связанной с российской революционно-демократической традицией XIX — начала XX в.⁵ К этой традиции отсылали и надписи на памятниках. Например, деревянный монумент в Надеждинске был украшен надписью: «Спите, орлы боевые, спите спокойно, душой вы заслужили, родные, славу и вечный покой»,

¹ Смирнова М. В. Герои Гражданской войны в каслинском литье. В кн.: Гороховские чтения. Материалы девятой региональной музейной конференции. Челябинск. 2018. С. 339.

² Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск. 2015. С. 189.

³ Волков Е. В. Образы историко-революционных произведений изобразительного искусства Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 28 (204). С. 30.

⁴ Алексеев Е. П. Провинциальный монументализм: первые памятники В. И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 35. С. 142–161.

⁵ Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.

а также со списком 20 имен погибших¹. Это — цитата (с небольшими вариациями) из песни 1906 г. И. И. Корнилова на слова К. И. Оленина. А вот на деревянном обелиске в Сосьве та же строка из песни была закончена по-иному: «Спите спокойно, орлы боевые, мы дружно работу закончим за вас!...»² Каменный памятник в Северском заводе, выстроенный в 1922 г., еще больше искажал привычные строчки: «Спите борцы боевые. Спите под вечной землей. За вас будет биться весь мир напряженно могучей рукой»³. На обелиске в Усть-Катаве была помещена надпись такого содержания: «Их имена с нашей песнью победной, будет священный наш лозунг борьбы»⁴. Первая часть этой фразы взята из «Варшавянки» Г. М. Кржижановского, а вторая — из куда менее известной «Коммунистической Марсельезы» Д. Бедного⁵.

Е. П. Алексеев, В. А. Черепов и С. П. Ярков отмечают: «Большинство проектов этого времени наполнено трафаретной советской символикой. В проектах дилетантов идеологические штампы принимали подчас своеобразные, нелепые либо гротескные формы. Часто в подобных проектах причудливо сочетались старые академические штампы с новыми, советскими. Напыщенное провинциальное надгробие купца-золотопромышленника без особого труда превращалось в памятник-трибуну вождю мирового пролетариата. Революционно настроенный провинциальный обыватель поддержал дряхлеющую академическую традицию, снабдив ее новыми политическими лозунгами и символами»⁶. Эпоха дилетантизма завершилась во 2-й половине 1920-х гг. Одним из символов окончания этой эпохи стала установка в 1927 г. в Свердловске статуи Я. М. Свердлова авторства М. Я. Харламова; тогда же, в середине 1920-х гг., были выполнены первые в советском Свердловске монументальные росписи в интерьерах Дома крестьянина и Делового клуба. В 1925 г. в Свердловске появился Уральский филиал Ассоциации художников революционной России, который, как подчеркивает С. П. Ярков, состоял «почти целиком из

¹ Фомичев И. А. Политические репрессии в Надеждинске. 1918–1952 гг. В 2-х тт. Т. 1. Екатеринбург, 2012. С. 17.

² Войтенко А. А. На той далекой, на гражданской... Памятники и памятные места гражданской войны на Среднем Урале (1918–1919 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 305.

³ Там же. С. 252.

⁴ Соколов А. П. Памятник борцам революции // Официальный сайт Управления культуры администрации Усть-Катавского городского округа. 24 августа 2017 г. URL: <http://uk174.ru/htmlpages/Show/turizm/Dostoprим/History/Pamyatnikborcamrevolyucii> (дата обращения: 20.12.2021).

⁵ Бутров К. Д., Вебер М. И. Монументальная коммеморация Гражданской войны на советском Урале // Вопросы истории. 2022. № 5 (10). С. 84–96.

⁶ Алексеев Е. П., Черепов В. А., Ярков С. П. Памятники монументального искусства Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 43.

выпускников Екатеринбургской художественно-промышленной школы — И. К. Слюсарева, Н. С. Сазонова, А. А. Кудрина, А. Ф. Узких»¹.

Своеобразный характер приобрела музейная жизнь Уральской области. Организаторами музейной сети Урала выступали энергичные люди — Н. Н. Серебренников в Перми, А. Н. Словцов в Нижнем Тагиле, А. П. Соловьев в Ирбите. Старейшим художественным музеем края являлась Пермская художественная галерея, открывшаяся в 1922 г.; основой ее коллекции стала пермская деревянная скульптура. Программу изучения данного художественного феномена начали А. К. Сыропятов и уже упомянутый Н. Н. Серебренников, в 1928 г. издавший обобщающую работу об этом феномене; среди участников изучения деревянной скульптуры в 1920-е гг. были такие влиятельные фигуры, как А. В. Луначарский и И. Э. Грабарь. Становление музея не было легким: в 1930-х гг. несколько раз предпринимались попытки изъять деревянные скульптуры пермской коллекции в пользу Свердловского областного антирелигиозного музея². Особую роль в развитии музейного дела края сыграл Миасс, с начала XX в. ставший важнейшим центром геологических изысканий. Еще в 1897 г. Ильменские горы близ Миасса посетили участники VII Международного геологического конгресса, а в начале XX в. здесь работала Радиевая экспедиция Академии наук. В 1920 г. Ильменские горы были объявлены заповедником, который в 1933 г. вошел в состав Уральского филиала Академии наук СССР³. В 1930 г. по инициативе академика А. Е. Ферсмана в Миассе был создан минералогический музей.

Прежде всего, формирование художественной культуры Уральской области определялось по преимуществу процессом индустриализации, оказывавшим мощное влияние на все аспекты культурной жизни. Вступление СССР на путь форсированной индустриализации в конце 1920-х гг. означало формирование на Урале новой культуры, связанной с грандиозным проектом хозяйственного строительства. Пафос индустриального преобразования теперь определял культурную жизнь края.

Индустриально-техническое преобразование стало лейтмотивом многочисленных художественных текстов, посвященных «второй

¹ Ярков С. П. Рождение свердловского Союза художников и художественная жизнь Урала 1920–1930-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 162.

² Отмахова А. В. Малоизвестные факты из жизни А. К. Сыропятова и Н. Н. Серебренникова — основателей Пермской государственной художественной галереи // Academia. 2023. № 2. С. 241–250.

³ Бугров К. Д. «Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 2. С. 692.

Глава 6

угольно-металлургической базе». Их создавали столичные авторы, командированные на большие стройки Урало-Кузбасса. Так, К. Г. Паустовский посетил Березники и в 1932 г. издал сборник очерков «Соль земли», в том же 1932 г. В. Катаев опубликовал повесть «Время, вперед!» о Магнитострое. Характер авторитетного текста приобрел стихотворный «подарок» Свердловску от В. В. Маяковского, «Екатеринбург — Свердловск» (1928), раскрывавший тему радикального преобразования города:

Просыпали
 в ночь
 расчернее могилы
звезды-табачишко
 из неба кисета.
И грудью
 топок
 дышут Тагилы,
да трубки
 заводов
 курят в Исети.

А вот иной пример — посвященная Магнитострою поэма «Вытянем» (1931) за авторством, возможно, наиболее влиятельного советского поэта тех лет Д. Бедного¹, которую поэт написал по итогам поездки на Урал:

Я об этом в газете трубил ведь заране —
Мало видеть постройку на киноэкране:
Вот, мол, первых две домны — растут в одно лето!
Вот, мол, первая шахта, откуда руда!
Нет, лишь тот, кто на месте увидит все это,
Тот поймет и почувствует пафос труда
И увидит невиданные стариною масштабы,
Как средь голых просторов растут города,
Как у крепко-бетонного чудо-пруда
Восемь домен — могуче-волшебные бабы! —
Свой чугунолитейный ведут хоровод.
Вот!

К октябрю — первых две, а все восемь — чрез год
Запоют они песню свою гулко-звонкую,

¹ Бедный Д. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. М., 1954. С. 60–61.

Когда, станет литье из них бурно хлестать:

«Полюбуйтесь на нашу железобетонную

Богатырскую статью!

Эй, руды нам!

Руды нам!

Вагоны!

Вагоны!

Поскорей!

Поскорей!

Поскорей!

Поскорей!

Мы родим вам миллионы,

Миллионы,

Миллионы

Металлических богатырей!

В пролетарской стране мы повысим культуру!

Нашу родину мы от врагов оградим!

Вместо старого лыка ей мускулатуру

Мы стальную,

Стальную,

Стальную

Дадим!»

Важную роль в формировании нового представления об Урале сыграла экономическая публицистика, интенсивно формировавшая картину Урала как колоссальной стройки, использующей все новые и новые природные богатства. Статьи профильных журналов, многочисленные книги и брошюры — стоит назвать здесь сочинения М. Э. Подгорного, В. Ф. Тиунова, Б. И. Эвенчика¹ — описывали экономику и географию Урала в составе вновь создаваемой «второй угольно-металлургической базы СССР». Творцами уральского текста зачастую выступали сами промышленные руководители, как, например, С. М. Франкфурт в Орске, К. П. Ловин в Челябинске, В. Е. Цифринович в Соликамске и, наконец, сам И. Д. Кабаков. Наиболее яркую картину нового Урала Кабаков обрисовал в отчете перед XII областной партийной конференцией, проходившей 18–22 января 1934.²

¹ Подгорный М. Э. Урало-Кузбасс: 2-ая угольно-металлургическая база СССР. М.; Л., 1931; Тиунов В. Мировые гиганты на Урале. Свердловск, 1931; Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината ...

² Кабаков И. Д. Доклад на X Уральской областной партийной конференции // Уральский рабочий. 1930. 11 июля.

Опорой для этого массива публицистики служила геологическая литература. О преображении уральских городов писали такие авторы, как Г. П. Троицкий, Н. А. Куштум, С. А. Уланов.

У Н. А. Куштума в «Новом городе» зеленый рабочий поселок на окраине противопоставляется высокомерному городскому центру с роскошными и безвкусными купеческими особняками, среди которых угадывается и эклектичный дом купца Севастьянова¹:

Так с каждым днем уходит дальше город
От пыльных улиц к радостным лесам, —
Забудет дни, когда себе на горе
Он стиль безвкусиц выпестовал сам.
Забудет косность рабских подражаний,
Где самодурство выше всех идей,
Где мы приезжих часто поражали
Архитектурой мелочных затей.
Тогда купцы забредили Парижем, —
Средневековые, готика, ампир,
Им было невдомек прочесть из книжек,
Что на пол-метра вся Россия ниже
Культуры той, что создавал весь мир.

Это стихотворение было первоначально опубликовано в журнале «Штурм» в 1933 г. Через пару страниц от него в том же выпуске помещены стихотворения Г. А. Троицкого «Екатеринбург» и «Ночь», противопоставлявшие старый и новый город. Царский Екатеринбург здесь предстал «городом тяжелой горечи», свирепых Демидовых и «угрюмых горных управлений»². Новый же Свердловск был описан в восторженных тонах, по контрасту с тем городом «хибарок и дворишков», который увидели когда-то красные войска, отбившие его у колчаковцев. Поэтическая речь Троицкого насыщена градостроительными реалиями — упоминаются «новое здание Наркомпочтеля» (Дом связи), оперный театр и «Городок чекиста», Свердловск прямо назван «столицей — молодой и золотой»³.

Ведущую роль в прозе начинает играть производственный очерк. Литературовед Ю. С. Подлубнова отмечает: «Очерки, публиковавшиеся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., — например, “Стиль героев” А. О. Авдеевко, “Паровоз Су-201-83” И. Бахтамова, П. Ф. Хорунжего,

¹ Куштум Н. А. Возвращение молодости. Свердловск, 1934. С. 11–12.

² Троицкий Г. Екатеринбург // Штурм. 1933. № 11–12. С. 31–32.

³ Там же. С. 35

С. Ф. Королькова, “Цемент революции» А. И. Исетского, “Записки строителя” С. Каркаса, “Страницы героики” А. Кузмичевой, “Челяб-строй” Б. Скифа, “Записки шахтера” А. Строкина, “Новая Калата” В. Тюменева, “Михайловск” Е. Фуфаева, “Углеподача» Н. И. Харитоновна, “Борьба за хлеб” С. И. Шмакова и др., а также книги очерков “Пять ступеней коллективизации” (1930) П. П. Бажова, “Завод-знаменосец” (1930) Н. И. Харитоновна, «Магнитогорская плотина» (1931) А. И. Баранова, “Гигант пятилетки” (1931) Н. В. Богданова, “Магнитострой” (1931) А. Панфилова и А. Прохорова, “Тридцатая лава” (1932) М. Ашихмина, “Медь. Очерк из истории борьбы за Красноуральский завод” (1932) П. М. Замятина, “Орденосцы Магнитного” (1932) С. А. Морозова-Уральского, “Новый материк. Письма с Вишеры” (1933) А. Г. Маленького и др. — по-прежнему не были единообразны ни по своему жанровому составу, ни по тематической направленности. Речь в очерках могла идти о промышленном потенциале целого региона или его части (“Урал рудоносный” В. Майкова, “Фабрика металлургических заводов» М. Смоленского, “Округ контрастов” И. Бахтимова, П. Ф. Хорунжего, “Район союзного значения. Очерк о Халилово” В. Булаха), строительстве, реконструкции и функционировании предприятий (тексты о Магнитострое, Уралмаше, Березниковском химкомбинате, ВИЗе, Чусовском, Надеждинском заводах и т. д.), отдельных производственных проблемах и процессах (“Очерк об электропечи” С. Колосницына, “Канава” Л. Носова и пр.), физиологии производства и производственных отношениях. Они нередко граничили с репортажем, записками, психологической прозой и т. д. Но что не отнять у очерков конца 1920-х — начала 1930-х гг. — это убежденности в героизме производственных будней и эпохи великих строек. Пятилетка не только укрепляла индустриальный потенциал страны, но и производила в промышленных масштабах героев эпохи»¹.

Культурное обеспечение индустриализации заставило поставить вопрос о художественном творчестве по-новому: «Вопросам развития искусства стало уделяться на Урале принципиально иное внимание, чем раньше, начиная с осени 1931 года. Делалось это по причине необходимости отражения объединительных тем, связанных с набиравшей обороты индустриализацией, строительством новых предприятий Урало-Кузбасского комбината, которые, как предполагали в партии, должны были стать предметом частого изображения

¹ Поддубнова Ю. С. «Лицо старого Урала изменяется на глазах»: развитие производственного очерка в литературе Урала 1920–1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 1. С. 47–48.

в искусстве»¹. В 1932 г. было сформировано организационное бюро Уральского Союза советских художников; основу Союза составили бывшие члены уральского филиала Ассоциации художников революции. С. П. Ярков критически оценил этот процесс как «закрепощение» художников «жесткие рамки социального заказа»². С другой стороны, появление самого этого заказа создавало пространство для художественного творчества, снабжало художников работой. Так, с 1931 г. развернулось создание художественных произведений, посвященных индустриализации Урала. Осенью 1931 г. в Москве прошла выставка «Гиганты Урала». Отмечает: «Новым было все: маршруты, “карты похода художников” — главные центры строительства гигантов советской индустрии: Магнитогорск, Челябинск, Свердловск, Каменск-Уральский, Нижний Тагил, промстройки Западной Сибири, Башкирии и Казахстана. С кистью, карандашом и углем в руках художники исследовали заводы и стройки Урала, называя свой творческий труд по сбору изоматериала художественно-творческой работой, а объектами исследования — ударников уральского строительства, их героический труд, а также рождающийся в результате их труда новый индустриальный пейзаж... За период с конца 1920-х до середины 1930-х на Урале в творческих командировка, подобных высадке десанта, побывали более ста московских и ленинградских художников»³. Было сформировано производственно-кооперативное товарищество «Урал-художник». Организуется «перестройка художественных организаций, объединявших живописцев и графиков, шла в рамках модели “шести условий победы Сталина”, изменения географического распределения творческих сил, поставленного профсоюзом работников искусств, пересмотра политики культурного строительства на Урале в сторону укрепления его связи с индустриальной темой, подталкивающей художников к созданию крупных произведений»⁴. Ведущую роль в монументальном искусстве Среднего Урала с конца 1920-х гг. играл скульптор И. А. Камбаров. Среди южноуральских мастеров 1930-х гг. были заметны Н. А. Русаков, В. Н. Челинцова, П. Г. Юдаков⁵.

¹ Айнутдинов А. С. Возникновение Союза художников в Свердловске в 1932 году (к 90-летию образования творческой организации) // Художественная культура. 2022. № 4. С. 210.

² Ярков С. П. Рождение свердловского Союза художников и художественная жизнь Урала 1920–1930-х гг. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 166.

³ Трифонова Г. С. Формирование искусства Урала и Сибири в период советской индустриальной эпохи 1930-х. Выставка «Урало-Кузбасс в живописи» // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 45.

⁴ Айнутдинов А. С. Возникновение Союза художников в Свердловске ... С. 224.

⁵ Трифонова Г. С. Рефлексии об искусстве Урала. Живопись Челябинская: основные тенденции за 100 лет // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 102.

Становясь административным, экономическим, научным и культурным центром индустриализации, Свердловск обзаводился застройкой столичного масштаба, выдержанной в стилистике конструктивизма. Здесь появляются крупнейшие жилые комбинаты, медицинский (Медгородок) и научно-образовательный (Втузгородок) комплексы; выдающимися примерами новой архитектурной эстетики в городе стали дом физкультуры «Динамо» (1934, архитектор В. Д. Соколов), Дом связи (1933, архитектор К. И. Соломонов), Дом печати (1930, архитекторы Г. А. Голубев, В. А. Сигов), клуб строителей (1933, архитектор Я. А. Корнфельд) и другие здания. Впрочем, строительство велось по всему Уралу¹. Яркими достижениями архитектурной и технической мысли становились промышленные новостройки рубежа 1920-х — 1930-х гг.: Березниковский химический комбинат, Красноуральский медеплавильный завод, предприятие «Стальмост» (Верхняя Салда), Первоуральский Новотрубный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения, Магнитогорский металлургический комбинат, новые цеха Златоустовского металлургического завода, Челябинский тракторный завод, обогатительные фабрики в Асбесте, мощные электростанции в Челябинске и Среднеуральске, новые рудники в Красноуральске, Нижнем Тагиле, Дегтярске, Карабаше, Бакале². Интересно, что уже к середине 1930-х гг. свердловские проектные организации предпринимают попытки выйти на ведущие роли в формировании эстетики промышленных комплексов — так, проект Среднеуральского медеплавильного завода, подготовленный институтом «Промстройпроект», в 1934 г. позиционировался как «новое веяние в уральской архитектурной практике»³.

Полноценные соцгородки строились в старых индустриальных центрах (Златоуст, Мотовилиха) и на новых площадках (Березники, Магнитогорск, Челябинская ГРЭС); их прообразом стал первый на Урале опыт комплексного капитального строительства многоквартирных домов — Ленинский городок в Лысьве⁴. Среди крупнейших общественных зданий, появившихся в городах Уральской области в годы первой пятилетки — Дворец имени Лепсе в Надеждинске, рабочие

¹ Смирнов Л. Н. Истоки архитектурного авангарда на Урале. Уральская область (1923–1934) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2010. № 1. С. 55–58.

² Бутров К. Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург, 2018. С. 296–376.

³ Букловский П. Ф. Промышленная архитектура // Опыт стройки. 1934. № 12. С. 7.

⁴ Бутров К. Д. Архитектура авангарда в Лысьве эпохи первых пятилеток: стилистика, размещение и градостроительная роль // Культурный код. 2019. № 3. С. 13–25.

клубы в Лысьве, Нижней Салде, Березниках, Асбесте, Златоусте, Кусе, Аше, больничные комплексы в Лысьве, Златоусте, Троицке¹.

Ключевым трендом культурной жизни эры индустриализации стала тенденция к складыванию постоянных культурных институтов. Еще к середине 1920-х гг. в Уральской области было лишь две стационарные труппы — в Свердловске и в Перми. Однако, как отмечает И. Г. Малкова, «определенный “расцвет” театров в стране и на Урале приходился на 1920–1930-е гг. Согласно театральному справочнику за 1936 г. среди 37 городов промышленно развитых областей Урала 31 город был “театральным”, всего здесь было перечислено 43 театра»². Конечно, интерес к театральному искусству оставался высоким, однако в целом рост театрального сектора был хаотичным. С 1920 г. работал театральный коллектив в Златоусте, на его базе в 1928 г. организован театр имени 10-й годовщины Октября (ныне — театр «Омнибус»). В 1927 г. в Перми начал работу первый на Урале театр рабочей молодежи, открывшийся «драматической поэмой» Г. А. Шенгеля «Броненосец “Потемкин”»³. В 1931–1936 гг. этот театральный коллектив получил статус областного и был переведен в Свердловск, в 1936–1938 гг. гастролировал по Среднему Уралу. В 1930 г. начали постоянную работу Свердловский театр юных зрителей и Свердловский театр драмы, в 1933 г. — Свердловский театр музыкальной комедии. Таким образом, складывание основы театральной инфраструктуры областного центра пришлось на начало 1930-х гг.

В остальных городах по-прежнему работали гастролирующие труппы — такие, как организованная в 1924 г. труппа Л. М. Эльстона, впоследствии работавшая на стационарной основе в Серове (Кабаковске), Нижнем Тагиле и ставшая наконец основой для появления Каменск-Уральского театра. К середине 1930-х гг. постоянные коллективы драматических театров, помимо Свердловска, Перми и Челябинска, работали в Березниках, Кунгуре, Серове, Молотово, Красновишерске,

¹ Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008; Конышева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005. С. 17–51; Козлова Л. И., Холодова Л. П. Архитектура конструктивизма города Нижнего Тагила. Екатеринбург, 2008; Бугров К. Д. Конструктивистские медицинские комплексы Урала 1920-х — 1930-х гг.: архитектура и размещение // *Viaintempore. История. Политология*. 2020. № 1. С. 151–159.

² Малкова И. Г. Особенности театральной жизни в городах Урала в советскую эпоху // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 64.

³ Ивинских Г. П. «Трамвайский период» в истории Пермского академического театра драмы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 234.

Лысьве, Кизеле, Ревде, Полевском, Асбесте, Кировграде (Калате), Красноуральске, Первоуральске, Соликамске, Новой Ляле, Чердыни, Нижней Салде, Ирбите, Невьянске, Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Златоусте, Каменске-Уральском, Кыштыме, Троицке, Шадринске и Кургане¹. Коллективы оперы и балета существовали только в Свердловске и Перми, где они были унаследованы от дореволюционного времени. Крупного театрального строительства в регионе не велось, театры работали или на базе дореволюционных зданий, или на базе клубов, достаточно интенсивно строившихся в начале 1930-х гг.² Исключением стал Свердловский театр музыкальной комедии, получивший собственное здание в 1933 г. при деятельной поддержке И. Д. Кабакова. С 1931 г. разрабатывался вопрос о строительстве в Свердловске большого здания Синтетического театра³, но реализован он не был, хотя другие областные центры (Ростов-на-Дону, Иваново, Новосибирск) в 1930-х гг. осуществили строительство театральных комплексов.

Культурное преобразование Уральской области шло рука об руку с научно-образовательным. В регионе складывалась инфраструктура высшего образования и науки, ориентированная прежде всего на прикладные задачи индустриально-хозяйственного развития огромного региона.

II

Ключевым центром научных исследований на Урале 1920-х — начала 1930-х гг. выступал областная столица, город Свердловск. Еще в 1914 г. в Екатеринбурге был учрежден Горный институт, а на его базе в 1920 г. открыт Уральский университет, в 1925 г. переименованный в Уральский политехнический институт. После череды кризисов и преобразований к середине 1930-х гг. сложилась система вузов: Уральский индустриальный институт (позднее — Уральский политехнический институт, УПИ), Уральский лесотехнический институт и Свердловский государственный университет (позднее — Уральский госуниверситет, УрГУ). Кроме того, с конца 1920-х гг. в Свердловске формируется система отраслевых институтов: Уральский научно-исследовательский химический институт (УНИХИМ), Уральский научно-исследовательский институт лесохимии (УНИЛХИ), Уральский углекоксовый институт (Уралуглекокс, позднее — Восточный

¹ Театральный справочник на 1936 год. М., 1936. С. 375–379.

² Бугров К. Д. Конструктивистские клубы Большого Урала: типология и размещение // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы. Екатеринбург, 2020. С. 237–244.

³ Воробьев А. Ю. Большой синтетический театр в Свердловске: формирование нового общественного центра города // Архитектура и строительство России. 2012. № 10. С. 32–39.

углехимический институт, ВУХИН), Уральский физико-химический институт (Уралфизхим). Наконец, в 1932 г. был открыт Уральский филиал АН СССР (УФАН)¹. Итак, к середине 1930-х гг. Свердловск располагал комплексом отраслевой, академической и вузовской науки, хотя зачастую в лабораториях различных организаций работали одни и те же ученые. В тематическом отношении наука Свердловска следовала интересам уральской горно-металлургической индустрии.

Иным образом сложилась история другого центра высшего образования и науки — Перми. Здесь университет был основан раньше, чем в Екатеринбурге. Но на протяжении 1920-х гг. его структура включала педагогический, медицинский, агрономический факультеты; в 1929 г. был создан химический факультет на базе химико-фармацевтического отделения медицинского факультета. В 1930 г. университет раздробили на отдельные институты, однако уже в 1931 г. вуз был восстановлен в составе физического, химического, геологического, ботанического, зоологического отделений.

Первым среди этих научных направлений необходимо отметить горно-геологическое. Еще в 1920 г. в Екатеринбурге был организован Уральский горный комитет во главе с Б. В. Дидковским, с 1924 г. реорганизованный в Уральское отделение Геологического комитета. Под его эгидой была развернута интенсивная исследовательская работа, в 1931 г. увидела свет первая геологическая карта Урала. Развитие получили также геофизические научные методы (П. К. Соболевский)². Основные запасы железных руд Урала были выявлены еще до революции, однако в годы первой пятилетки они были доразведаны, данные по ним уточнены. В 1929 г. И. Л. Рудницкий обнаружил крупное Халиловское месторождение железо-хромо-никелевых руд. Были уточнены данные о крупнейших месторождениях Левихи, Дегтярки, Красноуральска, угольных залежах Кизела, Коркино, Копейска. В 1929 г. Н. И. Архангельский обнаружил бокситовые руды в Алапаевском и Режевском районах, позднее бокситы были выявлены в районе Каменска-Уральского, а в 1931 г. Н. А. Каржавин открыл крупнейший Северо-Уральский бассейн бокситовых руд. В 1925 г. П. И. Преображенский открыл крупнейшее месторождение калийно-магниевых солей в Верхнем Прикамье³. С 1927 г. велся поиск уральской нефти;

¹ Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. 1932–2002 гг.: Документы и материалы. Екатеринбург, 2002. С. 6.

² Филатов В. В. П. К. Соболевский — основоположник уральской геофизической школы // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 4. С. 99–102.

³ Шилов В. В. История открытия и роль крупнейшего в мире Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 2 (95). С. 143.

в 1929 г. вступила в строй первая скважина в Верхнечусовских городках. Однако промышленного значения Верхнечусовское месторождение не имело; старт уральской нефтедобычи состоится в 1932 г. в Ишимбае Башкирской ССР.

Этот впечатляющий прорыв в геологической науке совершался усилиями как уральских специалистов, работавших главным образом в Свердловске и Перми (К. К. Матвеев, Б. В. Дидковский, А. П. Смолин, В. Н. Головцын, Д. Н. Оглоблин), так и специалистов из Москвы и Ленинграда (А. Е. Ферсман, А. Н. Заварицкий). Впрочем, многие ученые в 1920-х гг. перемещались между столицами и периферией (Н. Г. Келль, П. И. Преображенский, А. В. Шубников, Н. А. Шадлун). Геологический сектор науки поддерживался профильными факультетами в Свердловске (в составе Уральского политехнического института, позднее — Свердловского горного института) и Перми (в составе Пермского государственного университета). Одновременно развивалось и горное дело — главным образом в Свердловске, где с 1932 г. работал крупнейший специалист Л. Д. Шевяков. Центром изучения технологий обогащения руды тоже являлся Свердловск, так как в 1929 г. здесь был учрежден научно-исследовательский институт обогащения и механической обработки полезных ископаемых (Уралмеханообр), возглавленный авторитетным специалистом М. Ф. Ортиным¹. Крупнейшим достижением в области горного дела стала разработка методов плавки титано-магнетитовых руд, что потребовало интеграции усилий геологов, химиков, металлургов. Ведущими фигурами этой темы выступили геолог Н. А. Шадлун и химик В. С. Сырокомский.

Ядро уральской науки сформировали химико-металлургические дисциплины, прежде всего физикохимия металлургических процессов, которую заместитель председателя УФАН Ф. Н. Барсуков в 1934 г. охарактеризовал как ключевую тему уральской науки². Данную тему можно разделить на два течения. Первое — физикохимия пирометаллургических процессов. Первопроходцем данной темы был профессор Уральского университета, видный металлург И. А. Соколов. В 1930-х гг. его ученик, химик-металлург Г. И. Чуфаров, глава лаборатории кинетики Уралфизхима (с 1936 г. — в составе Уральского физико-технического института, в 1939 г. вошедшего в УФАН), приступил к разработке новаторской адсорбционно-

¹ Козин В. З. Ортин Михаил Федорович (к 130-летию юбилею со дня рождения) (1880–1958) // Известия Уральского государственного горного университета. 2011. № 25–26. С. 175–176.

² Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. 1932–2002 гг.: Документы и материалы. Екатеринбург, 2002. С. 54.

автокаталитической теории восстановления оксидов железа¹. Второе течение было связано с электрохимией, важной для цветной металлургии и производства химических источников энергии. Лаборатории электрохимического профиля в 1930-х гг. имелись в Уралфизхиме (С. В. Карпачев)², УНИХИМ (И. Г. Щербаков, А. С. Микулинский)³, Уралгинцветмете (Н. Н. Барабошкин, А. К. Шарова)⁴, Институте химии УФАН (О. Е. Звягинцев⁵, Н. П. Диев), а также на профильных кафедрах УИИ (И. Г. Щербаков) и госуниверситета (О. А. Есин). Ведущие электрохимики О. А. Есин и С. В. Карпачев поддерживали тесные отношения с А. Н. Фрумкиным, главой московского Научно-исследовательского физико-химического института (НИФХИ) имени Л. Я. Карпова⁶, а исследования свердловчан в области двойного электролитического слоя были признаны на мировом уровне⁷. Нужно отметить, что большое значение имели и изыскания пермских ученых в области химии — здесь работали такие авторитетные специалисты, как Д. В. Алексеев и М. Н. Полукаров, позднее Н. А. Трифонов и В. Ф. Усть-Качкинцев.

Ключевым центром изучения проблем получения серы и серной кислоты, калийных, хромовых и фтористых соединений⁸, коагулянтов и сорбентов выступал УНИХИМ, чьи ведущие работники Я. Е. Вильнянский (специалист по хрому и калию) и К. Н. Шабалин (специалист по сере) в конце 1930-х — 1940-х гг. также возглавляли кафедры УИИ⁹. Приоритетность именно этих тематик была задана потребностями медной промышленности, а также освоения Верхнекамского месторождения калийных солей. Разработка химических технологий для предприятий Березников стала важной задачей и для коллектива Пермского университета, где исследованиями по производству калийных

¹ Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности. М.; Л., 1935. С. 81.

² Гусев А. И. Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) // Вопросы естествознания и техники. 2014. №2. С. 43.

³ Малышев В. П. УНИХИМ: связь времен. Екатеринбург, 2010. С. 51.

⁴ Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности. М.; Л., 1935. С. 486; Набойченко С. С. Металлургия благородных металлов на Урале: от Н. Н. Барабошкина до наших дней: К 100-летию Екатеринбургского завода по обработке цветных металлов. Екатеринбург, 2016. С. 52–109.

⁵ Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. 1932–2002 гг. С. 65.

⁶ Банникова Н. Ф. Становление российской физико-химической научной школы в послеоктябрьский период // Память о прошлом-2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Самара, 2017. С. 306.

⁷ Академическая наука Урала: очерки истории. Екатеринбург; СПб., 2007. С. 231.

⁸ Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности. М.; Л., 1935. С. 148.

⁹ Ведущие ученые Уральского государственного технического университета: Биографический справочник. Екатеринбург, 1995. С. 126.

солей, каустической соды и суперфосфата руководили Д. М. Марко, Н. И. Кромер, Н. А. Трифонов, Н. Н. Ефремов¹. Формировался задел в области химии поверхностных явлений, где ключевой фигурой был С. Г. Мокрушин, работавший в Уралфизхиме и УИИ, с 1934 г. начавший изучать тонкие пленки², и в области химии редких металлов, главным образом стараниями сформированной в 1936 г. в Химическом институте УФАН специализированной группы (В. С. Сырокомский, А. К. Шарова), занимавшейся извлечением редких металлов из отходов медного производства³; в 1939 г. коллектив Шаровой впервые в СССР получил соли германия и таллия⁴.

Сходным путем формировался и блок органической химии. Старейшей его отраслью в Свердловске была лесохимия, связанная с производством древесного угля. С 1930-х гг. исследования по лесохимии сконцентрированная в Уральском лесотехническом институте, где трудились специалисты по пиролизу древесины (А. А. Нимвицкий, В. Н. Козлов), гидролизу древесины (А. Д. Мишин), получению экстрактивных веществ (В. С. Васечкин)⁵, сапропелям (Е. М. Титов)⁶. В. Н. Козлов считался ведущим специалистом СССР в области пиролиза древесины⁷. В 1920-х гг. переход уральской металлургии на минеральное топливо стимулировал изучение углехимии⁸. Центром данных изысканий стал институт Уралуглекокс (позднее — Восточный углехимический институт, ВУХИН), основателями которого в 1931 г. стали Н. Н. Рогаткин и И. Я. Постовский⁹; Постовский также руководил исследованиями данной тематики и в УФАН¹⁰. В УПИ изучалась

¹ Рогожников С. И., Машевская И. В. Химический факультет Пермского государственного университета: возникновение и становление (к 90-летию образования факультета) // Вестник Пермского университета. Химия. 2020. № 1. С. 20.

² Марков В. Ф., Черепанов В. А. 100 лет физико-химическим исследованиям в Уральском федеральном университете // Журнал физической химии. 2020. Т. 94. № 12. С. 1749.

³ Академическая наука Урала: очерки истории... С. 143.

⁴ Гусев А. И. Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) // Вопросы естествознания и техники. 2014. № 2. С. 52. Химия редких металлов начала было развиваться и в Свердловском госуниверситете, где эту тематику с конца 1930-х гг. вел Е. И. Крылов (ГАСО. Ф. Р-2110. Оп. 2. Д. 77. Л. 30), но в 1941 г. ученый отбыл на фронт.

⁵ Уральская государственная лесотехническая академия. Екатеринбург, 2000. С. 183–187.

⁶ Чуфаров Г. И., Пятницкий А. А. Вклад ученых Урала в науку. Свердловск, 1948. С. 26.

⁷ Институт химии твердого тела УрО РАН, 70 лет. Екатеринбург, 2002. С. 70.

⁸ Фахреев Н. К. Из истории отрасли искусственного жидкого топлива СССР // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 54. С. 232.

⁹ Чупахин О. Н., Салоутин В. И., Чарушин В. Н. Химическая наука на Урале: достижения и перспективы // Успехи химии. 2013. № 8. С. III.

¹⁰ Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. 1932–2002 гг.: Документы и материалы. С. 71.

переработка и брикетирование бурых углей (И. С. Левин). Фармацевтические изыскания велись в Перми; в Свердловске они стартуют лишь в середине 1930-х гг., когда на эту тематику переключит свое внимания И. Я. Постовский¹. Исследования в области нефтехимии, которые стали актуальными для Урала после обнаружения нефти в районе Чусовских городков, попытались организовать в Пермском университете, пригласив в 1930 г. специалиста Грозненского нефтяного научно-исследовательского института И. И. Лапкина; однако развития нефтяная тематика не получила из-за нехватки специального оборудования и формирования в структуре треста «Прикамнефть» собственной лаборатории².

Складывание в Свердловске научного центра в области металлургической теплотехники было связано с именами В. Е. Грум-Гржимайло и Н. Н. Доброхотова. В 1930 г. было организовано Уральское отделение Всесоюзного теплотехнического института имени Ф. Э. Дзержинского (позднее — Всесоюзный научно-исследовательский институт металлургической теплотехники)³. Основателем металловедческой школы выступил выдающийся ученый С. С. Штейнберг. Правда, развитие металловедения на Среднем Урале было связано и с программой по созданию сети филиалом Физико-технического института, выдвинутой его главой А. Ф. Иоффе. В 1932 г. был основан Уральский физико-технический институт, в Свердловск была направлена целая когорта талантливых учеников Иоффе — В. И. Архаров, С. В. Вонсовский, М. Н. Михеев, А. П. Комар, И. К. Кикоин, С. П. Шубин, Я. Ш. Шур, М. В. Якутович, Р. И. Янус и другие. На Урале эти специалисты направили свои усилия на изучение материаловедческих проблем, обладавших прикладной значимостью, объединившись с уже существовавшей металловедческой школой Штейнберга, представленной таким ярким специалистом, как В. Д. Садовский. Основателем школы прокатки выступил А. Ф. Головин — заведующий профильной кафедрой УИИ, фактически функционировавшей

¹ Бугров К. Д. Гонка за сульфидином: исследовательская стратегия И. Я. Постовского и формирование центра сульфамидной терапии в Свердловске во второй половине 1930-х — 1940-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 21. Екатеринбург, 2021. С. 121–133.

² Рогожников С. И., Машевская И. В. Химический факультет Пермского государственного университета: возникновение и становление (к 90-летию образования факультета) // Вестник Пермского университета. Химия. 2020. № 1. С. 21, 33.

³ Зайнуллин Л. А., Дружинин Г. М. 85 лет научно-исследовательскому институт металлургической теплотехники (ОАО «ВНИИМТ») // Современные научные достижения металлургической теплотехники и их реализация в промышленности. Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию основания кафедры ТИМ, УрФУ и 85-летию основания ОАО «ВНИИМТ». Екатеринбург, 2015. С. 3–10.

в 1930-х гг. как небольшой исследовательский институт; среди его первых учеников были В. В. Швейкин, Е. В. Пальмов, А. В. Кавадеров, И. Б. Дунаев¹. Таким образом, к середине 1930-х гг. Свердловск являлся одним из немногих городов СССР, где были представлены на высоком уровне все направления металлургической науки; профильные изыскания велись в УИИ, Институте черных металлов, Уральском физико-техническом институте, Уральском физико-химическом институте.

Охарактеризованные выше горно-геологические и химико-металлургические научные направления стали той базой, на которой сложился научный центр Свердловска, отличительной чертой которого стала взаимная интеграция вузовской, отраслевой и академической науки. Своего рода градостроительной проекций этого научного роста стал амбициозный проект возведения в Свердловске Втузгородка — научно-учебного комплекса, в котором планировалось разместить высшие технические учебные заведения, техникумы, отраслевые институты и филиал Академии. Проект был реализован лишь частично. Собственными зданиями в Свердловске в начале 1930-х гг. обзавелись научные институты Уралмеханобр, ВУХИН и УНИХИМ.

Особым направлением исследований были работы в области медицины, опять-таки связанные с ключевыми центрами Уральской области — Свердловском и Пермью. В Перми медицинский факультет работал непрерывно с 1917 г., в 1931 г. на его базе был сформирован Пермский медицинский институт; среди его наиболее известных профессоров 1920-х — начала 1930-х гг. — хирург В. Н. Парин, офтальмолог П. И. Чистяков, терапевты В. Ф. Симонович и В. П. Первушин, педиатр П. И. Пичугин, гигиенист К. Н. Шапшев². В Свердловске целый ряд научных медицинских учреждений был организован в начале 1930-х гг., тогда же работу в них начали ведущие специалисты в различных отраслях медицинской науки — травматологи В. Д. Чаклин и Ф. Р. Богданов, хирурги А. Т. Лидский и В. К. Шама-рин, терапевт Б. П. Кушелевский, педиатр Е. С. Кливанская-Кроль, гинеколог А. Ю. Лурье, физиолог В. В. Парин (сын В. Н. Парина, выпускник Пермского медицинского института) и другие³.

¹ Богатов А. А., Шилов В. А. Наследники профессора А. Ф. Головина // Инновационные технологии в металлургии и машиностроении: материалы международной молодежной научно-практической конференции «Инновационные технологии в металлургии и машиностроении», посвященной памяти чл.-корр. РАН, почетного доктора УрФУ В. Л. Колмогорова. Екатеринбург, 2014. С. 646–655.

² Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001.

³ Кутепов С. М., Давыдова Н. С., Мандра Ю. В., Федорова Е. В. О вкладе уральской науки в практическое здравоохранение // Вестник УГМУ. 2015. № 2–3. С. 155–158.

Глава 6

Итак, за годы существования Уральской области были заложены основы двух мощных научных центров — Свердловского и Пермского. Решающую роль в развитии уральской науки играл химико-металлургический «кулак», находившийся в Свердловске.

Централизацию культурной и научной жизни в СССР эпохи первых пятилеток следует считать не столько обезличивающей идеологической силой, сколько процессом складывания концептуальным языком, позволявшим самым авторам вести речь об одном и том же социальном феномене — строительстве социализма. Интенсивность творческого производства росла, поскольку росли объемы издания книг и прессы; и как бы соблазнительно ни было рассматривать всю советскую литературу как прямое продолжение ограниченного набора партийных директив, все же надо признать, что за идейной монолитностью соцреализма скрывается разнообразие творческих проектов. Центральными темами творчества становились природные богатства Урала, гордость за свой край, подчеркивание его роли в составе огромного СССР. На решение прикладных задач развития уральского хозяйства были ориентированы исследовательские коллективы.

Д. Бедный в небольшом стихотворении «Новые времена — новые песни» декларировал преображение страны, если ранее «за песнями» ездили в Москву, то теперь — на окраины¹:

Нет созвучий «доли — боли»,
Новых рифм растет запас.
Взять меня: махнуть мне, что ли,
На Урал или в Донбасс?
На Урал! Там зреет чудо
Под Магнитною горой!
В первомайский день не худо
Повидать Магнитострой!
А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал!
...До свиданья, братцы! Еду!
От «Известий» — на Урал!

Конечно, идеологически направляемый пафос парадности был неотъемлемой чертой этой творческой культуры, складывавшейся с середины 1920-х гг. Но нам необходимо уметь разглядеть за этим

¹ Бедный Д. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4. М., 1954. С. 54.

пафосом еще более важный процесс слома устоявшейся культурной модели жесткого, непреодолимого разделения на центр и периферию. Само появление такой манеры художественной речи, в которой Магнитную гору можно было назвать «чудом», следует, пожалуй, аттестовать как настоящее чудо. Индустриализация привела к невиданному ранее потоку инвестиций в уральское хозяйство, и подъем культурных и научных институтов на Урале (прежде всего — в областной «столице», Свердловске) явился их прямой проекцией. В этом смысле индустриализация и стала движущей силой культурного преобразования, не только глубоко изменившего облик края, но и трансформировавшего культурную структуру страны в целом. А возникшие в эпоху Уральской области модели культурного и научно-образовательного развития получили дальнейшее развитие во второй половине 1930-х гг. в трех областях, возникших путем раздела Уральской области — Свердловской, Молотовской и Челябинской.

ГЛАВА 7

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Жарков

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. важнейшей задачей, стоявшей перед страной, было создание новой системы образования и на её основе повышение образовательного уровня населения. От неё напрямую зависело развитие всех отраслей экономики страны в условиях противостояния капиталистическим странам. Поэтому и в Уральской области, включавшей в себя территории с большим количеством промышленных предприятий, повышение уровня образования населения было крайне необходимо. Предстояло решить несколько проблем: ликвидировать неграмотность взрослого трудоспособного населения, ввести всеобщее обучение, создать сеть учебных заведений для подготовки кадров средней и высшей квалификации.

Вопросам развития образования на Урале в указанный период времени посвящена обширная историография. С конца 1950-х гг. в свет вышел ряд работ В. Г. Чуфарова и исследователей его «школы», написанных в историко-партийном ключе. В них рассматривались вопросы культурной революции, развития образования, осуществления всеобщего обучения, подготовки инженерно-технических кадров и повышения культурного уровня рабочих и крестьян, а также вопросы ликвидации неграмотности¹. Хронологические рамки этих исследований, впрочем, не совпадали со временем существования Уральской области, но затрагивали периоды «восстановления

¹ Горбунова Д. П. Борьба партийных организаций Урала за осуществление всеобщего обучения в годы второй пятилетки // Ученые записки Свердловского педагогического института. Вып. 14. Свердловск, 1957. С. 20–39; Главацкий М. Е. Подготовка инженерных кадров на Урале. (1920–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963; Усольцева Т. Г. Деятельность Уральской партийной организации по подготовке инженерно-технических кадров в системе высшей школы в период первой пятилетки // Из истории партийных организаций Урала: Сб. ст. № 43. Серия истории. Вып. 3. Свердловск, 1966. С. 57–71; Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск, 1970; Гришанов П. В. Деятельность партийной организации Урала и Западной Сибири по укреплению финансово-материальной базы общеобразовательной школы в 1926–1941 годах // Свердловский пед. ин-т. Ученые записки. Сб. 302. Свердловск, 1978. С. 28–52; Попов М. В. Деятельность партийных организаций по развитию культурно-просветительной работы в уральской деревне в 1926–1932 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979.

народного хозяйства» (1920–1925 гг.), «социалистического строительства» (1926–1937 гг.). В постсоветский период изучение темы продолжилось. Культуре крестьян и начальному образованию в деревне в 1920–1941 гг. были посвящены коллективные монографии и работы М. В. Попова, И. Л. Бахтиной¹. Вопросы подготовки и повышения культурного уровня рабочих освещались в работах С. П. Постникова и М. А. Фельдмана². Особое внимание исследователей было направлено на изучение вопросов всеобщего обучения, а также связанных с ним аспектов³. В постсоветских работах более широко используются архивные источники, которые ранее были закрыты для исследователей, с чем связаны новые оценки результативности мероприятий по ликбезу и политики государства в сфере образования.

Повышением культурного уровня населения советское государство озаботилось сразу после Октябрьской революции. В принятой 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР, в статье 17 в качестве задачи государства декларировалось предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полного, всестороннего и бесплатного образования⁴. Одним из основополагающих законов в сфере образования стал декрет СНК «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» от

¹ Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах. Екатеринбург, 1997; Попов М. В., Протасова Э. Е., Бахтина И. Л. Начальное образование в уральской деревне в 1920–1941 гг. Екатеринбург, 2006; Бахтина И. Л. Сельская школа на Урале в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

² Постников С. П. Подготовка рабочих кадров на Урале (1921–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1991; Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа // Отечественная история. 2003. № 5. С. 20–30; Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004.

³ Загребин С. С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 гг. Челябинск, 1994; Зиянев В. В. Введение всеобщего и реформа школы в годы первых пятилеток на Южном Урале // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 1 (7). С. 128–137; Корнилов Г. Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897 — 1939 гг. // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 28–41; Бахтина И. Л., Протасова Э. Е. От ликбеза к всеобщему: миф или реальность? // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 22. С. 21–45; Протасова Э. Е. «Программа всеобщего» на страницах уральской периодической печати в начале 1930-х гг. // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 117–121; Суворов М. В., Протасова Э. Е. Сталинская модернизация и материально-правовое положение уральского учительства в первой половине 1930-х гг. // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 6–14; Жарков А. В. Уровень грамотности населения в 1926–1939 гг. (на материалах Свердловской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (71). С. 38–54.

⁴ Конституция РСФСР 1918. Раздел второй. Общие положения Конституции РСФСР // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 01.12.2024)

26 декабря 1919 года¹, которым предполагалось обучение грамоте всего населения в возрасте от 8 до 50 лет.

В связи с Гражданской войной, послевоенной разрухой и голодом 1921–1922 гг., трудностями восстановительного периода к осуществлению всеобщего обучения государство приступило не сразу. Только 31 августа 1925 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети». В нем устанавливался предельный срок введения всеобщего обязательного начального обучения на территории РСФСР — 1933/34 учебный год, указывалось, что, в первую очередь, оно должно было вводиться в тех регионах, где это окажется возможным по состоянию местного бюджета, школьной сети и плотности населения. При этом общедоступность (без обязательности) должна была обеспечиваться уже к десятилетию революции (то есть к 1927 г.). Местные власти получали право вводить обязательность обучения по мере развертывания школьной сети. Также до открытия утвержденного Народным комиссариатом просвещения РСФСР для того или иного региона количества школ I ступени, школы II ступени могли открываться при соблюдении следующего соотношения: на 40 «комплектов» учащихся (в каждом — по 40 учеников максимум) школ I ступени — 3 «комплекта» II ступени².

Спустя 5 лет произошло важнейшее событие в развитии образовательной сферы. 25 июля 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем начальном обучении», а 14 августа — аналогичное Постановление ЦИК и СНК СССР³. Все дети 8–15-летнего возраста отныне должны были посещать начальную школу. Кроме того, в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках обязательным стало обучение в объеме неполной средней школы (семилетней школы). Для обеспечения начального обучения необходимыми средствами с 1930/31 г. должны были быть увеличены ассигнования как из местных, так и из единого государственного бюджета; к финансированию всеобщего обучения и к строительству, ремонту и оборудованию школ должны были привлекаться хозяйственные, профсоюзные, кооперативные и другие общественные организации; кроме того, в финансовых планах хозяйственных органов по крупному капитальному строительству должны были

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 377.

² Там же. С. 105–107.

³ Там же. С. 109–113.

предусматриваться капитальные вложения на строительство школ для всеобщего обучения в утверждаемых правительствами республик и правительством СССР объемах. Было предложено правительствам союзных республик издать постановления об использовании по прямому назначению школьных помещений, занятых под другие нужды, а также об использовании под школы бывших помещичьих усадеб, конфискованных кулацких домов для обеспечения всеобщего обучения необходимыми школьными помещениями¹.

По мере восстановления и развития экономики, а также в рамках реализации указанных выше постановлений в Уральской области неуклонно росли расходы на образовательные нужды (табл. 7.1). Если в 1923/24 хозяйственном году они составляли 7753 тыс. руб. (местный и государственный бюджет), то к 1932 г. они выросли до 104725 тыс. руб. (только местный бюджет, см. прим. к табл. 7.1). Относительно 1923/24 хоз. г. расходы значительно росли практически каждый год, составив 480 % в 1928/29, 547 % — в 1929/30, 936 % — в 1931 и 1351 % — в 1932 г. Если же сравнивать ежегодные расходы, то можно увидеть, что в 1925/26 — 1929/30 гг. их рост снижался, хотя низкий рост в 1929/30 г. объясняется отсутствием сведений о расходах государственного бюджета. Вместе с тем, в 1931 г. расходы по местному бюджету были на 71 % выше, чем в предыдущем году, а в 1932 г. — на 44 % выше, чем в 1931 г.

Развитие сети и контингентов общеобразовательных школ находилось под влиянием внешних факторов. В годы Гражданской войны значительная часть школ была разрушена, но после её окончания сеть школ начала быстро восстанавливаться. Начальные школы в деревне открывались по инициативе самих крестьян, отделы народного только регистрировали их. Поэтому в 1920 г. количество школ и численность учащихся в них превысила довоенные показатели². В условиях голода 1921–1922 гг. число школ и учащихся в них вновь сильно сократилось, предшествующий рост был сведен на нет³. Увеличение сети и контингентов учеников начальных школ возобновилось с 1923 г.⁴, а так называемых «повышенных» (то есть полных и неполных средних) школ — с 1924 г.⁵

¹ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. ... С. 109–113.

² ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 114–115.

³ Там же. Л. 116–117.

⁴ Там же. Л. 121.

⁵ Там же. Л. 132–133.

Таблица 7.1
Расходы на народное образование в Уральской области в 1923/24–1932 гг.

Годы	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29**	1929/30	1931	1932
Расходы, тыс. руб.*	7753	12 884	18 424	24 161	29 752	37 223	42 380	72 604	104 725
Расходы в % к 1923/24 г.	100	166	238	312	384	480	547	936	1351
Расходы в % к предыдущему году	—	166	143	131	123	125	114	171	144

Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г. Свердловск, 1926. С. 169, 171; Уральское хозяйство в цифрах, 1927 г. Свердловск, 1927. С. 221, 223; Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г. Свердловск, 1928. С. 509, 515; Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г. Свердловск, 1929. С. 339, 345, 348; Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 5. Свердловск, 1930. С. 177, 185; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 270–271.

* Данные за 1923/24–1928/29 гг. — по государственному и местному бюджету, а за 1929/30–1932 гг. — только по местному бюджету.

** В общей сумме государственных расходов даны по смете соответствующего года.

Количество школ I ступени (начальных) в период с 1924/25 учебного года по 1932/33 уч. г. увеличилось с 4287 до 8263 (табл. 7.2). При этом до начала 1930-х гг. рост составлял от 303 до 402 школ в год, но в 1930/31, 1931/32, 1932/33 уч. гг. школ стало больше соответственно на 592, 527 и 1084. Количество школ повышенного типа (фабрично-заводских семилеток (ФЗС), девятилетних, крестьянской молодежи (ШКМ), II ступени) до начала 1930-х гг. в целом медленно росло, главным образом за счет ФЗС и ШКМ, с 212 в 1924/25 до 932 в 1932/33 уч. г. Общий прирост их численности составлял от 18 до 49 в год. Но в 1930/31, 1931/32 и 1932/33 уч. гг. их становилось больше соответственно на 74, 165 и 342, что является результатом реализации принятых в 1930 г. постановлений.

Необходимо отметить, что огромное большинство школ в рассматриваемый период (и до сих пор) было размещено в сельской местности (табл. 7.3). В первую очередь это касалось школ I ступени, которых в 1927/28 уч. г. на селе было 4877, а в городе — только 529. И количественный их рост также был существеннее именно на селе: к 1931/32 г. школ I ступени в деревне стало 6539, тогда как в городе — только 640. Вместе с тем, в городе изначально было больше школ повышенного типа. Школы-девятилетки были почти исключительно городским явлением — 12 в 1927/28 уч. г., 32 — в 1929/30 уч. г., тогда как на селе таковая была лишь одна, появившаяся в 1928/29 уч. г. Школы II ступени также присутствовали в основном в городах — 43 в 1927/28 и 40 в 1929/30 уч. гг., тогда как на селе в эти годы их было только 5. Впоследствии и девятилетки, и школы II ступени были преобразованы в ФЗС и ШКМ, при этом старшие группы учеников были отправлены в техникумы (см. примечание к табл. 7.2).

ШКМ были в основном сельским явлением, хотя некоторое их количество присутствовало и в городах (табл. 7.3). С 1927/28 по 1931/32 гг. их количество возросло более чем в 4 раза — с 63 до 288. В городах количество таких школ выросло с 1 до 11 за тот же период. ФЗС были расположены главным образом в городах: в 1927/28 уч. г. их насчитывалось 142, а в 1931/32 уч. г. — 256. В сельской местности их количество снизилось с 42 до 35, хотя в 1929/30 уч. г. была только 21 ФЗС. В целом следует отметить, что общее количество повышенных школ в городе было меньше, чем на селе до 1930/31 уч. г., когда их число почти сравнялось. В 1931/32 уч. г. повышенных школ уже было больше в сельской местности. Динамика роста школ повышенного типа вполне укладывалась в рамки, определенные постановлениями 1925 и 1930 гг. Поначалу главной задачей было обеспечить

Таблица 7.2

Количество школ в Уральской области (1924/25–1932/33 уч. гг.)

Тип школ		Учебные годы									
		1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31*	1931/32	1932/33	
Школы повышенного типа	Школы I ступени	4287	4631	5004	5406	5757	6060	6652	7179	8263	
	Семилетки (ФЗС)	148	171	185	184	171	165	227	291		
	Девятилетки	6	5	9	12	22	78	3**	—**	932	
	II ступени	48	47	46	48	47					
	Крестьянской молодежи (ШКМ)	10	38	47	64	86	108	195	299		
Итого		212	261	287	308	326	351	425	590	932	

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 76–77; Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 8–9; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 315, 344–345; Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934. С. 186.

*За 1930–31 гг. — без Остяко-Вогульского и Ямалского округов.

**Сильное падение количества школ II ступени и девятилеток в 1930/31 г. и отсутствие их в 1931/32 г. объясняется ликвидацией 3-х концентров. Учащиеся 9-х групп были выпущены, 8-ые группы переданы в техникумы, а I и II концентры школ II ступени и девятилеток вошли в сеть ФЗС и ШКМ.

необходимое количество именно начальных школ, а рост повышенных ограничивался. Но с 1930 г. этих ограничений уже не было.

Таблица 7.3

**Количество школ в городе и на селе в Уральской области
в 1927/28–1931/32 уч. гг.**

Типы школ		Город/село	Учебные годы				
			1927/28	1928/29	1929/30	1930/31**	1931/32
Школы I ступени		город	529	536	554	491	640
		село	4877	5221	5506	6161	6539
Школы повышенного типа	Семилетки (ФЗС)	город	142	143	144	201	256
		село	42	28	21	26	35
	Крестьянской молодежи (ШКМ)	город	1	2	4	10	11
		село	63	84	104	185	288
	Девятилетки	город	12	21	32	3*	—
		село	—	1	1		—
	Школы II ступени	город	43	42	40		—
		село	5	5	5		—
	Итого	город	198	208	220	211	267
		село	110	118	131	211	323

Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 80, 82–85; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 316–317, 344–345.

* Сведения о трех школах повышенного типа за 1930/31 уч. г. (девятилеток и школ II ступени) в указанных источниках не были разбиты на городские и сельские; итоги даются без них.

** За 1930–31 гг. — без Остяко-Вогульского и Ямальского округов.

Численность учащихся изменялась несколько иначе, нежели количество школ (табл. 7.4). Контингент школ I ступени вырос с 307668 чел. в 1924/25 уч. г. до 819800 в 1932/33 уч. г. Рост во второй половине 1920-х гг. был достаточно стабилен — от 39 до 59 тыс. чел. в год, за исключением 1926/27 уч. г., в который учащихся стало больше на 12,5 тыс. чел. В 1930/31 уч. г. учеников было на 137 тыс. больше, чем в предыдущем. К 1931/32 их стало больше только на 36,4 тыс., тогда как в 1932/33 уч. г. прирост составил 145,9 тыс. относительно предыдущего года. Контингент школ повышенного типа за 1924/25–1932/33 уч. гг. вырос с 59141 до 175874 человек. При этом рост был достаточно стабилен: в среднем 10,7 тыс. чел в год во второй половине 1920-х гг. Но в 1930/31 уч. г. численность учеников повышенных школ выросла на 20 171 чел. относительно предыдущего

Таблица 7.4

Количество учеников в Уральской области (1924/25–1932/33 уч. гг.)

Тип школ		Учебные годы									
		1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31*	1931/32	1932/33	
Школы I ступени	Школы I ступени	307 668	346 547	359 065	401 197	441 607	500 327	637 390	673 861	819 800	
	Семилетки (ФЗС)	39 480	51 882	59 228	60 751	58 651	60 952	105 589	157 514		
	Девятилетки	2661	2249	3763	5702	12 866	40 844	842**	—**	175 874	
	II ступени	16 341	16 676	15 854	16 306	18 685					
Школы повышенного типа	Крестьянской молодежи (ШКМ)	659	2911	3376	6734	8985	10 791	26 327	46 742		
	Итого	59 141	73 718	82 221	89 493	99 187	112 587	132 758	204 256	175 874	

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 76–77; Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 8–9; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 315, 344–345; Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934. С. 186.

*За 1930–31 гг. — без Остяко-Вогульского и Ямалского округов.

**Сильное падение количества школ II ступени и девятилеток в 1930/31 г. и отсутствие их в 1931/32 г. объясняется ликвидацией 3-х концентров. Учащиеся 9-х групп были выпущены, 8-ые группы переданы в техникумы, а I и II концентры школ II ступени и девятилеток вошли в сеть ФЗС и ШКМ

Формирование системы советского образования в Уральской области

года, а в 1931/32 уч. г. — на 71498 чел. Более существенный прирост численности учащихся, начиная с 1930/31 уч. г. — прямое следствие постановлений 1930 г.

Таблица 7.5

**Численность учеников в городе и на селе в Уральской области
в 1927/28–1931/32 уч. гг.**

Типы школ		Город/ село	Учебные годы				
			1927/28	1928/29	1929/30	1930/31**	1931/32
Школы I ступени		Город	98 598	98 334	105 457	100 650	136 751
		Село	302 599	343 273	394 870	536 740	537 110
Школы повышенного типа	Семилетки (ФЗС)	Город	50 762	52 612	55 657	98 139	145 878
		Село	9989	6039	5295	7450	11 636
	Крестьянской молодежи (ШКМ)	Город	156	262	444	2905	2299
		Село	6578	8723	10 347	23 422	44 443
	Девятилетки	Город	5702	12 573	21 957	842*	—
		Село	—	293	392		—
	Школы II ступени	город	15 490	17 510	17 235		—
		Село	816	1175	1260		—
	Итого	город	72 110	82 957	95 293	101 044	148 177
		Село	17 383	16 230	17 294	30 872	56 079

Подсчитано по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 80, 82–85; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 316–317, 344–345.

* Сведения о трех школах повышенного типа за 1930/31 уч. г. (девятилеток и школ II ступени) в указанных источниках не были разбиты на городские и сельские; итоги даются без них.

** За 1930–31 гг. — без Остяко-Вогульского и Ямальского округов.

Большая часть учащихся школ I ступени посещала сельские школы (табл. 7.5). Их численность с 1927/28 по 1931/32 уч. гг. выросла с 302 599 до 537 110, притом, как и в случае с количеством учебных заведений, значительная часть роста пришлась на период с 1930/31 уч. г. Численность же учащихся городских школ I ступени претерпела намного меньший рост в эти годы: с 98 598 до 136 751 чел., притом большая его часть пришлась на 1931/32 уч. г. Количество учеников школ II ступени существенно не менялось в 1927/28–1929/30 уч. гг. и в городе, и в сельской местности. И напротив, рост численности учащихся школ-девятилеток был весьма интенсивным:

с 5702 до 21957 чел. в городе в 1927/28 — 1929/30 уч. гг. и с 293 до 392 чел. — на селе в 1928/29 — 1929/30 уч. гг.

Численность учащихся ФЗС в городе до начала 1930-х гг. росла слабо (табл. 7.5): с 50 762 до 55 657 чел. с 1927/28 по 1929/30 уч. гг.; на селе в это же время она вообще снизилась с 9989 до 5295 чел. В начале 1930-х гг. численность учащихся резко выросла, достигнув к 1931/32 гг. 145 878 чел. в городе и 11 636 чел. в деревне. В свою очередь, численность учеников ШКМ в целом неуклонно увеличивалась, притом особенно резко — также в начале 1930-х гг., достигнув к 1931/32 уч. г. 2299 чел. в городе и 44 443 чел. — на селе. Общая численность учеников повышенных школ как в городе, так и в сельской местности претерпела очень большой рост, однако на селе их по-прежнему было намного меньше, чем в городе.

Хотя расходы на народное образование неуклонно росли, зачастую они оказывались недостаточными. В 1925 г. в письме из Наркомпроса РСФСР, предназначенного для президиума Уральского облисполкома, отмечалось, что в стране в целом «... массовая сельская школа, все еще остается без письменных принадлежностей, без учебника, без самого необходимого ремонта ... в последнее время на целом ряде съездов выступавшие крестьяне подчеркивали, что в то время, как старая земская школа снабжала детей крестьян бесплатным учебником, доской и грифелем, — наша советская школа, не давая этого крестьянским детям, тем самым ставит под вопрос самую возможность для детей бедняцких слоев крестьянства посещать школу»¹. Поэтому указывалось, что «на будущий бюджетный год задача ремонта школы, снабжения ее письменными принадлежностями, учебником и большего отражения в бюджете ее хозяйственных нужд должна быть выдвинута как одна из первоочередных задач в области правильной постановки бюджета по народному образованию»². Значительная часть детей школьного возраста школы вообще не посещала. В 1924/25 учебном году в школах области обучалось только 44 % детей 8–11 лет, в 1925/26 г. — 47,2 %, а в 1926/27 — 52,1 %³.

Положение оставалось сложным и в конце 1920-х гг. У школ зачастую не было специально приспособленных зданий. Порой не хватало или не было вовсе детской художественной литературы, письменных принадлежностей, наглядных пособий, лабораторного и трудового оборудования. Дети из бедных крестьянских семей часто

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 593. Л. 8–8 об.

² Там же. Л. 8 об.

³ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 56, 88.

«отсеивались» из школы до окончания курса обучения. То же самое касалось и девочек, доля которых среди успешно окончивших школу была крайне низкой. Кроме того, их в принципе в школах было меньше, чем мальчиков, в связи с традиционными представлениями о ненужности им образования¹. Об «отсеве» детей низкооплачиваемых рабочих и бедняков сообщалось и в начале 1931 г., главной причиной его указывалось отсутствие одежды и обуви². С другой стороны, рост финансирования давал о себе знать и в целом ситуация постепенно менялась к лучшему. В Красноуфимске в ноябре 1929 г. охват детей школой первой ступени составлял 99,3 % от числа всех детей школьного возраста, хотя материальное положение школ оставалось неблагополучным — в них отсутствовали горячие завтраки³. А школа села Городище Краснополянского района в 1931 г. была хорошо обеспечена мебелью, ученики получали горячие завтраки и обеспечивались кожаной обувью; хотя учебников и бумаги не хватало⁴.

На начало 1930 г. в Уральской области обязательное начальное обучение было объявлено в ряде городов (Свердловск, Пермь, Нижний Тагил и др.), а в целом почти в 1,5 тыс. населенных пунктов, хотя и отмечалось, что подготовка к введению всеобщего обязательного обучения в области была недостаточной⁵. Для осуществления всеобщего обучения потребовалось расширить сеть начальных школ. Однако из-за недостаточных темпов строительства новых зданий для них предполагалось использовать под школы «помещения кулачества»⁶, что предусматривалось постановлениями 1930 г. По данным 104 районов Уральской области на начало 1931 г. под школы было отведено 1175 «кулацких домов»⁷.

Несмотря на все трудности, на территории Уральской области фактически уже в 1932 г. осуществлялось всеобщее начальное обучение, кроме Остяко-Вогульского и Ямальского округов, где оно было введено только в отдельных районах и населенных пунктах⁸.

Хотя в первом пятилетнем плане введение семилетнего обязательного обучения не намечалось, на деле уже к 1 января 1932 г. всеобщее семилетнее обучение было введено в 114 городах, рабочих поселках и семи районах сплошной коллективизации, а с 1 сентября

¹ Просвещение на Урале. 1929. № 2. С. 62, 64, 65, 71–72.

² Просвещение на Урале. 1931. № 1. С. 10.

³ Просвещение на Урале. 1929. № 11. С. 71.

⁴ Просвещение на Урале. 1931. № 1. С. 24.

⁵ Просвещение на Урале. 1930. № 1–2. С. 49.

⁶ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2595. Л. 117.

⁷ Просвещение на Урале. 1931. № 1. С. 6.

⁸ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2654. Л. 1.

1932 г. было обеспечено его введение во всех городах, рабочих поселках в 80 районах Уральской области¹.

Кроме общеобразовательных школ активно развивалась и система профессионально-технического образования (школы фабрично-заводского ученичества, профессионально-технические школы, школы ученичества массовых профессий и т.п.), в рамках которой давалась и общеобразовательная подготовка. В Уральской области (табл. 7.6) в 1920-е гг. их количество в целом постепенно росло: с 39 в 1924/25 уч. г. до 102 в 1928/29 уч. г. В. 1929/30 — 1930/31 уч. гг. наблюдался резкий рост — до 251. Но в 1931/32 г. таких школ было уже только 227 из-за происходивших реорганизаций. Численность учеников увеличивалась постепенно в период с 1925/26 по 1928/29 уч. гг. — с 7823 до 9719 чел., тогда как в 1924/25 — 1925/26 гг. имел место резкий рост с 2794 до 7823 чел., а также с 1928/29 по 1931/32 гг. — с 971 до 69 285 чел.

Таблица 7.6

**Профессионально-технические школы Уральской области
(1924/25–1931/32 уч. гг.)**

Учебные годы	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Количество заведений	39	81	99	96	102	149	251	227
Численность учащихся, чел.	2794	7823	8653	8735	9719	13 351	41 505	69 285

Составлено по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 10–11.

Между тем, одной из важнейших задач в годы подготовки к введению всеобщего обязательного начального обучения была ликвидация неграмотности взрослого трудоспособного населения. На работу по ликвидации неграмотности, как и на работу школ, также негативно повлиял разразившийся в 1921–1922 гг. голод. Если в 1920/21 уч. г. в рамках Уральской области по неполным данным насчитывалось 2554 пунктов ликвидации неграмотности, в которых училось 81755 человек, то в 1922/23 г. их осталось только 237 с 7779 учащимися. Впоследствии сеть пунктов восстанавливалась: в 1923/24 уч. г. их было уже более 1000, а в 1924/25 г. — 2378² (по другим данным 2772³).

¹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 2654. Л. 2.

² ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 196.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 546. Ф. Л. 23.

Соответственноросло и количество оканчивающих курс ликбеза, которое в 1923/24 г. составляло 30 428 человек, в 1924/25 г. — 73 627¹ (по другим данным 71 696²), а в 1925/26 и 1926/27 уч. г. — по 50–55 тысяч³. Впрочем, ликбез проводился не только в пунктах ликвидации неграмотности, но и посредством индивидуально-группового обучения.

Работа по ликвидации неграмотности велась тяжело, так как, во-первых, не хватало финансирования, а во-вторых, имели место попытки решить вопрос быстро, методами «штурмовщины». В объяснительной записке к пятилетнему плану по народному образованию в Уральской области на 1925/26–1929/30 гг., в варианте, рассчитанном на 15 процентный рост местного бюджета предполагалось, что ликвидация неграмотности и в ликпунктах, и в порядке индивидуально-группового обучения будет проводиться на 50 % за счет местного бюджета и на 50 % — за счет общественных организаций (общества «Долой неграмотность») и «в порядке культшефства»⁴.

В этих условиях планы по обучению неграмотных систематически не выполнялись. Уральская областная организация общества «Долой неграмотность» установила план по обучению в 1925/26 учебном году 75 000 неграмотных, но в отчете конца 1926 г. констатировалось, что план этот выполнен не был, а согласно присланным шестью окружными советами точным сведениям обучено было только 6275 человек⁵. Отмечалось, что и соответствующий план Уралполитпросвета по обучению 350 000 неграмотных был выполнен только на 15 %, по неполным данным было обучено 52 000 человек⁶. Указывалось, что план Общества не выполнялся, поскольку не учитывались реальные возможности организации в округах. Поэтому на 1926–1927 учебный год областная организация ОДН взяла на себя обязательства обучить 10 000 человек, из которых 70 % неграмотных, 10 % малограмотных и 20 % подростков, при том, что план Уралполитпросвета на тот же год предполагал обучение 100 тыс. неграмотных⁷.

Неудивительно, что в постановлении Бюро Уральского областного комитета ВКП(б) по докладу «О состоянии и перспективах просветительной работы на Урале» в 1926 г. констатировалось, что «ликвидация неграмотности находится в тяжелом положении». Отмечалось,

¹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 196.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 546. Ф. Л. 23.

³ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 196.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 611. Л. 4 об.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 608. Л. 111 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 111 об.–112.

что окружные отделы народного образования и общественные организации стали этому вопросу меньше уделять внимания, что приводило к систематическому невыполнению планов и сокращению бюджетных ассигнований и к неиспользованию ассигнованных средств¹. В постановлении указывалось, что снижение ассигнований на ликвидацию неграмотности недопустимо. Кроме того, предлагалось «шире развернуть работу общества «Долой неграмотность», втянув в него больше рабочие и крестьянские массы»².

В 1929 г. на страницах журнала «Просвещение на Урале» отмечалось, что в рамках культпохода по ликвидации неграмотности в 1928 г. было обучено всего 47 000 человек, тогда как в 1929 г. будет обучено не менее 100 тыс. Впрочем, отмечалось и то, что план в 142 тыс. выполнен не будет, так как общественные организации недостаточно привлечены к делу ликбеза. Однако указывалось, что план организации «Долой неграмотность» выполняется с превышением³. Несмотря на эти проблемы позже, в том же году было объявлено о плане обучить 500 тыс. неграмотных в 1929/30 учебном году в основном силами общественности⁴. В постановлении малого президиума Уральского областного исполнительного комитета по докладу Ураломо «О мероприятиях по ликвидации неграмотности на 1929–30 год» признавалось необходимым установить на учебный год минимальный контингент неграмотных и малограмотных, подлежащих обучению по области, в 500 тыс. человек, «взяв твердый курс на полную ликвидацию неграмотности на Урале в 3–4 года». Кроме того, указывалось на необходимость проведения широкой общественной мобилизации грамотных членов профсоюзных и общественных организаций, особенно среди молодежи, учащихся повышенных школ, техникумов и вузов (до 100 тыс. человек) для обучения неграмотных в индивидуально-групповом порядке⁵. На третьем Областном пленуме Уральского совета общества «Долой неграмотность» было решено, что из 500 тыс. неграмотных 300 тыс. должны были быть обучены за счет сил и средств Общества⁶.

В дальнейшем этот план был увеличен на 34 тыс. человек⁷. Впрочем, хотя «культармия» в 100 тыс. человек должна была быть готова

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 611. Л. 70.

² Там же. Л. 73.

³ Просвещение на Урале. 1929. № 5-6. С. 124.

⁴ Просвещение на Урале. 1929. № 7-8. С. 16, 22, 24.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Там же. С. 129–130.

⁷ Просвещение на Урале. 1929. № 11. С. 49.

к 1 октября 1929 г.¹, в ноябре было в наличии всего 50 тыс., не было и полного охвата неграмотных и малограмотных обучением². Кроме того, кампании по ликвидации неграмотности не хватало денежных средств, а также были постоянные проблемы с учебной литературой для малограмотных³. В начале 1930 г. была поставлена задача увеличить план по обучению неграмотных и малограмотных как минимум до 750 тыс. человек⁴. При этом, хотя на 1 января 1930 г. в области в школах грамоты обучалось 450 тыс. человек (90 % от прежнего плана), некоторые округа области отставали: план был по обучению был выполнен в Тагильском округе на 50 %, в Пермском — на 44 %, в Верхне-Камском — на 72 %⁵. Всего же в итоге обучением было охвачено около полумиллиона человек, а принимало в нём участие 60 тыс. «культурмейцев»⁶.

В 1931 г. план ликвидации неграмотности в Уральской области предполагал обучение уже 1 млн неграмотных и 1,6 млн малограмотных⁷. Но также сообщалось, что на 20 декабря 1930 г. в ряде районов области план охвата обучением был выполнен меньше, чем на 30 %, и меньше, чем наполовину — по области в целом⁸.

В целом же, согласно официальной статистике, охват обучением неграмотных и малограмотных в рассматриваемый период представлял собой следующую картину (табл. 7.7). В 1924/25 году, как указывалось выше, было обучено 73 627 человек, в 1925/26–1927/28 гг. — несколько меньше, от 53 387 до 58 172. В 1928/29 г. обучено было уже 152 750 чел., а в 1929/30–1931/32 гг. — от 527 661 до 760 000. Из представленных цифр не ясно, речь шла только об обученных в пунктах ликвидации неграмотности, или же включала и обученных посредством индивидуально-группового обучения.

Попытки решить проблему неграмотности взрослого населения быстро не давали нужного результата. Об этом свидетельствуют и данные об уровне грамотности населения согласно демографическим переписям 1926 и 1939 гг. В 1926 г. в Уральской области среди населения 9–49 лет обоего пола доля грамотного населения составляла 57 %⁹.

¹ Просвещение на Урале. 1929. № 7-8. С. 24.

² Просвещение на Урале. 1929. № 11. С. 51.

³ Там же. С. 52, 54.

⁴ Просвещение на Урале. 1930. № 1-2. С. 47, 54.

⁵ Там же. С. 48, 53.

⁶ Просвещение на Урале. 1931. № 1. С. 6.

⁷ Просвещение на Урале. 1931. № 1. С. 8.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 162–239.

Ликбез в Уральской области в 1924/25–1931/32 уч. гг.

Учебный год	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32
Количество обученных	73 627	54 763	53 387	58 172	152 750	651 000	760 000	527 661

Составлено по: Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 12.

Так как область впоследствии была расформирована, привести сведения об уровне грамотности её населения на 1939 г. крайне проблематично, но это можно сделать по Свердловской области. На её будущей территории в 1926 г. среди населения 9–49 лет обоего пола доля грамотного населения составляла 63 %, а в 1939 г. — 90 %¹. Притом необходимо помнить, что в качестве «грамотных» при проведении переписей регистрировались умевшие хотя бы читать, т.е. «малограмотные». Несмотря на это, в сборнике «Хозяйственное и культурное развитие Урала» 1934 года, предназначенном только для членов ВКП(б), утверждалось, что «в целом по [Уральской] Области в 1932 году грамотность равнялась уже 92,76 проц., а в 1933 г. — 94,8 проц.»² То есть, реальная ситуация с уровнем грамотности населения не была известна партийно-хозяйственному руководству. Имело место быть и явление вторичной неграмотности, когда обучившийся грамоте человек, не имея возможности тренировать и поддерживать эти навыки, утрачивал их. Поэтому вопрос полной ликвидации неграмотности взрослого трудоспособного населения будет стоять ещё долгие годы, хотя введение всеобщего начального обучения и обеспечило во многом прекращение роста численности неграмотных.

Формирование сети средних специальных учебных заведений в рассматриваемый период происходило следующим образом (табл. 7.8). До начала форсированной индустриализации их количество в области менялось слабо, от 40 в 1924/25 учебном году до 44 в 1928/29. Но уже в 1929/30 уч. г. в области было 63 техникума, то есть в 1,6 раза больше, чем в 1924/25 уч. г., а к 1932/33 стало 175 (более чем в 4 раза). Изменение численности студентов техникумов (табл. 7.9) в целом укладывалось в ту же тенденцию. В 1924/25–

¹ Жарков А.В. Уровень грамотности населения в 1926–1939 гг. (на материалах Свердловской области) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (71). С. 46, 47.

² Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск, 1934. С. 187.

Формирование системы советского образования в Уральской области

1927/28 уч. г. она колебалась от 6142 до 6917 человек, а в последующие годы имел место её огромный рост: с 7758 в 1928/29 уч. г. до 38 530 в 1932/33. По сравнению с 1924/25 уч. г. в 1930/31 уч. г. студентов техникумов было в 4 раза больше, а в 1932/33 — более чем в 6 раз. Этот рост был результатом реализации решений о расширении сети и контингентов вузов и техникумов, принятых на пленумах ЦК ВКП(б) в июле 1928 и в ноябре 1929 гг.¹

Таблица 7.8

Количество вузов и техникумов в Уральской области в 1924/25–1932/33 уч. гг.

Учебные заведения	Учебные годы								
	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33**
ВУЗы*	3	3	3	3	3	3	21	29	34
В % к 1924/25 уч. г.	100	100	100	100	100	100	700	967	1133
Техникумы	40	41	42	44	44	63	125	146	175
В % к 1924/25 уч. г.	100	103	105	110	110	158	313	365	438

Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 76–77; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 321; Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 10–11.

*В 1924/25 — 1929/30 гг. — с учетом Урало-Сибирского коммунистического университета.

**Данные неполные.

Вузов на Урале во второй половине 1920-х гг. практически не было (табл. 7.8). В Перми работал Пермский университет, открытый в 1917 г. на базе Пермского отделения Петроградского университета, а в Свердловске действовали два вуза: Уральский политехнический институт, открытый в 1920 г. как Уральский университет, и Урало-Сибирский коммунистический университет, созданный в 1924 г. После издания постановления ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков»² количество вузов резко увеличилось, в первую очередь за счёт разукрупнения Уральского политехнического и Пермского университетов, создания отраслевых институтов, в которых готовились кадры для промышленности, системы образования и медицины. В 1930/31 уч. г. их было уже больше 20, в 7 раз больше, а в 1932/33 — 34, в 11,3 раза больше, чем

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 16 т. Т. 4: 1926–1929. М., 1984. С. 357; Т. 5: 1929–1932. М., 1984. С. 20–21.

² Законы о вузах и техникумах. 1930–1938 гг. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина: сайт. URL: <http://museumreforms.ru/node/13995#ref-1> (дата обращения 23.12.2024)

Таблица 7.9

**Численность студентов вузов и техникумов Уральской области
в 1924/25–1932/33 уч. гг.***

Учебные заведения	Учебные годы								
	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33***
ВУЗы**	3972	3110	3374	3390	3516	4270	6904	12 903	18 357
В % к 1924/25 уч. г.	100	78	85	85	89	108	174	325	462
Техникумы	6142	6528	6385	6917	7758	10 512	24 688	33 307	38 530
В % к 1924/25 уч. г.	100	106	104	113	126	171	402	542	627

* Составлено по: Уральское хозяйство в цифрах, 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 76–77; Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 гг. Свердловск, 1933. С. 321; Социалистическое строительство Урала за 15 лет: (основные показатели). Свердловск, 1932. С. 10–11.

** С учетом студентов рабфаков в 1924/25 уч. г.; в 1924/25–1929/30 гг. — с учетом Урало-Сибирского коммунистического университета. *** Данные неполные.

в 1924/25 уч. г. Позднее, впрочем, в связи с процессами объединения небольших вузов со слабой материальной базой в крупные, их число снизилось. Численность студентов вузов (табл. 7.9) до начала индустриализации росла незначительно — с 3110 в 1925/26 до 3516 в 1928/29 уч. году. Но в 1929/30 уч. г. их насчитывалось 4270, а в 1932/33 уч. г. — 18 357, в 4 и более чем в 6 раз больше, чем в первые годы существования Уральской области.

Деятельность вузов, как и работа других учебных заведений, не была лишена трудностей, связанных с их становлением. До начала 1930-х гг. они страдали от недостатка финансирования. Так, в 1927 г. отмечалось, что вузы сталкивались с нехваткой специального оборудования, помещений, преподавательского персонала. Зарплата преподавателей была низкой, а материальное обеспечение студенчества недостаточным¹.

Таким образом, к моменту упразднения Уральской области была сформирована советская система образования, включавшая в себя начальные и средние школы, профессионально-технические (школы ФЗУ и т.п.), средние специальные и высшие учебные заведения. Их сеть и контингенты расширялись сообразно потребностям народного хозяйства региона, несмотря на имевшиеся трудности. А работа по ликвидации неграмотности взрослого населения, хотя и проводилась в непростых условиях и порой недостаточно эффективно, всё же привела к положительным результатам.

¹ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 770. Л. 26.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
АТД — административно-территориальное деление
ВИЗ — Верх-Исетский завод
всеобуч — всеобщее обучение
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
Госплан СССР — Государственный плановый комитет при Совете
Труда и Оборона СССР
ГОЭЛРО — Государственная комиссия по электрификации России
ЗРК — заводской рабочий комитет
Культармия — совокупность грамотных лиц, привлеченных к меро-
приятиям по ликвидации неграмотности
ликбез — ликвидация безграмотности
ликпункт — пункт ликвидации неграмотности
Наркомат финансов — Народный комиссариат финансов СССР
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия РСФСР
Наркомлес — Народный комиссариат лесной промышленности СССР
Наркомпочтель — Народный комиссариат почт и телеграфов РСФСР
Наркомпрос РСФСР — Народный комиссариат просвещения РСФСР
Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленно-
сти СССР
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НЭП — новая экономическая политика
ОблКК ВКП(б) — областная контрольная комиссия ВКП(б)
Облплан — областная плановая комиссия
Облснаб — областное управление снабжения
ОДН — общество «Долой неграмотность»
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
при СНК СССР
ОРС — отдел рабочего снабжения
Политбюро ЦК ВКП(б) — Политическое бюро Центрального комите-
та Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
Рабкооп — рабочая кооперация
Райколхозсоюз — районный союз сельскохозяйственных коллективов

Список сокращений

РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМСЗМ — Союзный машиностроительный завод им. Молотова
СНК — Совет народных комиссаров
СНХ — совет народного хозяйства
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
УИИ — Уральский индустриальный институт
Уралколхозсоюз — Уральский областной союз сельскохозяйственных коллективов
Уралобком — Уральский областной комитет ВКП(б)
УралОНО — Уральский областной отдел народного образования
Уралполитпросвет — Уральское политическое просвещение
Уральский облисполком (Уралоблисполком) — Уральский областной исполнительный комитет
УралУНХУ — Уральское управление народно-хозяйственного учета
Уралэконо (Уральский Облэконо) — Уральский областной экономический совет
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
уч. г. — учебный год
ФЗС — фабрично-заводская семилетка
ФЗУ — фабрично-заводское обучение
хоз. г. — хозяйственный год
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета
ЦЧО — Центрально-Черноземная область
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦКК ВКП(б) — Центральная контрольная комиссия Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЦПР — Центрально-промышленный район
ЧФЗ — Челябинский ферросплавный завод
ШКМ — школа крестьянской молодежи

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. А-2306. — Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР)
Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Ф. 1562. — Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР
Ф. 7733. — Министерство финансов СССР

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

- Ф. Р-88. — Исполнительный комитет Свердловского областного Совета народных депутатов / г. Свердловск
Ф. Р-233. — Министерство общего и профессионального образования Свердловской области, г. Екатеринбург
Ф. Р-239. — Уральское областное земельное управление «Уралоблзу» Исполнительного комитета Уральского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Свердловск (03.11.1923 — 17.01.1934)
Ф. Р-241. — Комитет по экономике Правительства Свердловской области, г. Екатеринбург
Ф. Р-245. — Уральская областная контрольная комиссия ВКП(б) – областной отдел рабоче-крестьянской инспекции «УралоблКК-РКИ» / Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции «ЦКК-НКРКИ», г. Свердловск (08.05.1924 — 11.02.1934)
Ф. Р-1812. — Уральское областное управление народно-хозяйственного учета Центрального управления народно-хозяйственного учета, г. Свердловск
Ф. Р-2110. — Ленинский районный комитет народного контроля, г. Свердловск

Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ)

- Ф. 1. — Пермский горком КПСС, г. Пермь, Пермская область
Ф. 25. — Личный фонд. Назаровский Борис Никандрович (1904–1972), журналист, ответственный редактор газеты «Звезда», главный редактор Пермского книжного издательства, общественный деятель, краевед, член Союза журналистов СССР
Ф. 78. — Ленинский райком КПСС, г. Пермь, Пермская область

Список источников

- Ф. 105. — Пермский обком КПСС, г. Пермь, Пермская область
Ф. 620. — Мотовилихинский райком КПСС, г. Пермь, Пермская область
Ф. 641/1. — Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома
Ф. 643/1. — Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989. и Закону РСФСР от 18.10.1991
Ф. 643/2. — Архивно-следственные дела на лиц, репрессированных по политическим мотивам в 1918–1980-х гг.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

- Ф. 4. — Свердловский областной комитет КПСС
Ф. 6. — Свердловский окружной комитет ВКП(б)

Городской архив г. Магнитогорска

- Ф. Р-16. — Отдел государственной статистики в городе Магнитогорск Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, г. Магнитогорск Челябинской области

Опубликованные источники

Законодательные акты, постановления и решения высших, центральных и местных органов власти

1. Законы о вузах и техникумах. 1930–1938 гг. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: сайт. URL: <http://museumreforms.ru/node/13995#ref-1> (дата обращения 23.12.2024)
2. Конституция РСФСР 1918. Раздел второй. Общие положения Конституции РСФСР // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 01.12.2024)
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. В 16 т. Т. 4: 1926–1929. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 575 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова.

Список источников

- бова. 9-е изд., доп. и испр. В 16 т. Т. 5: 1929–1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. 446 с.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. / Сост.: А. А. Абакумов Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
 6. Постановление ВЦИК от 03.11.1923 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1838.htm (дата обращения 29.01.2025)
 7. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. Отдел 1. М.: Управление Делами СНК СССР и СТО, 1931. 866, 20, 24 с.
 8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. Отдел 1. М.: Управление Делами СНК СССР и СТО, 1932. 828 с.
 9. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. Отдел 1. М.: Управление Делами СНК СССР и СТО, 1933. 780 с.
 10. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. 1004 с.
 11. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1934. 364 с.

Документальные и статистические материалы

1. XI Уральская областная конференция ВКП(б). 23 января – 30 января 1932 г. (в семнадцати бюллетенях). Свердловск; М.: Партийное изд-во, Уральское областное отделение, 1932. 487 с.
2. XII Уральская областная конференция ВКП(б): Стенографический отчет. Свердловск: Партиздат, 1934. 243 с.
3. Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов / Сост. Г. Е. Корнилов, И. А. Лаврова. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН ; Изд-во АМБ, 2009. 736 с.
4. Васютин В. Ф. Основные линии развития Урало-Кузбасса во втором пятилетии. Переработанный и дополненный доклад, прочитанный на I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил / В. Ф. Васютин. М.: Советская Азия, 1932. 71 с.

Список источников

5. Ведущие ученые Уральского государственного технического университета: Биографический справочник / Отв. ред. Б. В. Личман. Екатеринбург: УГТУ, 1995. 384 с.
6. Вольф М. Б., Клупт В. С. Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира / М. Б. Вольф, В. С. Клупт; Под ред. М. И. Бортника. Изд. 2-е, перераб. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. Ленингр. отд-ние, 1936. 575 с.
7. Воспоминания уполномоченного оперативного отдела Пермского губернского отдела ГПУ М. П. Овчинникова о Г. И. Мясникове. 26 марта 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 227. Л. 68–77. Копия. Машинопись. // Пермский государственный архив социально-политической истории: сайт. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/permskaya-golgofa-mihaila-ii-sbornik-dokumentov-o-poslednem-periode-zhizni-i-ubijstve-v-g-permi-velikogo-knyazyamihaila-aleksandrovicha-tom-2/dokumenty-ob-uchastnikah-i-organizatorah-ubijstva-velikogo-knyazyamihaila-aleksandrovicha/1-2-vospominaniya-upolnomochennogo-operativnogo-otdela-permskogo-gubernskogo-otdela-gpu-m-p-ovchinnikova-o-g-i-myasnikove.html> (дата обращения 01.02.2024).
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность // ЦСУ СССР, Отд. переписи. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. VIII, 423 с.
9. Генерал В. С. Михайлов, 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности / Под общ. ред. И. О. Гаркуша; сост.: Ю. В. Ильин, Л. Я. Сает, Н. В. Ильина. М.: РОССПЭН, 2007. 421 с.
10. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. XIII, 728, 113 с.
11. Завод № 172 Наркомата оборонной промышленности // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25 (дата обращения 20.02.2024)
12. Завод № 19 // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: <https://oboron-prom.ru/page,44,predpriyatiya-11-20.html> (дата обращения 03.02.2024)

Список источников

13. Завод № 98 // Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий: сайт. URL: <https://oboron-prom.ru/page,54,predpriyatiya-61-100.html> (дата обращения 03.02.2024)
14. Из воспоминаний участника революционного движения и Гражданской войны, ветерана КПСС В. Ф. Сивкова о работе Г. И. Мясникова в Пермской губернии в 1918–1921 гг. 1960-е гг. // ПермГАСПИ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 5. Л. 97-101, 112–120. Подлинник. Машинопись. // Пермский государственный архив социально-политической истории: сайт. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/permskaya-golgofa-mihaila-ii-sbornik-dokumentov-o-poslednem-periodе-zhizni-i-ubijstve-v-g-permi-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandroovicha-tom-2/dokumenty-ob-uchastnikah-i-organizatorah-ubijstva-velikogo-knyazya-mihaila-aleksandroovicha/1-1-iz-vospominanij-uchastnika-revoljutsionnogo-dvizheniya-i-grazhdanskoj-vojny-veterana-kpss-v-f-sivkova-o-rabote-g-i-myasnikova-v-permskoj-gubernii-v-1918-1921-gg.html> (дата обращения 06.02.2024)
15. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / Сост. С. С. Хромов. Ч. I. М.: Институт Российской истории РАН, 1997. 292 с.
16. Историко-революционный мемориал // Некрополи Перми ...и не только: сайт. URL: http://permnecropol.ucoz.ru/index/ir_memorial/0-42 (дата обращения 4.09.2020)
17. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 1 (1927–1932) / Отв. сост. Т. В. Сорокина. М.: Терра; Книжный клуб, 2008. 912 с.
18. История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963: Док. и материалы. Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Ч. 2 (1933–1937) / Отв. сост. Т. В. Сорокина. М.: Терра, 2011. 944 с.
19. Итоги выполнения Второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.: Госпланиздат, 1939. 160 с.
20. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.; Л.: Стандартизация и рационализация, 1933. 276 с.
21. Капитальное строительство в СССР: Стат. сборник. М.: Госстатиздат, 1961. 280 с.

Список источников

22. Крумин Г. И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год. (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и Обл. КК ВКП(б) 22 января 1933 г.) / Г. И. Крумин. Свердловск; М.: Партийное издательство, Уральское областное отделение, 1933. 47 с.
23. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2003. 912 с.
24. Награждение орденами Ленина в 1933 году // Кавалеры ордена Ленина в 1930-1938 годах и их судьбы // mozohin.ru: сайт. URL: <https://forum.mozohin.ru/index.php?topic=2038.0> (дата обращения 23.02.2024)
25. Народное хозяйство СССР: стат. справочник. 1932. М., Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1932. XLVIII, 669 с.
26. Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета СРКК и КД VI созыва, 1927 — апрель 1929. Свердловск: Издание Уралоблисполкома, 1929. 229 с.
27. Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. Т. 2: 1929–1984 гг. / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург: «Академкнига», 2000. 456 с.
28. Промышленность СССР: Статистический сборник / Ред. Л. М. Володарский. М.: Статиздат, 1957. 447 с.
29. Протоколы Президиума Госплана за 1921–1922 годы. В 3-х тт. Москва, 1979. // «Милитера» («Военная литература»): сайт. URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/gosplan1921-22/index.html> (дата обращения: 24.02.2024).
30. Профсоюзная перепись 1932–1933. По союзам: черной металлургии, транспортного машиностроения, сельско-хозяйственного машиностроения, авиавотракторной пр-сти, электротехнической пр-сти, цементно-керамической пр-сти, бумажников, хлопчато-бумажной пром. (Моск. обл.), мукомольно-хлебно-конд. пр-сти, торфяной пр-сти, промжилкомстроительства, желдоршосстроительства, коммунальников. Вып. 1. М.: Профиздат, 1934. 260 с.
31. Пшеницын Константин Федорович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991: сайт. URL: <https://www.knowbysight.info/PPP/06592.asp> (дата обращения: 24.02.2024).

Список источников

32. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3: Районный разрез плана. 3-е изд. М.: Плановое хозяйство, 1930. 606 с.
33. Районирование Урала / РСФСР. Свердловск: Изд. Урал. обл. испол. ком. советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1924. 136 с.
34. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). Сб. документов. / Сост. Т. И. Славко, А. Э. Бедель. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 221 с.
35. Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. 1932–2002 гг.: Документы и материалы. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 466 с.
36. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с.
37. Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР — Союзоргучет, 1935. LXIII, 690 с.
38. Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР — Союзоргучет, 1936. LXIII, 718 с.
39. Социалистическое строительство Урала за 15 лет (основные показатели). Свердловск: УралОблУНХУ, 1932. 57 с.
40. Театральный справочник на 1936 год. М.: Центральный Театрально-производственный комбинат, 1936. 442 с.
41. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. 1006 с.
42. Уральское хозяйство в цифрах, 1926 г.: краткий статистический справочник. Свердловск: Издание Уральского областного статистического управления, 1926. XIII, 390 с.
43. Уральское хозяйство в цифрах, 1927 г.: краткий статистический справочник. Свердловск: Издание Уральского областного статистического управления, 1927. XXI, 513 с.
44. Уральское хозяйство в цифрах, 1928 г.: краткий статистический справочник. Свердловск: Издание Уральского областного статистического управления, 1928. XXI, 571.

Список источников

45. Уральское хозяйство в цифрах, 1929 г.: краткий статистический справочник. Свердловск: Издание Уральского областного статистического отдела, 1929. XXIII, 587 с.
46. Уральское хозяйство в цифрах, 1930: краткий статистический справочник. Вып. 1: Социальная статистика. Свердловск: Издание Статсектора Уралплана, 1930. V, 223 с.
47. Уральское хозяйство в цифрах, 1930: краткий статистический справочник. Вып. 5: Обращение. Свердловск: Издание Статсектора Уралплана и Облторготдела, 1930. VI, 375 с.
48. Уральское хозяйство в цифрах, 1930: краткий статистический справочник. Вып. 6: Районы. Свердловск: Издание Статсектора Уралплана, 1930. CI, 826 с.
49. Уральское хозяйство в цифрах, 1931–1932 г.: краткий статистический справочник. Свердловск: Издание УралУНХУ, 1933. X, 388 с.
50. Фертауп П. Итоги административного районирования Урала / П. Фертауп // Экономика. 1925. № 8-9. С. 1–9.
51. Хозяйственное и культурное строительство на Урале: сборник. Свердловск: Уралплан, 1934. VIII, 209 с.
52. Хозяйство Свердловской области, 1935–1936 гг.: основные показатели / Отв. ред. А. П. Бобров. Свердловск: Издание Свердловского ОблУНХУ, 1936. 229 с.
53. Четыре года борьбы за социализм: материалы к отчету Свердловского областного исполнительного комитета. Свердловск: Издание Свердловского облисполкома, 1934. 192 с.
54. Шрамко С. Их звали старые большевики // Проза.ру: сайт. URL: <https://www.proza.ru/2014/11/20/1201> (дата обращения 03.08.2020)
55. XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Партийное издательство, 1932. 396 с.

Периодическая печать

1. Хозяйство Урала. 1926. № 13–14.
2. Просвещение на Урале. 1931. № 1.
3. Просвещение на Урале. 1930. № 1–2.
4. Уральский рабочий. 1930. 11 июля.
5. Хозяйство Урала. 1928. № 8–9.
6. Просвещение на Урале. 1929. № 2, 5–6, 7–8, 11.
7. Штурм. 1933. № 11–12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айнутдинов А. С. Возникновение Союза художников в Свердловске в 1932 году (к 90-летию образования творческой организации) / А. С. Айнутдинов // Художественная культура. 2022. № 4. С. 198–229.
2. Академическая наука Урала: очерки истории. / Е. Т. Артемов и др.; гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург; СПб.: Изд-во «Людвик», 2007. 480 с.
3. Алексеев В. В. Metallургия Урала с древнейших времен и до наших дней / В. В. Алексеев, Д. В. Гаврилов. М.: Наука, 2008. 886 с.
4. Алексеев Е. П. Лидер в художественной жизни Урала 1900–1930-х гг. / Е. П. Алексеев // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 285–289.
5. Алексеев Е. П. Памятники монументального искусства Свердловской области / Е. П. Алексеев, В. А. Черепов, С. П. Ярков. Екатеринбург: Сократ, 2008. 151 с.
6. Алексеев Е. П. Провинциальный монументализм: первые памятники В. И. Ленину на Урале в 1924–1926 гг. / Е. П. Алексеев // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2005. № 35. С. 142–161.
7. Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции. Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы) / Н. А. Аликина. Пермь: Пушкин, 2006. 176 с.
8. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии, 1992. 336 с.
9. Анфертьев И. А. Докладная записка лидера «Рабочей оппозиции» Гавриила Мясникова в ЦК РКП(б): источниковедческий потенциал документа / И. А. Анфертьев // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 3. С. 648–663.
10. Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс / А. В. Бакунин, А. Э. Бедель. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 160 с.
11. Банникова Н. Ф. Становление российской физико-химической научной школы в послеоктябрьский период / Н. Ф. Банникова // Память о прошлом – 2017. Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 301–308.

Список литературы

12. Баранов Е. Ю. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг.: монография / Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов, В. Ю. Лабузов. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. 632 с.
13. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1956. 366 с.
14. Бахтина И. Л. От ликбеза к всеобучу: миф или реальность? / И. Л. Бахтина, Э. Е. Протасова // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 22. С. 21–45.
15. Бахтина И. Л. Сельская школа на Урале в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009. 25 с.
16. Бедный Д. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 4: Стихотворения, басни, поэмы, повести. 1930–1940 / Примеч. И. С. Эвентова. М.: Госполитиздат, 1954. 410 с.
17. Богатов А. А. Наследники профессора А. Ф. Головина / А. А. Богатов, В. А. Шилов // Инновационные технологии в металлургии и машиностроении: материалы международной молодежной научно-практической конференции «Инновационные технологии в металлургии и машиностроении», посвященной памяти чл.-корр. РАН, почетного доктора УрФУ В. Л. Колмогорова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. С. 646–655.
18. Богатуров А. Д. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / А. Д. Богатуров, А. В. Виноградов // Восток–Запад–Россия: Сборник статей. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
19. Бугров К. Д. «Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса / К. Д. Бугров // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 2. С. 689–706.
20. Бугров К. Д. Архитектура авангарда в Лысьве эпохи первых пятилеток: стилистика, размещение и градостроительная роль / К. Д. Бугров // Культурный код. 2019. № 3. С. 13–25.
21. Бугров К. Д. Гонка за сульфидином: исследовательская стратегия И. Я. Постовского и формирование центра сульфамидной терапии в Свердловске во второй половине 1930-х — 1940-е гг. / К. Д. Бугров // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Вып. 21. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 121–133.
22. Бугров К. Д. Конструктивистские клубы Большого Урала: типология и размещение / К. Д. Бугров // Двенадцатые Татищевские

Список литературы

- чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 г.): материалы. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2020. С. 237–244.
23. Бугров К. Д. Конструктивистские медицинские комплексы Урала 1920-х — 1930-х гг.: архитектура и размещение / К. Д. Бугров // *Via in tempore. История. Политология.* 2020. № 1. С. 151–159.
 24. Бугров К. Д. Монументальная коммеморация Гражданской войны на советском Урале / К. Д. Бугров, М. И. Вебер // *Вопросы истории.* 2022. № 5 (10). С. 84–96.
 25. Бугров К. Д. Соцгорода Большого Урала / К. Д. Бугров. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.
 26. Букловский П. Ф. Промышленная архитектура / П. Ф. Букловский // *Опыт стройки.* 1934. № 12. С. 5–7.
 27. Войтенко А. А. На той далекой, на гражданской... Памятники и памятные места гражданской войны на Среднем Урале (1918–1919 гг.) / А. А. Войтенко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 318 с.
 28. Волков Е. В. Образы историко-революционных произведений изобразительного искусства Южного Урала / Е. В. Волков // *Вестник ЮУрГУ.* 2010. № 28 (204). С. 25–34.
 29. Воробьев А. Ю. Большой синтетический театр в Свердловске: формирование нового общественного центра города / А. Ю. Воробьев // *Архитектура и строительство России.* 2012. № 10. С. 32–39.
 30. Геббс Я. Левые коммунисты в России. 1918 — 1930 гг. / Интернациональное коммунистическое течение: Пер. с англ. И. А. Рисмухамедова. М.: НПЦ «Праксис», 2008. 332 с.
 31. Главацкий М. Е. Подготовка инженерных кадров на Урале. (1920–1937 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1963. 17 с.
 32. Голикова С. В. Горнозаводской субстрат уральского областничества / С. В. Голикова // *Studia culturae.* 2016. № 27. С. 165–176.
 33. Голубцов В. С. Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923 гг.) / В. С. Голубцов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 230 с.
 34. Горбунова Д. П. Борьба партийных организаций Урала за осуществление всеобщего обучения в годы второй пятилетки / Д. П. Горбунова // *Ученые записки Свердловского педагогического института.* Вып. 14. Свердловск, 1957. С. 20–39.
 35. Горнозаводской и индустриальный Урал в зеркале столетий: антология / Сост.: К. Д. Бугров, М. И. Вебер, А. А. Думчиков и др.; науч. ред. К. Д. Бугров. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 686 с.

Список литературы

36. Гришанов П. В. Деятельность партийной организации Урала и Западной Сибири по укреплению финансово-материальной базы общеобразовательной школы в 1926–1941 годах / П. В. Гришанов // Свердловский пед. ин-т. Ученые записки. Сб. 302. Свердловск, 1978. С. 28–52.
37. Гусев А. И. Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) / А. И. Гусев // Вопросы естествознания и техники. 2014. № 2. С. 25–53.
38. Демьян Бедный. От канцелярщины и спячки // Livejournal: сайт. URL: <https://anaris.livejournal.com/678000.html> (дата обращения 28.01.2024)
39. Дзюбинский С. Люди пятилетки (1935) // История промышленности Пермского края — XX век. Пермь: Литер–А, 2006. С. 153–155.
40. Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 472 с.
41. Ермаков А. В. Развитие электроэнергетической базы Уральского региона в первой трети XX века / А. В. Ермаков // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 333–347.
42. Ерыкалина А. Ю. Культурная жизнь городского населения Южного Урала (конец XIX в. — 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2015. 195 с.
43. Жарков А. В. Уровень грамотности населения в 1926–1939 гг. (на материалах Свердловской области) / А. В. Жарков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (71). С. 38–54. DOI 10.21685/2072-3024-2024-3-4.
44. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. / В. Б. Жиромская. М.: РОССПЭН, 2001. 277 с.
45. Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920-1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.
- Журавлева Н. С. Культура и искусство Урала в начале 1920-х гг. / Н. С. Журавлева // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. Кн. 2. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. С. 355–361.
47. Загребин С. С. Метаморфозы культуры. Культурное строительство на Южном Урале в 1929–1941 гг. / С. С. Загребин. Челябинск: Б. и., 1994. 285 с.

Список литературы

48. Зайнуллин Л. А. 85 лет научно-исследовательскому институту металлургической теплотехники (ОАО «ВНИИМТ») / Л. А. Зайнуллин, Г. М. Дружинин // Современные научные достижения металлургической теплотехники и их реализация в промышленности. Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию основания кафедры ТИМ, УрФУ и 85-летию основания ОАО «ВНИИМТ». Екатеринбург: Межрегиональный издательский центр, 2015. С. 3–10.
49. Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
50. Зиянев В. В. Введение всеобщего и реформа школы в годы первых пятилеток на Южном Урале / В. В. Зиянев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2012. № 1 (7). С. 128–137.
51. Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. (1926–1932 гг.) / В. Н. Зуйков. М.: Мысль, 1971. 301 с.
52. Ивинских Г. П. «Трамвайский период» в истории Пермского академического театра драмы / Г. П. Ивинских // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 233–235.
53. Институт химии твердого тела УрО РАН, 70 лет / отв. ред. Ю. Г. Зайнуллин. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 227 с.
54. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Политиздат, 1950. 352 с.
55. История индустриализации Урала (1926–1932 гг.) / Под ред. В. Н. Зуйкова (гл. ред.), В. В. Фельдмана, И. И. Бабинова. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1967. 595 с.
56. История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1: 1917–1945 / А. В. Бакунин, Ю. А. Буранов, Р. Г. Пихоя и др.; ред. колл.: М. А. Сергеев (отв. ред.) и др. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 256 с.
57. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика: Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», 10–12 нояб. 1997 г. / Отв. ред. В. М. Кириллов. Нижний Тагил, 1997. 207 с.
58. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 242 с.
59. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Общества «Друзей литературы» и социокультурная жизнь уральского города в конце XIX — начале XX в. / Е. Ю. Казакова-Апкаримова // Филологический класс. 2013. № 4. С. 124–130.

Список литературы

60. Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале / И. С. Капцугович. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1975. 191 с.
61. Келлер А. В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты) / А. В. Келлер. СПб.: Алетейя, 2020. 627 с.
62. Килин А. П. Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.) / А. П. Килин // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 373–382.
63. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография / А. П. Килин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.
64. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е — начало 50-х гг.: в 2 ч. Ч. 1. Репрессии 1920–1930-х гг. / В. М. Кириллов. Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. педагогический ин-т, 1996. 231 с.
65. Ковалевский Н. А. Районный разрез в пятилетнем плане / Н. А. Ковалевский // Плановое хозяйство. 1929. № 3. С. 53–90.
66. Козин В. З. Ортин Михаил Федорович (к 130-летию юбилею со дня рождения) (1880–1958) / В. З. Козин // Известия Уральского государственного горного университета. 2011. № 25–26. С. 175–176.
67. Козлова Л. И. Архитектура конструктивизма города Нижнего Тагила / Л. И. Козлова, Л. П. Холодова. Екатеринбург: Архитектон, 2008. 86 с.
68. Колдушко А. А. «Контрреволюционер» Голышев / А. А. Колдушко // Ретроспектива. 2007. № 3. С. 33–39.
69. Колосовский Н. Н. Будущее Урало-Кузбасского комбината / Н. Н. Колосовский. М.; Л.: Соцэкгиз, 1932. 136 с.
70. Колосовский Н. Н. Проблема порайонной организации хозяйства / Н. Н. Колосовский // Плановое хозяйство. 1929. № 12. С. 20–31.
71. Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества / Е. В. Конышева. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 176 с.
72. Корнилов Г. Е. Индекс грамотности сельского населения Урала в 1897–1939 гг. / Г. Е. Корнилов // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-1. С. 28–41.

Список литературы

73. Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
74. Корнилов Г. Е. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) / Г. Е. Корнилов, О. В. Павлова // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 210–226.
75. Корнилов Г. Е. Население Свердловской области в первые годы образования / Г. Е. Корнилов // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН; АМБ, 2011. С. 72–75.
76. Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920–1930-е годы / Г. Е. Корнилов // Институты развития демографической системы общества: сб. материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 290–296.
77. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.) / Е. И. Красильникова. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 404 с.
78. Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты / В. Н. Круглов. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: [б. и.], 2020. 477 с.
79. Круглов В. Н. Экономическое районирование как фактор административно-территориального деления России в XX–XXI вв. / В. Н. Круглов // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 2. С. 78–109.
80. Кружинов В. М. «Дело» Г. И. Мясникова / В. М. Кружинов // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С. 90–95.
81. Кудрин А. В. Дело об оскорблении инженера Сеппайна действием и роль в нём Александра Лбова / А. В. Кудрин // Мотовилиха: век XVIII — век XXI. Тезисы докладов научно-практической конференции. Пермь: Пушкин, 2017. С. 100–105.
82. Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. 19 с.

Список литературы

83. Кузнецова Т. Е. Уклад и многоукладность: социально-экономическое содержание / Т. Е. Кузнецова, Л. В. Никифоров // Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы: сборник. М.: Ин-т экономики, 2009. С. 12–24.
84. Куроптев Ю. На руинах пермского социализма. Что делать с символом научно-технического прогресса и революционной Мотовилихи // Интернет-журнал «Звезда». 28 июля 2017: сайт. URL: <https://zvzda.ru/articles/a21c2edc07c7> (дата обращения 25.02.2021).
85. Кутепов С. М. О вкладе уральской науки в практическое здравоохранение / С. М. Кутепов, Н. С. Давыдов, Ю. В. Мандра, Е. В. Федорова // Вестник УГМУ. 2015. № 2–3. С. 155–158.
86. Куштум Н. А. Возвращение молодости. 2 книга стихотворений / Н. А. Куштум. Свердловск: Сверд. гос. изд-во, 1934. 75 с.
87. Ламин В. А. Проекты транспортного обеспечения реализации программы Урало-Кузбасса / В. А. Ламин, А. И. Тимошенко // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. С. 181–207.
88. Лейбович О. Л. «...За что его погубили и нас тоже?»: Два прошения о заступничестве. 1935 год // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 317–324.
89. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 года // ПСС. 5-е изд. Т. 43. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 146–161.
90. Ленин В. И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // ПСС. 5-е изд. Т. 36. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 283–314.
91. Лукьянов П. М. История химической промышленности СССР / П. М. Лукьянов, А. С. Соловьева. М.: Просвещение, 1966. 254 с.
92. Макушина В. Лесные богатства Канады и их использование / В. Макушина // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 260–267.
93. Малкова И. Г. Особенности театральной жизни в городах Урала в советскую эпоху / И. Г. Малкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 1. С. 64–70.
94. Малышев В. П. УНИХИМ: связь времен: исторические очерки / В. П. Малышев. Екатеринбург: Сократ, 2010. 374 с.
95. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1955. С. 249–393.

Список литературы

96. Маркевич А. М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. / А. М. Маркевич // Экономическая история: ежегодник. 2004. Т. 2003. С. 20–54.
97. Марков В. Ф. 100 лет физико-химическим исследованиям в Уральском федеральном университете / В. Ф. Марков, В. А. Черепанов // Журнал физической химии. 2020. Т. 94. № 12. С. 1749–1751.
98. Маштакова Л. В. Русская литература конца XIX — начала XX вв.: модернистские тенденции в творчестве поэтов и писателей Урала: учебное пособие / Л. В. Маштакова, Т. И. Хорунженко; науч. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 129 с.
99. Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки / Ш. Мерль // Экономическая история: ежегодник. 2017. Т. 2016-17. С. 303–349.
100. Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах / М. Ю. Мухин. М.: Наука, 2006. 320 с.
101. Мясников Г. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова / Г. Мясников; Публ. Б. И. Беленкина и В. К. Виноградова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Athe-neum; Феникс, 1995. Вып. 18. С. 7–191.
102. Набойченко С. С. Металлургия благородных металлов на Урале: от Н. Н. Барабошкина до наших дней: К 100-летию Екатеринбургского завода по обработке цветных металлов / С. С. Набойченко. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2016. 360 с.
103. Население Урала, XX в.: История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов и др. Екатеринбург, 1996. 209 с.
104. Научно-исследовательские институты тяжелой промышленности: сборник / Под общ. ред. А. А. Арманд. М.; Л.: ОНТИ. Сектор ведомственной и заоч. лит-ры, 1935. XX, 1028 с.
105. Ненароков А. П. Смилга Ивар Тенисович // Реввоенсовет Республики / Под. ред. Д. П. Ненарокова. М.: Политиздат, 1991 // Библиотека // История государства. История России: сайт. URL: https://statehistory.ru/books/pod-red--D--P--Nenarokova_Revvoensovet-Respubliki/22?ysclid=lsy1d420tt783632552 (дата обращения 23.02.2024).
106. Ножкин В. В. Положение об Уральской области и его историческое значение / В. В. Ножкин // Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1974. С. 128–134.
107. Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Свердловск, 1964. 18 с.

Список литературы

108. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века: монография. / В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и др.; отв. ред. В. В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 244 с.
109. Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: Сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) / Е. А. Осокина // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
110. Отмахова А. В. Малоизвестные факты из жизни А. К. Сыропятова и Н. Н. Серебренникова — основателей Пермской государственной художественной галереи / А. В. Отмахова // Academia. 2023. № 2. С. 241–250.
111. Побережников И. В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития / И. В. Побережников // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв.: К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2004. С. 126–136.
112. Подгорный М. Э. Урало-Кузбасс: 2-ая угольно-металлургическая база СССР / М. Э. Подгорный; Под ред. В. Ф. Васютина. М.; Л.: Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. 119 с.
113. Подлубнова Ю. С. «Лицо старого Урала изменяется на глазах»: развитие производственного очерка в литературе Урала 1920–1930-х гг. / Ю. С. Подлубнова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 1. С. 43–53.
114. Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») / Н. С. Полищук // Советская этнография. 1991. № 6. С. 25–39.
115. Попов М. В. Деятельность партийных организаций по развитию культурно-просветительной работы в уральской деревне в 1926–1932 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. 19 с.
116. Попов М. В. Культура и быт крестьян Урала в 1920–1941 годах / М. В. Попов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 201 с.
117. Попов М. В. Начальное образование в уральской деревне в 1920–1941 гг. / М. В. Попов, Э. Е. Протасова, И. Л. Бахтина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2006. 156 с.
118. Постников С. П. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 228 с.
119. Постников С. П. Подготовка рабочих кадров на Урале (1921–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1991. 39 с.

Список литературы

120. Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 474 с.
121. Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке: Сборник тезисов к 1 конф-и по размещению производит. сил. М.: Изд-во НКТП СССР, 1932. 128 с.
122. Просвет: история становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. / И. Липовцева, М. Михеев, Н. Мельников, А. Сарапулова. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2017. 198 с.
123. Протасова Э. Е. «Программа всеобуча» на страницах уральской периодической печати в начале 1930-х гг. / Э. Е. Протасова // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23. С. 117–121.
124. Профессора Пермского государственного университета / Ред. кол.: В. В. Маланин, В. И. Костицын, В. М. Суслонов, В. И. Яковлев, Р. А. Ошуркова, В. Ф. Селезнев, Е. Н. Остапенко. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 432 с.
125. Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики) / Л. М. Пумпянский. Берлин: Издательство «Основа», 1923. 80 с.
126. Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье / Сост. Н. А. Аликина, И. Г. Горовая. Пермь: Кн. изд-во, 1966. 823 с.
127. Рогожников С. И. Химический факультет Пермского государственного университета: возникновение и становление (к 90-летию образования факультета) / С. И. Рогожников, И. В. Машевская // Вестник Пермского университета. Химия. 2020. № 1. С. 6–64.
128. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Ю. Слѣзкин; авторизиров. пер. с англ. О. Леонтьевой; предисловие П. Верта; 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 512 с.
129. Смекалов И. Петр Соколов и Анна Боева — практики «футуристической революции» / И. Смекалов, Е. Алексеев // Искусствознание. 2020. № 1–2. С. 272–313.
130. Смирнов Л. Н. Истоки архитектурного авангарда на Урале. Уральская область (1923–1934) / Л. Н. Смирнов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2010. № 1. С. 55–58.
131. Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области / Л. Н. Смирнов. Екатеринбург: Независимый институт истории материальной культуры, 2008. 158 с.
132. Смирнова М. В. Герои Гражданской войны в каслинском литье / М. В. Смирнова // Гороховские чтения: Материалы девятой регио-

Список литературы

- нальной музейной конференции, Челябинск, 16 ноября 2018 года. Челябинск: Областное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей Южного Урала», 2018. С. 338–342.
133. Соколов А. К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. / А. К. Соколов. М.: Новый хронограф, 2012. 523 с.
134. Соколов А. П. Памятник борцам революции // Официальный сайт Управления культуры администрации Усть-Катавского городского округа. 24 августа 2017 г. URL: <http://uk174.ru/htmlpages/Show/turizm/Dostoprим/History/Pamyatnikborcamrevolyucii> (дата обращения: 20.12.2021)
135. Сперанский А. Н. Проблема развития черной металлургии Урало-Кузнецкого комбината / А. Н. Сперанский // Урало-Кузнецкий комбинат. Сборник статей. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 51–88.
136. Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып.1. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса жандармов, 1914. III, 250 с.
- Суворов М. В. Сталинская модернизация и материально-правовое положение уральского учительства в первой половине 1930-х гг. / М. В. Суворов, Э. Е. Протасова // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 6–14.
137. Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы / А. В. Сушков. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 292 с.
138. Твердюкова Е. Д. Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. / Е. Д. Твердюкова // Центр и регионы в истории России. М.: Скифия–Принт, 2010. С. 412–430.
139. Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) / В. П. Тимошенко // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 81–95.
140. Тиунов В. Мировые гиганты на Урале. Свердловск: Гранит, 1931. 144 с.
141. Трифонова Г. С. Рефлексии об искусстве Урала. Живопись Челябинская: основные тенденции за 100 лет / Г. С. Трифонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 98–108.

Список литературы

142. Трифонова Г. С. Формирование искусства Урала и Сибири в период советской индустриальной эпохи 1930-х. Выставка «Урало-Кузбасс в живописи» / Г. С. Трифонова // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 40–55.
143. Труды Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. Т. 4: Урало-Кузнецкий комбинат. М.: Советская Азия, 1933. 323 с.
144. Тухватулина К. А. Театральная культура Южного Урала конца XIX — первой трети XX века: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 244 с.
145. Урал в панораме XX века: монография. / С. С. Агеев, В. В. Алексеев, Е. П. Алексеев и др.; гл. ред. В. В. Алексеев; предисл. В. В. Алексеева, В. В. Якимов. Екатеринбург, 2000. 496 с.
146. Уральская государственная лесотехническая академия / Э. Э. Блюм, Л. К. Букварева, Л. В. Василенко и др.; Рук. авт. коллектива: С. А. Грановский; Редкол.: В. Н. Старжинский (отв. ред.) и др. Екатеринбург: УГЛТА, 2000. 472 с.
147. Усольцева Т. Г. Деятельность Уральской партийной организации по подготовке инженерно-технических кадров в системе высшей школы в период первой пятилетки / Т. Г. Усольцева // Из истории партийных организаций Урала: Сб. ст. № 43. Серия истории. Вып. 3. Свердловск, 1966. С. 57–71.
148. Фахреев Н. К. Из истории отрасли искусственного жидкого топлива СССР / Н. К. Фахреев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 54. С. 231–236.
149. Федорович И. И. Урало-Кузнецкая проблема / И. И. Федорович. М.; Л.: Центр. упр. печати ВСНХ–СССР, 1926. 100 с.
150. Фельдман М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы нэпа / М. А. Фельдман // Отечественная история. 2003. № 5. С. 20–30.
151. Филатов В. В. П. К. Соболевский — основоположник уральской геофизической школы / В. В. Филатов // Известия Уральского государственного горного университета. 2016. № 4. С. 99–102.
152. Фомичев И. А. Политические репрессии в Надеждинске. 1918–1952 гг. / И. А. Фомичев. В 2-х тт. Т. 1. Екатеринбург: Б. и., 2012. 270 с.
153. Хлевнюк О. В. Сталинский период советской истории. Историографические тенденции и нерешенные проблемы / О. В. Хлевнюк // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 71–80.

Список литературы

154. Чупахин О. Н. Химическая наука на Урале: достижения и перспективы / О. Н. Чупахин, В. И. Салоутин, В. Н. Чарушин // Успехи химии. 2013. № 8. С. III–VI.
155. Чураков Д. О. Рабочее самоуправление в России. Фабзавкомы и революция 1917–1918 гг. / Д. О. Чураков. М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2015. 272 с.
156. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.) / В. Г. Чуфаров. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд., 1970. 378 с.
157. Чуфаров Г. И. Вклад ученых Урала в науку / Г. И. Чуфаров, А. А. Пятницкий. Свердловск: Свердлгиз, 1948. 40 с.
158. Шабалин В. В. Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове / В. В. Шабалин // РЕТРОспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 4–9.
159. Шилов В. В. История открытия и роль крупнейшего в мире Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей / В. В. Шилов // Вестник Прикамского социального института. 2023. № 2 (95). С. 140–159.
160. Эвенчик Б. И. Урал в плане Урало-Кузнецкого комбината / Б. И. Эвенчик. М.: Советская Азия, 1932. 105 с.
161. Ярков С. П. Рождение свердловского Союза художников и художественная жизнь Урала 1920–1930-х гг. / С. П. Ярков // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 35. С. 161–173.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугров Константин Дмитриевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

Жарков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

Зыкин Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант Института истории и археологии УрО РАН, доцент кафедры истории России департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Килин Алексей Павлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий центром экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург.

Лейбович Олег Леонидович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии Пермского государственного института культуры, г. Пермь.

Фельдман Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, г. Екатеринбург.

Научное издание

Уральская область в 1923–1934 гг.: взгляд через 100 лет
(исторические очерки)

Коллективная монография

Электронное текстовое издание

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН*

Верстка

Е. М. Иванова

Корректор

Е. М. Иванова

Объем издания — 2,73 Мб.